А. Л.

Русские государи
1706 – 1885

А 213
1970

А 213
1970

РУССКІЕ ГОСУДАРИ

ВЪ КІЕВѢ.

(1706–1885 гг.).

А. Л.

КІЕВЪ,
1896.

РУССКІЕ ГОСУДАРИ

ВЪ КІЕВѢ.

(1706—1885 гг.).

А. Л.

КІЕВЪ,
1896.

2007051216

Дозволено цензурою, Кіевъ 1 августа 1896 г.

Оттиски изъ „Кіевлянина“ 1896 г.
№ 203, 207, 209, 211, 212, 214, 215, 217, 219, 222, 223, 226, 231, 238, 239, 246, 247, 249.

КІЕВЪ.
Тип.-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Кіевское отдѣленіе, Бибик. бул., № 8 б.
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе 3

I. Посѣщеніе Кіева Императоромъ Петромъ Великимъ 6

II. Пребываніе Императрицы Елисаветы Петровны 19

III. Пріѣздъ великаго князя наслѣдника Павла Петровича и супруги его, великой княгини Маріи Ѳеодоровны, и посѣщеніе ими Кіевскаго магистрата и академіи 39

IV. Посѣщеніе Кіева Императрицею Екатериною II. 70

V. Императоръ Александръ Павловичъ . 133

VI. Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича въ 1816 г. и императрицы Александры Ѳеодоровны въ 1828 г. . . . 155

VII. Императоръ Николай Павловичъ въ Кіевѣ 170

VIII. Императоръ Александръ II. . . . 257

IX. Императоръ Александръ III. 303

«Кіевъ—колыбель святой вѣры нашихъ предковъ и вмѣстѣ съ симъ первый свидѣтель ихъ гражданской самобытности». Таковы знаменательныя слова, изображенныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ высочайшемъ указѣ объ учрежденіи университета св. Владиміра, данномъ Правительствующему Сенату 8 ноября 1833 г. Эти слова какъ нельзя лучше опредѣляютъ то значеніе, которымъ пользуется Кіевъ въ самосознаніи русскаго народа и его Вѣнценосныхъ Вождей.

«Кіевъ—Іерусалимъ земли русской», начерталъ въ своемъ рескриптѣ другой русскій самодержецъ, награждая въ самый день своего Священнаго Коронованія, 26 августа 1856 года, кроткаго святителя кіевска-

го, владыку Филарета, высшимъ русскимъ орденомъ, брилліантовыми знаками Андрея Первозваннаго.—Но не одними словами отличали русскіе государи свою любимую древнѣйшую вотчину, стольный городъ своихъ предковъ. Со времени возсоединенія Кіева всѣ государи русскіе оказывали ему особенное благоволеніе. Тишайшій царь Алексѣй Михаиловичъ, усердно молясь о предстательствѣ преподобныхъ угодниковъ печерскихъ, неоднократно жаловалъ Кіево-Печерской лаврѣ охранныя, утвердительныя и вкладныя на имѣнія грамоты и прислалъ отъ себя богатый вкладъ, серебрянаго съ золотыми цвѣтами глазета ризы, съ оплечьемъ краснаго бархата, унизанныя драгоцѣннымъ жемчугомъ. Со времени Петра Великаго русскіе государи часто лично посѣщали древнее наслѣдіе предковъ своихъ. Всякій разъ при этомъ они благоговѣйно поклонялись кіевскимъ святынямъ и усердно заботились о тѣхъ или другихъ нуждахъ древняго и многострадальнаго, но счастливаго и гордаго монаршими милостями города.

Нынѣ Кіевъ снова въ лихорадочномъ волненіи. Дѣятельно штукатурятся и красятся общественныя и частныя зданія, вновь

перемащиваются улицы, куполы старинѣйшихъ кіевскихъ храмовъ, Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря, и нововоздвигнутаго Владимірскаго собора блестятъ яркой новой позолотой, весь городъ прихорашивается... Предстоятъ торжества освященія Владимірскаго собора и открытія памятника императору Николаю I.

Теперь, когда вскорѣ на нашъ городъ будетъ обращено вниманіе всей Россіи, нелишне вспомнить, когда и по какому поводу Державные Вожди русскаго народа удостоивали своимъ посѣщеніемъ златоглавый древній Кіевъ, какъ они проводили здѣсь время, какія милости изливались отъ ихъ щедротъ на городъ и его святыни.

I.

Посѣщеніе Кіева Императоромъ Петромъ Великимъ.

Первымъ государемъ, посѣтившимъ Кіевъ послѣ включенія его въ составъ Московскаго государства, былъ Петръ Великій. Шла шведская война. Неутомимый Карлъ XII, какъ левъ, боролся съ Петромъ. Проницательный Петръ уже постигалъ смѣлый планъ шведскаго короля: нужно было защищать отъ возможнаго нападенія шведовъ южную Россію, и царь устремился къ важнѣйшему ея пункту—Кіеву.

1 іюля 1706 года царь пріѣхалъ въ Черниговъ, а оттуда на судахъ по Деснѣ и Днѣпру отправился въ Кіевъ. Три дня про-

должалось плаваніе царское, и лишь 4 іюля державный гость прибылъ въ стольный городъ своихъ предковъ. Сопровождаемый пушечными выстрѣлами, при многочисленномъ стеченіи народа, прямо съ берега онъ направился въ Софійскій соборъ, гдѣ его ожидалъ митрополитъ Варлаамъ Ясинскій съ духовенствомъ, и академія въ полномъ составѣ учащихъ и питомцевъ. Послѣ благодарственнаго молебствія за благополучно совершенное путешествіе, государь поклонился святынямъ соборнымъ и посѣтилъ митрополита Варлаама. Весь день пріѣзда былъ посвященъ затѣмъ обзору достопримѣчательностей города. государь посѣтилъ, между прочимъ, многіе храмы кіевскіе, духовенство коихъ встрѣчало его съ крестами и въ полномъ облаченіи и говорило приличныя случаю рѣчи. Въ монастырѣ Печерскомъ Петръ въ тотъ-же день посѣтилъ пещеры ближнія и дальнія, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ обозрѣвая почивающія тамъ мощи преподобныхъ угодниковъ и прочее, достойное примѣчанія. «Стеченіе народное и радостное онаго восклицаніе довершило того дня удовольствіе его величества»*).

*) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, II, 317.

На слѣдующій день по пріѣздѣ государь былъ снова въ Софійскомъ соборѣ *). Тутъ впервые обратилъ на себя вниманіе Петра знаменитый впослѣдствіи іерархъ и государственный дѣятель, тогда 25-лѣтній учитель Кіевской академіи Ѳеофанъ Прокоповичъ. «Ты», говорилъ молодой, но уже и тогда краснорѣчивый проповѣдникъ, привѣтствуя Петра отъ имени академіи: — «ты, пресвѣтлый монархъ нашъ, и прежде пришествія твоего присутствовалъ еси здѣ, и всегда обитаеши; обитаеши на судѣхъ правдою, обитаеши въ церквахъ поминаніемъ твопмъ, обитаеши въ монастырехъ твопми молитвами, обитаеши во всемъ градѣ державою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою, во всѣхъ сердцахъ любовію».

Въ тотъ-же день Петръ получилъ неожиданное извѣстіе, что Карлъ XII со всей своей арміей двинулся къ Кіеву и уже находится въ сорока миляхъ отъ города **). Вѣсть эта настолько встревожила государя, что онъ тотчасъ отдалъ приказъ стянуть немедленно войска къ Кіеву, гдѣ, опираясь на крѣ-

*) Аскоченскій, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ, академіею, I, 263.

**) Голиковъ, II, 318.

пость, воздвигнутую на Старомъ Кіевѣ Гордономъ, онъ падѣялся «по достоинству принять сего незваного гостя». Уже 8 іюля прибыли въ Кіевъ съ своими полками генералы Огильви, Ларть и Чамберсъ, но слухъ о нашествіи шведскаго короля, какъ выяснилось къ тому времени, оказался ложнымъ: Карлъ со всѣми своими войсками двинулся въ Саксонію, отложивъ походъ въ южную Россію до болѣе удобнаго времени. 8-го же іюля Петръ сдѣлалъ собраннымъ войскамъ смотръ.

Полтора мѣсяца пробылъ государь въ древней столицѣ своихъ предковъ, занимаясь укрѣпленіемъ города на случай нашествія шведовъ. Меншиковъ, ѣздившій уже по порученію царя въ Кіевъ, нашелъ, что существовавшая тогда на Старомъ Кіевѣ крѣпость не могла-бы устоять противъ новой тактики Карла XII, и совѣтовалъ построить новую. «Я ѣздилъ вокругъ Кіева», писалъ онъ Петру 12 мая 1706 года, «также около Печерскаго монастыря, и всѣ мѣста осмотрѣлъ. Не знаю, какъ вашей милости поправится здѣшній городъ, а я въ немъ не обрѣтаю никакой крѣпости. Но Печерскій монастырь зѣло потребенъ и труда съ нимъ будетъ немного; городъ изряд-

ный, каменный, только немного недодѣланъ и хотя зачатъ старымъ манiромъ, но можно изрядную фортецiю учинить, да и есть чего держаться, потому что въ немъ много каменнаго строенiя и церквей; а въ Кiевѣ городѣ каменнаго строенiя только одна соборная церковь, да монастырь. Городовое основанiе великое, и ежели его крѣпить, зѣло не легокъ станетъ» *). Петръ согласился съ мнѣнiемъ своего любимца; «къ тому-же и для того», выразился онъ впослѣдствiи, дѣлая собственноручную поправку въ Исторiи Свейской войны кабинетъ-секретаря Макарова, «что вся Украина оное мѣсто (Печерскiй монастырь) падъ мѣру въ почести имѣютъ» **).

15 августа, въ день лаврскаго храмового праздника — Успенiя Богородицы, состоялась въ присутствiи государя торжественная закладка крѣпости и молебствiе на мѣстѣ закладки, совершенное митрополитомъ Варлаамомъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ города. Планы новой «фортецiи» были составлены собственноручно госуда-

*) Соловьевъ, Исторiя Россiи, XV, 196.

**) Устряловъ, Исторiя царствованiя Петра В., IV, 462.

ремъ, который «самъ одинъ былъ ея инженеромъ». Для постройки новой крѣпости были назначены малороссійскіе козаки, подъ начальствомъ гетмана Мазепы и полковника Гейсена, при чемъ Мазепѣ было строго воспрещено куда-либо отлучаться изъ Кіева до окончанія работъ. Возведеніе крѣпости подвигалось довольно медленно: она была окончена только черезъ 10 лѣтъ. Первымъ ея комендантомъ былъ назначенъ полковникъ Геренкъ *).

Въ бытность свою въ Кіевѣ Петръ, по обыкновенію своему, продолжалъ неутомимо работать. Сохранилось болѣе 50 писанныхъ имъ изъ Кіева въ 1706 году собственноручныхъ писемъ и повелѣній кн. Ромодановскому, Брюсу, Меншикову, Репнину и др.

Незадолго до отъѣзда изъ Кіева государемъ было получено отъ князя Ромодановскаго письмо, въ которомъ онъ, во вниманіе къ усердпымъ трудамъ царя, милостиво жаловалъ его изъ бомбардирскихъ капитановъ лейбъ-гвардіи въ полковники Преображенскаго полка; за это вновь по-

*) Устряловъ, IV, 479.

жалованный полковникъ благодарилъ князя-кесаря самымъ лестнымъ письмомъ.

19 августа Петръ разрѣшилъ вопросы, предложенные ему Мазепою касательно вновь заложенной крѣпости и войскъ, и на другой день, 20 числа, выѣхалъ въ Петербургъ черезъ Стародубъ, Смоленскъ, Великія Луки и Нарву.

По преданію, Петръ Великій имѣлъ въ Кіевѣ квартиру на Подолѣ, подлѣ церкви св. Николая Притиска, въ каменномъ домѣ, гдѣ теперь помѣщается городское училище *). Трудно однако ручаться за достовѣрность этого преданія, такъ какъ въ 1811 году опустошительный пожаръ истребилъ весь Кіево-Подолъ, причемъ отъ пожара уцѣлѣло только два дома; на одинъ изъ нихъ и указываетъ преданіе, какъ на мѣсто жительства царя. Скорѣе можно принять свидѣтельство Аскоченскаго **), по которому Петръ Великій, пріѣзжая въ Кіевъ, всегда останавливался въ Лаврѣ, въ кельяхъ архимандрита.

Въ томъ же 1706 году, 24-го декабря, Петръ былъ снова въ Кіевѣ, на этотъ разъ

*) Закревскій, Описаніе Кіева, 81.
**) Аскоченскій, II, 93.

только на одинъ день. Осмотрѣвъ войска, онъ въ ночь подъ Рождество поспѣшилъ выѣхать въ Острогъ.

1709 годъ былъ годомъ послѣдняго посѣщенія Кіева Петромъ. Послѣ преславной викторіи Полтавской, разославъ по городамъ плѣнныхъ и сдѣлавъ другія распоряженія, державный побѣдитель съ Меншиковымъ и другими генералами и кавалерійскими войсками отправился въ Кіевъ, куда прибылъ 22 іюля. Кликами восторженной радости встрѣчали кіевляне царя, увѣнчаннаго лаврами только что одержанной побѣды. Шествіе царя было по истинѣ тріумфальнымъ. Пушечные выстрѣлы гулко и весело раздавались въ воздухѣ. Государь, счастливый и довольный, окруженный многочисленною свитой, подъѣхалъ къ Софійскому собору. Не въ новосозидаемой столицѣ, не въ первопрестольной Москвѣ, но здѣсь, въ стольномъ городѣ св. Владиміра совершалось благодарственное молебствіе Господу силъ за дарованную побѣду, включавшую Россію въ число Европейскихъ государствъ. Здѣсь, въ древнемъ храмѣ Ярослава Мудраго, кроткій ликъ Богоматери Нерушимой Стѣны подвигалъ царя къ даль-

нѣйшимъ трудамъ; здѣсь же Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ 1707 г. уже префектъ Академіи, произнесъ свое знаменитое Похвальное о Полтавской побѣдѣ Слово, настоящій панегирикъ царю и Меншикову. «Мы въ Александрѣ», сказалъ онъ послѣднему, «видимъ Петра и его священнѣйшему величеству въ твоемъ лицѣ поклоняемся» *). Съ той поры участь Ѳеофана была рѣшена. Панегирикъ велѣно отпечатать, съ переводомъ на латинскій языкъ, «яко всей Европѣ общій». Что же касается краснорѣчиваго проповѣдника, то Петръ, «примѣтивъ быстроту воображенія его, принялъ съ того времени въ особую милость» **), и вскорѣ молодой префектъ началъ свою удивительную карьеру «Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдника».

Въ слѣдующіе дни своего пребыванія въ Кіевѣ торжествующій царь-побѣдитель посѣщалъ святыни кіевскія, былъ у митрополита Іоасафа Кроковскаго и у другихъ духовныхъ лицъ, осматривалъ строющуюся крѣпость, присутственныя мѣста и училища, въ томъ числѣ, конечно, и Академію,

*) Аскоченскій, II, 12.
**) Голиковъ, III, 127.

гдѣ учителя и студенты говорили рѣчи и привѣтствія.

Здѣсь-же, въ Кіевѣ, государь получилъ отъ генералъ-адмирала Апраксина по морской службѣ чинъ шаутбенахта, за который благодарилъ слѣдующимъ письмомъ: «ваше превосходительство объявили мнѣ милость нашихъ командировъ чинъ третьяго флагмана, котораго еще не заслужилъ въ той службѣ. Но молю Господа, дабы даровалъ оный чинъ такъ-же заслужить, какъ и на сухомъ пути, и васъ, господина адмирала, за такое предстательство всеуниженно благодарствую, вручая исправленіе моей молодой саржи (чина) вашему наставительному управленію и пребываю вашимъ слугою. Питеръ». *).

Въ Кіевѣ-же Петру пришлось расплатиться за Полтавскія волненія. «Мнѣ за грѣхъ болѣзнь припала», писалъ онъ 4-го августа Меншикову, отправленному съ войсками въ Польшу, «которая по отъѣздѣ вашемъ ввечеру прямою лихорадкою объявилась; но когда въ понедѣльникъ принялъ фортативъ, и хотя съ помощью Божіею

*) Кіев. Губ. Вѣдомости 1847 г., стр. 246.

оную разорвалъ, однако-жъ она, яко проклятая болѣзнь, хотя не знобомъ и жаромъ, но тошнотою и тягостью еще давитъ и свои дни выбираетъ, и тако не чаю ранѣе 10 числа, или праздника (Успенія) отсель за безсильствомъ ѣхать».

Отъ 8 августа царь снова пишетъ своему любимцу: «вамъ не надлежитъ сумнѣваться о нашей болѣзни, ибо, какъ я предъ симъ писалъ, что, слава Богу, чрезъ фортативъ разорвана, но еще зѣло слабъ, такъ что четверти часа не могу простоять или ходить, что видѣлъ и вашъ присланной, а болѣзни, слава Богу, никакой не слышу, и вамъ ѣхать ко мнѣ не для чего, ибо Богу извольшу съ праздника, т. е. съ 15 дня сего мѣсяца, къ вамъ поѣду. При семъ для своего и вашего здоровья выпили по рюмкѣ». *).

10-го августа въ Кіевъ пріѣхалъ изъ Москвы царевичъ Алексѣй Петровичъ—поздравить отца съ побѣдою и извѣстить о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Царевичъ пробылъ въ Кіевѣ всего два дня и уже

*) Голиковъ, Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго, VIII, 273—275.

12-го числа выѣхалъ, по приказанію отца, въ Польшу, къ Меньшикову. Увѣдомляя Данилыча объ отправленіи къ нему сына, Петръ въ томъ-же письмѣ сообщаетъ о своемъ выздоровленіи. 15 августа государь оставилъ Кіевъ.

Съ пребываніемъ Петра Великаго въ Кіевѣ, связанъ слѣдующій интересный разсказъ, заимствованный нами изъ «Русскаго Архива» (1883 г.):

Петръ Великій, пріѣхавъ однажды (въ 1706 г.) въ Кіево-Печерскую лавру и, отслушавъ обѣдню, посѣтилъ тамошняго архимандрита. Тотъ вздумалъ угостить посѣтителей виномъ, и одинъ изъ монаховъ, съ большимъ подносомъ, уставленнымъ рюмками, подошелъ къ государю. Государь, разговаривая съ кѣмъ-то, не замѣтилъ подошедшаго и, махнувъ рукою, опрокинулъ на себя подносъ. Присутствовавшіе ахнули это за дурное предзнаменованіе, но умный монахъ не смутился и, указывая на разбитое стекло, сказалъ: «такъ сокрушатся, великій государь, силы супостатовъ твоихъ». «Дай Богъ, чтобы пророчество твое сбылось», отвѣчалъ весело Петръ. Между тѣмъ былъ поданъ другой подносъ,

всѣ выпили, и государь того-же числа отправился изъ Кіева.

Послѣ Полтавской битвы Петръ былъ въ лаврѣ и послѣ обѣдни снова зашелъ къ архимандриту. Государь вспомнилъ о томъ монахѣ, который опрокинулъ на него подносъ, и приказалъ позвать его.

«Пророчество твое сбылось», сказалъ онъ ему, «супостатъ сокрушенъ, какъ тѣ рюмки, которыя ты уронилъ». И похваливъ монаха за находчивость, тогда-же далъ повелѣніе посвятить его въ архимандриты въ одинъ изъ значительныхъ монастырей.

II.

Пребываніе Императрицы Елисаветы Петровны.

Въ 1744 году, спустя тридцать пять лѣтъ послѣ торжественнаго празднованія Петромъ Полтавской побѣды въ стѣнахъ Софійскаго собора, Кіевъ посѣтила императрица Елисавета Петровна съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и обрученной его невѣстою, великою княжной Екатериной Алексѣевной. Путешествіе это, по приготовленіямъ къ нему, напоминаетъ собою отчасти великолѣпное путешествіе въ Кіевъ и Тавриду императрицы Екатерины II въ 1787 году.

Хлопоты о благополучномъ «шествіи»

государыни начались еще въ 1743 г. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-аншефъ Леонтьевъ предписалъ всѣмъ подлежащимъ властямъ немедленно озаботиться, по случаю предстоящаго высочайшаго пришествія въ Кіевъ, устройствомъ дорогъ и мостовъ по большому тракту до Кіева. Особые офицеры по назначенію отъ правительства должны были понуждать помѣщиковъ сгонять на работы крестьянъ. Въ числѣ частныхъ владѣльцевъ имѣній, расположенныхъ по тракту, оказалась и Кіево-Печерская лавра, у которой были большія заселенныя земли за Днѣпромъ. Вслѣдствіе предписанія генералъ-губернатора, лавра впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно высылала на работы болѣе 1000 душъ изъ принадлежавшихъ ей крестьянъ.

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ заботился объ устройствѣ квартиры для помѣщенія державной гостьи. Вначалѣ Леонтьевъ предполагалъ отвести въ ея распоряженіе губернаторскій домъ, но архимандритъ лавры, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, Тимоѳей Щербацкій, считая губернаторскій домъ для помѣщенія государыни

неудобнымъ, въ апрѣлѣ 1743 года написалъ въ Петербургъ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, что для пребыванія императрицы мѣстное начальство хоть и назначило домъ, въ которомъ прежде жили губернаторы, но поелику онъ стоитъ на скучномъ мѣстѣ и даже не имѣетъ при себѣ сада, то не благоугодно-ли будетъ ея величеству остановиться въ лаврѣ, въ архимандритскихъ кельяхъ, которыя имѣютъ для сего всѣ удобства, съ садомъ и виноградникомъ для прогулокъ и съ прекраснымъ видомъ на Днѣпръ и все Заднѣпріе; притомъ, прибавлялъ архимандритъ, для государыни будетъ пріятнѣе это помѣщеніе и потому еще, что родитель ея, императоръ Петръ I, во время посѣщенія Кіева всегда жилъ въ сихъ кельяхъ. Предложеніе архимандрита встрѣтило согласіе въ Петербургѣ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ Щербацкій получилъ отъ графа Разумовскаго письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что государыня изволила назначить свое пребываніе въ лаврскихъ архимандричьихъ покояхъ, и что для описанія ихъ и устройства иллюминаціи назначенъ особый офицеръ. Тогда-же надъ архимандритскими кельями водруженъ дву-

главый орелъ, существующій и понынѣ (гдѣ теперь митрополитанскіе покои) *).

Затѣмъ, по указу сенатскому было сдѣлано распоряженіе о заготовленіи необходимаго числа лошадей на станціяхъ для проѣзда государыни и ея многочисленной свиты, всего по 1467 лошадей на каждую станцію. Началась и заготовка съѣстныхъ припасовъ. Генералъ-губернаторъ требовалъ отъ лавры приготовить муки пеклеванной 343 пуда, капусты кислой бѣлой 257 ведеръ, свѣтлосѣрой 112 ведеръ, шинкованной 133 ведра, бураковъ 105 ведеръ, да для ста конюшенныхъ лошадей сѣна 400 пуд. Въ то-же время присланный изъ Москвы курьеръ привезъ въ 6 бочкахъ 500 бутылокъ англійскаго пива для собственнаго употребленія государыни. Кромѣ всего этого, Леонтьевъ требовалъ, чтобы лавра заготовила еще бѣлыхъ восковыхъ свѣчей 438, желтыхъ 765, ночныхъ 87 и факеловъ ручныхъ 107. Послѣдняго требованія лавра исполнить не могла по неимѣнію достаточнаго количества воска, и свѣчи пришлось выписывать изъ другого мѣста **).

*) Аскоченскій, II, 93.

**) Аскоченскій, II, 94 и 510.

Красавица-государыня, въ ту пору едва еще переступившая тридцати-лѣтній возрастъ, болѣе всего боялась обезобразить свое прекрасное лицо слѣдами какой-либо сыпной болѣзни, особенно оспы, которая тогда, до благодѣтельнаго открытія Дженнера, свирѣпствовала по всей Россіи, унося и калѣча несчастныя жертвы. При поѣздкѣ въ Кіевъ, куда для поклоненія святымъ мѣстамъ стекались тысячи недужныхъ богомольцевъ, возможность зараженія какою-либо прилипчивою болѣзнью увеличивалась. Отсюда понятны хлопоты окружавшихъ государыню лицъ, чтобы избавить вѣнценосную путешественницу отъ зараженія. Такъ, 19 августа 1743 года «кабинетный статскій совѣтникъ» Василій Демидовъ отнесся къ генералъ-губернатору Леонтьеву слѣдующимъ письмомъ:

«Понеже ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что въ Кіевъ много приходятъ изъ разныхъ странъ болящія, между которыми находятся тяжкими недугами одержимые люди, и особливо *апелексій* (сифилисъ); того ради е. и. в. указала вашему превосходительству надлежащее при томъ смотрѣніе употребить съ наикрѣпчайшимъ под-

твержденіемъ, дабы, во время е. и. в. въ Кіевѣ пребыванія, такіе недужные, какъ въ монастырь (Печерскій), такъ и въ прочія св. церкви, гдѣ иногда е. и. в. присутствовать изволитъ, допущены не были, и для того приставить нарочныхъ офицеровъ съ командами, и при впускѣ народа велѣть такихъ спрашивать, и ежели какія найдутся, то высылать вонъ и отсылать за городъ; также всѣмъ жителямъ кіевскимъ объявить: ежели у кого въ домѣхъ имѣется воспою, корью, лопухою и другою какою сыпью одержимые люди, и тѣ бъ обыватели, и никто изъ домовъ ихъ во дворецъ, гдѣ е. и. в. пребывать изволитъ, отнюдь никто не ходилъ и на пути къ е. и. в и къ ихъ в. государю и великому князю и великой княжнѣ нигдѣ не подходилъ, и къ придворнымъ ни къ кому не ходили и къ себѣ не зазывали, и квартиръ у такихъ людей придворнымъ никому не отводить, о чемъ объявя, остаюсь съ должнымъ почтеніемъ» *).

Правительствующій Сенатъ, съ своей стороны, въ виду предстоящаго шествія государыни въ Кіевъ, издалъ 2 іюля 1744

*) Андріевскій. Ист. матеріалы изъ архива Кіев. губ. правленія, II, 166.

года указъ, которымъ предписывалось всѣмъ начальствующимъ по пути отъ Москвы до Кіева лицамъ принять соотвѣтствующія мѣры для удаленія изъ мѣстъ, по которымъ должна была проѣзжать императрица, людей, «воспою и корью, лопухою или другою какою сыпью одержимыхъ, и ежели гдѣ явятся, то тѣхъ больныхъ тотчасъ велѣть вывозить, а здоровыхъ, находящихся въ тѣхъ дворахъ жителей въ другіе дворы никуды, кромѣ ихъ одной работы, что домашней нужды надлежитъ, не пускать и того крѣпко наблюдать и для того къ тѣмъ дворамъ приставить безсмѣнный караулъ».

Леонтьевъ тотчасъ по полученіи этого указа далъ знать о немъ всѣмъ подчиненнымъ ему учрежденіямъ и лицамъ, къ кому это могло относиться, предписывая «чинить» согласно указу. Начались «изслѣдованія» и составлялись вѣдомости о больныхъ, которыя препровождались къ генералъ-губернатору. Въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ показывались не только больные упомянутыми въ указѣ болѣзнями, но всякіе. Такъ напр., при донесеніи Межигорскаго монастыря находимъ слѣдующую вѣдомость, составленную войтомъ с. Вышгородка:

«1744 года, іюля 15 дня, скоро по полученіи зъ монастыря Межигорского писанія, заразъ, того-жъ часу, я, войтъ, ходилъ по селу и списали больныхъ людей, а именно: у Коваля Матвѣя дитя малое больно па животъ; Михайло Ефимчикъ болѣнъ, ногами и руками не владѣетъ; у Федора Добрашенка дитя малое въ кору лежитъ; у дяка Выжгородского жена на кашель недужа; у Евфима Кадчипскаго мати па ноги болѣетъ, госціовая хороба».

Кіевскій войтъ, Войничъ, отъ 23 іюля доносилъ, что по полученіи имъ упомянутаго указа 23 іюля, «того-жъ часу въ нижнемъ городѣ Кіевѣ, на Подолѣ, по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ публикація учинена», и затѣмъ сдѣлана была «обстоятельная всѣхъ дворовъ ревизія» и составлена больнымъ слѣдующая вѣдомость, приложенная къ доношенію:

«Вѣдомость по улицѣ мостовой отъ брамы Крещатицкой до брамы Воскресенской, правою сторопою къ Днѣпру, кто оспою и сипко болѣзпію одержимы, нижей явствуетъ:

Отца Алексѣя Ѳоменка, священника Борисо-Глѣбского, дочь ея Параскевія, отъ

роду годъ пятой, болѣла воспою въ іюнѣ мѣсяцѣ: уже присохла совсѣмъ.

Отъ тое-жъ Крещатицкой брамы до брамы Воскресенской ку горѣ:

Въ парахіи Покровской, вдовы Катерины попадьи дочь дѣвка Горпина и хлопецъ Федоръ Кондратовъ мѣютъ на рукахъ коросту.

Въ парахіи Добро-Николаевской, у Василя целюрика два ученика, Иванъ Гавриловъ и Евхимъ Евдокимовъ, на головѣ шолуди имѣютъ.

Въ Кожемякахъ козакъ сотни Кіевской говоритъ сипко.

У Ивана Прилуцкаго челядки, дѣвки Евдокіи, на щекѣ и на плечѣ болячки» и т. д.

Кіевская губерская канцелярія, по полученіи этой вѣдомости, немедленно дала указъ, въ силу котораго войту Войничу предписывалось всѣхъ поименованныхъ въ вѣдомости лицъ «вывесть изъ Кіева нижняго города въ отдаленное село или деревни и изъ того села или деревни отнюдь никому во время высочайшаго ея императорскаго величества въ Кіевѣ пребыванія во все то время, пока с. и. в. пробыть

пзволятъ, ко двору е. и. в. приходить запретпть и для того приставить къ нимъ особливой караулъ» *).

Наконецъ, всѣ прпготовленія были окончены, и 26 іюля 1744 года выѣхали изъ Петербурга наслѣдникъ престола, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ съ обрученною невѣстою своею, великою княжною Екатериною Алексѣевной и ея матерью, принцессою Елисаветою Ангальтъ-Цербтской, а на слѣдующій день отправилась въ путь сама императрица, съ многочисленной свитой изъ 230 человѣкъ, въ которой, кромѣ графа А. Г. Разумовскаго и новопожалованнаго вице-канцлера, графа Михаила Воронцова, находились въ числѣ прочихъ два архіепископа, Крутицкій — Платонъ Малиновскій и Переяславскій—Арсеній Могилянскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій **).

Императрица, во время путешествія своего, часто выходила пзъ экипажа и, исполняя данный обѣтъ, шла иногда по нѣскольку часовъ кряду пѣшкомъ. Вслѣдствіе этого, путь ея совершался довольно медленно, и только около половины августа

*) Андріевскій. Ист. матеріалы, II, 162.
**) Соловьевъ, XXI, 337.

она вступила въ предѣлы Малороссіи, въ с. Толстодубово (на границѣ нынѣшнихъ Черниговской и Орловской губерній). Здѣсь ей была приготовлена оригинальная и торжественная встрѣча, которая удивила и много позабавила государыню:

10 реестровыхъ полковъ, два компанейскихъ и нѣсколько командъ надворной гетманской хоругви, подъ начальствомъ обознаго генеральнаго Якова Лизогуба, расположились на малороссійской границѣ въ одну линію, въ двѣ шеренги. Первый полкъ, отсалютовавши государынѣ знаменами и саблями и пропустивши ея экипажъ впередъ, поворачивался рядами съ праваго фланга и проходилъ позади прочихъ полковъ въ конецъ линіи, гдѣ снова становился во фронтъ; то же дѣлалъ второй полкъ и прочіе. Такимъ образомъ получился непрерывный фронтъ и безконечная линія войскъ отъ Толстодубова до мѣста ночлега императрицы. Такъ какъ государыня ѣхала медленно и кромѣ того, выходила изъ экипажа и шла нѣкоторое время пѣшкомъ, то войска маршировали безъ особаго затрудненія *).

*) Исторія русовъ (т. наз. Георгія Конисскаго), 243.

За 60 верстъ отъ Кіева императрица была встрѣчена нѣсколькими избранными лицами отъ Кіевскаго духовенства и гражданъ. 25 августа состоялся торжественный въѣздъ государыни въ Кіевъ. Любопытна встрѣча, приготовленная августѣйшей гостьѣ отъ Кіевской Академіи. По описанію неизвѣстнаго автора «Исторіи Русовъ», можетъ быть, даже очевидца встрѣчи, отъ Академіи, «помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія дѣланы государынѣ разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ выѣзжалъ за городъ (за Днѣпръ) важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодого студента. Колесница у него была божескій фаэтонъ, а въ него впряжены два пінтическіе крылатые копи, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя Кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своей наслѣдницей, просплъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его весь народъ русскій въ милостивое ея покровительство».

При въѣздѣ въ самый городъ были воздвигнуты великолѣпныя тріумфальныя ворота, гдѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, усыпавшаго кіевскія горы и улицы, государынѣ была устроена новая, еще болѣе торжественная встрѣча. Два митрополита, кіевскій—Рафаилъ Заборовскій и бѣлгородскій—Антоній, нарочно прибывшій къ этому дню, окруженные многочисленнымъ духовенствомъ всего города и его окрестностей, привѣтствовали вѣнценосную путешественницу съ благополучнымъ окончаніемъ дальняго пути и прибытіемъ къ цѣли ея путешествія. Толпы народа шумно выражали свое радостное ликованіе, звонъ колоколовъ кіевскихъ церквей сливался съ неумолкаемыми кликами восторженныхъ кіевлянъ. Государыня была отъ души тронута такою радушною и восторженною встрѣчею и, прослезившись, сказала въ присутствіи народа: «возлюби меня Боже, въ царствіи Твоемъ небесномъ такъ, какъ я люблю народъ сей благодарный и незлобивый» *).

Отъ тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ на площади (нынѣ Эспланадной), им-

*) Исторія русовъ, 244.

ператрица отправилась прямо въ лавру, гдѣ, послѣ краткой литіи въ великой церкви, прослѣдовала въ приготовленныя для нея архимандритскія кельи. Впродолженіе своего пребыванія въ Кіевѣ державная поклонница неоднократно посѣщала ближнія и дальнія пещеры, также Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь и прочіе кіевскіе храмы и святыни. Приводимъ слѣдующій разсказъ о посѣщеніи ею Китаевской пустыни *).

Поклонившись святому мѣсту, гдѣ жилъ нѣкогда предокъ августѣйшей посѣтительницы, великій князь Андрей Боголюбскій, государыня пожелала видѣть отшельниковъ, подвизавшихся въ пещерахъ, допынѣ еще существующихъ при той пустыни. Въ то время жили тамъ монахъ Досиѳей и бѣлецъ Гавріилъ. Государыня, повелѣвъ послѣдняго изъ нихъ постричь въ монашество, сама изволила присутствовать при семъ обрядѣ, а разставаясь съ Досиѳеемъ, вручила ему кошелекъ, наполненный золотомъ. Старецъ, проводя императрицу и не внося золота въ свою пещеру, положилъ полученный имъ кошелекъ съ деньгами у входа,

*) Аскоченскій, II, 95—96.

въ глиняный черепокъ. Спустя немного, крестьянинъ с. Пирогова принесъ Досиѳею какую-то пищу въ подаяніе; Досиѳей, благословивъ его, сказалъ: «а у меня була самодержавна и щось дала мени». Крестьянинъ поднялъ кошелекъ и, увидѣвъ въ немъ золото, доложилъ объ этомъ Досиѳею; но старецъ отказался принять его. Тогда крестьянинъ отнесъ кошелекъ въ лавру и представилъ духовному собору. Съ общаго совѣта соборной братіи и съ согласія монаха Досиѳея, тогда-же выстроена была на эти деньги, въ селѣ Пироговѣ (въ 1 верстѣ отъ Китаева), вмѣсто старой, малой и обветшалой деревянной церкви, новая, большая, деревянная-же, съ приличнымъ иконостасомъ, и пріобрѣтенъ для новой церкви серебряный потиръ. Въ тоже посѣщеніе государыня пожаловала братіи Китаевской пустыни тысячу рублей.

5 сентября было тезоименитство императрицы. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ праздновалось это торжество, но радушная и восторженная встрѣча государыни кіевлянами при въѣздѣ въ городъ заставляетъ предполагать, что именины ея были отпразднованы съ немень-шимъ блескомъ и пышностью.

Въ этотъ день въ лаврѣ, въ присутствіи державной именинницы, была торжественно отслужена митрополитомъ Рафаиломъ литургія, послѣ которой было совершено молебствіе о здравіи и долгоденствіи государыни, съ обычнымъ колѣнопреклоненіемъ, колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами съ крѣпостныхъ бастіоновъ. Въ тотъ-же день императрица посѣтила Академію.

8 Сентября, въ день праздника Рождества Богородицы, государыня снова была въ Академіи на торжественномъ диспутѣ, нарочно устроенномъ. Тутъ ректоръ Академіи, архимандритъ Сильвестръ Думницкій, произнесъ рѣчь о томъ, «коликое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель государь»; рѣчь эта настолько понравилась государынѣ, что, по ея повелѣнію, въ концѣ того же года слово Думницкаго было напечатано въ Петербургѣ, при Академіи Наукъ. Послѣ рѣчи, профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій поднесъ наслѣднику, великому князю Петру Ѳеодоровичу свой переводъ книги: «Зерцало должности государей.» Начались диспуты, въ промежуткѣ

между которыми одинъ изъ учениковъ пінтики произнесъ государынѣ витіеватое привѣтствіе въ стихахъ, начинавшееся такъ:

Златыми устиѣ наши да возшумятъ рѣки:
Златыя весна пова рождаетъ намъ вѣки.
Красніи цвѣти вѣнцы да прорастутъ сквозѣ:
Дѣва порфиропосна грядетъ въ славѣ мнозѣ.
Солнце лице явившу, облачныя стѣны
Бѣгаютъ, уступаютъ зъ горъ высокихъ сѣни.
Бѣжатъ убо и отъ горъ кіевскихъ золъ мраки,
Уступайте отъ очесъ печальніи зраки:
Елисаветъ, новое солнце, возсіяла,
Свѣтлый намъ день и радость многу даровала *)...

Вмѣстѣ съ тѣмъ ректоръ Академіи приподнесъ государынѣ великолѣпно отпечатанный въ типографіи Кіево-Печерской лавры Панегирикъ, въ которомъ Академія въ четырехъ «рѣчахъ» воздавала хвалу своей державной покровительницѣ на трехъ языкахъ, славянскомъ «яко природномъ и въ

*) Аскоченскій, II, 97.

Европѣ преизобильнѣйшемъ,» латинскомъ, «яко протчихъ въ искусствѣ умствованія философскаго славнѣйшемъ» и польскомъ «яко Кіеву порубежномъ.» *). «Протчими же,» добавляетъ въ предисловіи составитель Панегирика, префектъ академіи и философіи учитель іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, «яко священнымъ еврейскимъ и премудрымъ греческимъ, къ тому и нѣмецкимъ языками, не за неискуствомъ учителей, но за неимуществомъ тѣхъ діалектовъ печати, издати здесь невозможно.»

Во время своего пребыванія въ Кіевѣ, императрица лично присутствовала при закладкѣ живописной Андреевской церкви, воздвигнутой по ея повелѣнію, по чертежамъ знаменитаго графа Растрелли. На возведеніе Андреевской церкви въ 1749 г. государынею было всемилостивѣйше пожаловано изъ таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ Кіевской губерніи 20 тысячъ рублей.

Разставаясь съ Кіевомъ, императрица пожаловала своему гостепріимному хозяину, архимандриту лаврскому Тимоѳею Щербацкому 3,000 руб., прочей братіи лаврской

*) См. Панегирикъ. Кіевъ, 1744 г., стр. 3.

10,000 р. и въ Голосѣевскую пустынь 600 р. Лавра въ свою очередь поднесла государынѣ 54 книги изданія своей типографіи и по 24 книги великому князю наслѣднику и его невѣстѣ, великой княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Ризницы и сокровищницы многихъ храмовъ и монастырей кіевскихъ значительно обогатились за время пребыванія императрицы Елисаветы Петровны въ Кіевѣ. Такъ, въ лавру она пожаловала, между прочимъ, ризы на темнофіолетовомъ гарнитурѣ, вышитыя серебромъ, унизанныя жемчугомъ, брилліантами и другими драгоцѣнными камнями; кромѣ того, лавра получила въ даръ отъ императрицы богатую алмазную панагію съ портретомъ императрицы Екатерины I, двое другихъ ризъ богатой серебряной парчи и такой-же діаконскій стихарь; наконецъ, на средства государыни престолъ и жертвенникъ великой лаврской церкви были обложены серебряными вызолоченными досками. У мощей св. великомученицы Варвары императрица оставила свой драгоцѣнный брилліантовый перстень, а въ Софійскій соборъ пожертвовала нѣкоторые золотые сосуды, какъ-то: потиръ, дискосъ и

проч. На ея-же счетъ приступлено было къ возобновленію Георгіевской церкви, находившейся въ совершенныхъ развалинахъ.

12 сентября государыня Елисавета Петровна, напутствуемая благословеніями духовенства и пожеланіями народа, отбыла изъ Кіева.

III.

Пріѣздъ великаго князя наслѣдника Павла Петровича и супруги его, великой княгини Маріи Ѳеодоровны, и посѣщеніе ими кіевскаго магистрата и академіи.

Обстоятельства посѣщенія Кіева великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ описаны весьма подробно въ одномъ любопытномъ современномъ документѣ, распространенномъ въ Кіевѣ въ большомъ количествѣ списковъ и въ 1883 году напечатанномъ въ «Кіевской Старинѣ». Документъ этотъ носитъ заглавіе: «Хронографія или достопамятнаго происшествія, бывшаго въ нынѣшнемъ 1781 году, въ посѣщеніе ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева

и магистрата, для памяти потомственной, въ кіевскомъ магистратѣ хранимое описаніе». Неизвѣстный авторъ Хронографіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, кіевскій бургомистръ Дмитрій Александровичъ, былъ несомнѣнно очевидцемъ событія и поспѣшилъ тотчасъ изложить письменно всѣ его подробности, «для славы тѣхъ, о которыхъ достопамятная сія повѣсть учинена, а для любви къ нашимъ потомкамъ, къ свѣдѣнію ихъ».

Такимъ образомъ «Описаніе» разсчитано на вниманіе потомства. Не откажемъ-же мы неизвѣстному автору въ этомъ вниманіи, равно какъ и въ благодарности за сохраненіе любопытныхъ и характерныхъ подробностей пребыванія въ Кіевѣ великаго князя Павла Петровича, впослѣдствіи мрачнаго и суроваго императора Павла.

—

31 іюля 1781 года кіевскій магистратъ получилъ отъ кіевскаго генералъ-губернатора графа П. А. Румянцева слѣдующій ордеръ: «По обстоятельству ожидаемаго вожделѣннаго посѣщенія, коимъ сей край и городъ Кіевъ въ будущую осень осчастливленъ быть имѣетъ, долгъ отъ насъ

взыскиваетъ при семъ чрезвычайномъ случаѣ изъявить всѣ чувства усердія и радости. А какъ городъ Кіевъ славится своею древностью и иными преимуществами предъ всѣми прочими, то я не могу усумниться, что магистратъ, по тому и другому заключенію, не упуститъ наблюсти все подобающее. какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ всѣхъ гражданъ, въ разсужденіи приготовленія себя въ одѣяніи и сбруи на лошадяхъ, и пѣше, со своими знаками, и при томъ воздвиженія торжественныхъ, при въѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ онаго, воротъ и иныхъ до украшенія города служащихъ объектовъ, по соглашенію о семъ послѣднемъ съ тамошними духовными властями и съ пособіемъ, что до лучшаго расположенія, господина инженеръ-генералъ-маіора Тучкова, о семъ особливо отъ меня къ нему писано, и я ожидаю, что тутъ ничего упущено не будетъ, чего долгъ усердія нашего требуетъ». Одновременно съ магистратомъ, подобныя-же оповѣщенія получали отъ генералъ-губернатора митрополитъ кіевскій Гавріилъ Кременецкій и упомянутый уже въ ордерѣ инженеръ-генералъ-маіоръ Тучковъ.

«Получивъ въ такой силѣ ордеръ», пишетъ далѣе авторъ Хронографіи, «того-жъ времени съѣхались къ преосвященному митрополиту всѣ господа генералы, здѣсь находящіеся при командахъ, а именно: господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ, кіевскій оберъ-комендантъ Кохіусъ, артиллеріи господинъ генералъ-маіоръ Бѣгичевъ, инженерный господинъ генералъ-маіоръ Тучковъ, господинъ генералъ-маіоръ Мезенцевъ, находящійся при комиссаріатѣ; также господинъ войтъ, коллежскій совѣтникъ Пивоваровъ, и господа правящіе: бургомистръ, городской голова Давидовскій и райца Рыбальскій, и обще у преосвященнаго учиня о приготовленіяхъ консиліумъ, сколько и на якихъ мѣстахъ быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея смотрѣть и назначить тѣ мѣста». На совѣщаніи положено было воздвигнуть четверо тріумфальныхъ воротъ: первыя—у Неводницкой пристани, близъ пловучаго черезъ Днѣпръ моста, который тогда наводился обыкновенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, на плотахъ, и разводился при появленіи льда; вторыя—на выѣздѣ изъ пристани на горѣ у рогатки; третьи—при въѣздѣ на Подолъ у кре-

щатицкой рогатки и четвертыя—на выѣздѣ изъ Кіева, у рогатки по дорогѣ къ Васильков. Составленіе плановъ и чертежей для тріумфальныхъ воротъ взялъ на себя генералъ Тучковъ. По утвержденіи этихъ плановъ Румянцевымъ, немедленно начались необходимыя работы. Крещатицкія ворота предполагалось сдѣлать особенно роскошными; вслѣдствіе этого, сюда собрали болѣе всего мастеровыхъ, плотниковъ, столяровъ, слесарей, маляровъ и живописцевъ. Наблюденіе за постройкой воротъ было поручено особымъ магистратскимъ чинамъ, лавнику Косачинскому и инстигаторамъ Стролевскому и Лобку.

Между тѣмъ, въ магистратѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ, шли ежедневныя засѣданія о томъ, какъ лучше украсить городъ къ пріему высокихъ посѣтителей. Въ концѣ концовъ было опредѣлено: «1) Предъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу (калалчу) иллюминовать разныхъ цвѣтовъ фонарями; 2) Внутрь и внѣ магистрата очистивъ и обѣливъ, пристойными меблями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ и хрустальныхъ паникадилахъ палату пріоздобить. 3) Реестровой корогвѣ дать приказъ о стройно-

сти, какъ единокалиберпаго платья, такъ и сбруи лошадей, для чего на смотрѣ ихъ, которыя-бы въ семъ неисправны оказались, исключить изъ параду. 4) Двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить, и которые платьемъ, ружьемъ и собою не сообразованы пригожеству, чтобъ исключены были. 5) Во всемъ городѣ при воротахъ всякаго двора отъ хозяевъ по два столба для фонарей выкрашенныхъ поставить. 6) Всякое въ городѣ ветхое и безобразное строеніе иное сломать, а другое обновить. 7) Всѣ мостовыя вычистить, иныя починить, а другія вновь сдѣлать; въ томъ числѣ и торговыя площади, отъ навозу очистивъ, пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать. 8) Всякаго сорту безъ потребы праздно шатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать или наказаніемъ унимать. 9) Дать приказъ чрезъ городничаго всѣмъ хозяевамъ, чтобы собакъ и свиней изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оныя скоты убивать».

Бургомистру Дмитрію Александровичу и райцамъ Николаю Леонтовичу и Алексѣю Дмитровичу было поручено отвезти соображенія магистрата въ с. Вишенки, на за-

ключеніе проживавшаго въ ту пору тамъ генералъ-губернатора, и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить Румянцева, можно-ли кіевскому магистрату осмѣлиться просить августѣйшихъ гостей въ магистратъ на обѣдъ. На послѣднее Румянцевъ, утвердивъ упомянутыя уже распоряженія магистрата, отвѣчалъ, что, по краткости пребыванія ихъ высочествъ въ Кіевѣ, они врядъ-ли примутъ приглашеніе къ обѣденному столу; удобнѣе-же будетъ, если позволитъ время, просить ихъ на ужинъ.

18 сентября, Румянцевъ самъ пріѣхалъ въ Кіевъ, осмотрѣлъ во дворцѣ комнаты, приготовленныя для пребыванія высокихъ гостей, и посѣтилъ мѣсто, гдѣ были воздвигнуты крещатицкія тріумфальныя ворота. Оттуда онъ прошелъ въ магистратъ, гдѣ благодарилъ членовъ городского управленія за сдѣланныя приготовленія и разрѣшилъ имъ просить ихъ высочества удостоить магистратъ своимъ посѣщеніемъ. На другой день Румянцевъ выѣхалъ въ Гомель для встрѣчи августѣйшихъ путешественниковъ, которые слѣдовали въ Кіевъ изъ Петербурга черезъ Псковъ и Могилевъ. Изъ Гомеля Румянцевъ прислалъ

окончательныя распоряженія о томъ, кому гдѣ быть при встрѣчѣ ихъ высочествъ, а 8 октября, изъ Чернигова, слѣдуя уже съ высокими путешественниками, прислалъ въ магистратъ слѣдующее извѣщеніе: «Изволеніе есть ихъ императорскихъ высочествъ осчастливить кіевскій магистратъ высочайшимъ ихъ посѣщеніемъ; что просьба присутствующихъ объ удостоеніи тамъ вечерняго стола ихъ присутствіемъ милостивѣйше принята будетъ, я долгомъ моимъ нахожу предварительное тому магистрату сдѣлать извѣщеніе, дабы онъ могъ къ сему случаю, который долженъ быть для всего города изъ щастливѣйшихъ, заблаговременно во всемъ себя предъуготовать». Магистратъ тотчасъ-же по полученіи извѣщенія сталъ спѣшно готовиться къ пріему высокихъ гостей; для изготовленія кушаній къ высочайшему ужину былъ приглашенъ кухмистеръ находившагося тогда въ Кіевѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

Продолжаемъ далѣе словами описанія:

«Съ 10 противъ 11 октября, почью, часу въ 10, его сіятельство графъ Петръ Александровичъ (Румянцевъ) съ пути пріѣхать изволилъ въ Кіевъ, предшествуя ихъ

высочествамъ. Тогда поутру 11 числа октября, часу въ восьмомъ, господинъ войтъ со всѣми членами магистратскими явились въ его сіятельства квартиру, въ губернаторскомъ домѣ, и получили о встрѣчахъ, по вышепрописанному въ ордерахъ его сіятельства повелѣнію, подтвержденіе, и при томъ изволилъ сказать: «когда ихъ высочества изволятъ проѣхать изъ крѣпости во дворецъ, то вы будьте во дворцѣ въ то время, а я васъ представлю ихъ высочествамъ». Рѣчи были поданы на аппробацію его сіятельства—двѣ русскія и одна французская, изъ которыхъ велѣлъ русскую, краткую, говорить въ магистратѣ едину, а тѣ оставить. Сіи повелѣнія принявъ, магистратъ, часу въ 9 поутру, отъ его сіятельства поѣхалъ къ назначенному своему у первыхъ отъ моста тріумфальныхъ воротъ мѣсту. Сіи ворота были сдѣланы изъ брусьевъ и досокъ такъ, какъ и прочія, съ карнизами и тумбами, но украшены были зеленью, то есть увиты были мелкими вѣтвями сосны, а по сторонамъ, впереди воротъ, съ таковымъ-же украшеніемъ поставлены были пирамиды съ гирляндами, украшенными цвѣтами.

Въ началѣ 12 часа выѣхали сюда къ воротамъ съ горы цугами, богато убранными, и ливреею, пять парадныхъ каретъ, а шестая лишея графа Петра Александровича, и остановились у воротъ, а вскорѣ потомъ и самъ графъ съ многимъ генералитетомъ и штабомъ изволилъ пріѣхать верхами, при немъ заводскихъ богато убранныхъ лошадей было пять, и немного остановясь у воротъ, поѣхали съ графомъ до подполковничьяго чина за Днѣпръ къ Лысой горѣ.

Сюда скоро изволили прибыть и ихъ высочества, гдѣ графъ и встрѣтилъ и препровождалъ узъ (подлѣ) карету ихъ высочествъ ѣдучи; и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту сторону моста верстѣ, тутъ данъ первой сигналъ ракетою и на крѣпости выпалено изъ 51 пушки. доколь мостъ переѣхалп. Переѣхавши-же мостъ, изволилп остановиться немного предъ воротами въ каретѣ: на сихъ воротахъ играла музыка. Тутъ подошлп къ каретѣ господинъ войтъ съ членами и принеслп подданническое свое поздравленіе съ счастливымъ прибытіемъ въ Кіевъ, а господинъ бурмистръ и городской голова Давидовскій под-

несли хлѣбъ ржаной ситной и соли на немъ ступка, за что ихъ высочества поблагодаря, изволили проѣхать ворота, и тамъ вый-дя изъ дорожной своей кареты, изволили сѣсть въ парадную графскую и слѣдовать за передовыми конвойными, таковымъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая конница, подъ предводительствомъ господина рапцы Копыстенскаго, состоящая изъ ста тридцати человѣкъ, въ единокалиберныхъ и единоформенныхъ тонкозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкесскахъ, а кафтанахъ красныхъ, шелковыхъ, шапки малиновыи бархатныя съ серебряными кистями, съ околицами сѣрыми крымскими, сабли наголо въ рукахъ держа, по четыре человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знаменемъ и прапоромъ, съ трубами и литаврами *). За реестровыми

*) Любопытны и характерны эти особенности времени. „Городское протестительство Кіева", говоритъ редакція „Кіевской Старины" въ своемъ предисловіи къ Описанію, „такъ называемый привилегированный магистратъ, сохраняетъ еще свой древній престижъ, хотя только по наружности, ибо въ сущности кругъ его вѣдѣнія былъ до крайности ограниченъ, его власть совсѣмъ стѣснена, общественные и

три эскадрона: легкокопнаго кіевскаго, легкокопнаго сѣверскаго и ахтырскаго гусарскаго полковъ ѣхали подъ командою подполковника полка кіевскаго легкокопнаго Леонтія Леонтьевича Бенексепа, и карета, въ которой изволили сидѣть ихъ высочества, а графъ всю узъ карету съ боку верхомъ ѣхалъ. За сею другія кареты парадныя графскія, въ которыхъ сидѣли свита ихъ высочествъ, какъ-то: господинъ генералъ-аншефъ Салтыковъ, статсъ-дамы,

---

военные титулы его членовъ были пустыя клички, и даже блестяще одѣтая городская милиція употреблялась лишь исключительно для парадовъ. Только грамоты русскихъ государей и польскихъ королей, съ особымъ почетомъ имъ хранимыя, напоминаютъ ему о прежней его жизни, не разъ предъ симъ и послѣ сего прерываемой, а потомъ еще разъ возобновленной милостью того самаго государя, котораго теперь, въ качествѣ наслѣдника, онъ принимаетъ". Какъ извѣстно, императоръ Павелъ, именнымъ указомъ отъ 16 сентября 1797 года, подтвердилъ за Кіевомъ всѣ его права, вольности, преимущества, городскіе доходы и выгоды, присвоенные городу жалованными грамотами государей и прежними привилегіями. Окончательная-же отмѣна Магдебургскаго права въ Кіевѣ послѣдовала въ 1834 году, по указу императора Николая I.

фрейлины, камергеры и прочіе, и какъ подъѣхали со взвозу и въ верстѣ второй отъ крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изъ ста одной пушки, и пачался колокольный звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ. Взъѣхавши-же ихъ высочества па гору, къ другимъ тріумфальнымъ воротамъ, встрѣчены были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ со штабомъ и баталіономъ. На сихъ воротахъ сверху также играла музыка; тутъ, не останавливаясь, проѣхали ворота.

Отъ сихъ тріумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги 12 цеховъ въ ружье съ знаменами до тысячи человѣкъ, между которыми въ срединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ ружьемъ, по примѣру карабинеровъ. И въѣхавши въ крѣпость, отправились прямо въ лавру, гдѣ у Троицкихъ воротъ (главныхъ, т. паз. святыхъ), за тѣ ворота вышедши, ожидалъ освященный соборъ во всемъ богатомъ облаченіи священномъ, состоящій изъ двухъ митрополитовъ кіевскаго Гавріила, грече-

скаго Серафима, архіепископа греческаго Никодима, епископа Кирилла, 12 архимандритовъ *) и многихъ игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ и іеродіаконовъ. И какъ только изволили ихъ высочества изъ кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ съ крестомъ святымъ, къ которому изволили приложиться и проговоря краткое привѣтствіе, впереди сего собора шествовалъ къ церкви. За онымъ изволили итти ихъ высочества по дорогѣ отъ Троицкихъ воротъ до самой церкви большой, подостланной сукнами, а по сторонамъ пѣвчіе, идучи, кантъ пѣли, которые убраны были въ платье бѣлое, на головахъ лавры, и въ рукахъ несли дѣланныя зеленыя пальмы».

Послѣ обычнаго поклоненія мощамъ, почивающимъ въ великой лаврской церкви, высокіе гости прослушали отъ митрополита новое, весьма пространное привѣтствіе, съ выраженіемъ чувствъ величайшей радо-

*) Въ числѣ архимандритовъ, присутствовавшихъ при этой встрѣчѣ, былъ послѣдній самостоятельный архимандритъ лаврскій Зосима Валькевичъ, и знаменитый поборникъ православія на Украйнѣ, Мелхиседекъ Значко-Яворскій.

сти по поводу посѣщенія ихъ высочествами Кіева, и только тогда отправились во дворецъ, гдѣ ихъ ожидали фельдмаршалы Разумовскій и Румянцевъ, прочій генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, малороссійское шляхетство и войтъ Пивоваровъ съ членами магистрата. Всѣ собравшіеся во дворѣ чины были представлены Румянцевымъ великому князю и его супругѣ, причемъ ихъ высочества милостиво жаловали всѣхъ къ рукѣ, а ея высочество каждаго подходящаго къ рукѣ цѣловала въ щеку. Вмѣстѣ съ прочими удостоились представленія и войтъ съ членами магистрата, которымъ послѣ представленія было объявлено готовиться на завтрашній день къ посѣщенію ихъ высочествами магистрата. Вечеромъ того-же дня представлялись великой княгинѣ знатнѣйшія городскія дамы. Въ тотъ-же вечеръ состоялась роскошная иллюминація во всѣхъ трехъ частяхъ города. «Во дворцѣ садъ весь разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками иллюминованъ и особливою, какъ въ саду, такъ и предъ дворцомъ на площади холщевою трочастною картиною, изображающею на одной сторонѣ Плутона и Прозерпину, съ другими сим-

волическими знаками, которые въ прорѣзныхъ клѣтчатыхъ фигурахъ состояли; на другой сторонѣ изображенъ былъ Нептунъ съ купидонами. Печерская-же колокольня фигурою пирамиды иллюминована была».

На слѣдующій день, 12 октября, въ 11 часу утра великій князь ѣздилъ верхомъ осматривать печерскую крѣпость, откуда вернулся во дворецъ и уже въ каретѣ, съ великою княгинею вновь поѣхалъ на Печерскъ, въ лавру, гдѣ поклонился мощамъ въ обѣихъ пещерахъ и осматривалъ лаврскую ризницу. Въ кельяхъ архимандрита Зосимы августѣйшимъ поклонникамъ предложенъ былъ завтракъ, послѣ котораго они прослѣдовали на Старый Кіевъ—поклониться въ Михайловскомъ монастырѣ мощамъ св. великомученицы Варвары. Отсюда ихъ высочества поѣхали крещатикскимъ взвозомъ на Подолъ, гдѣ у третьихъ тріумфальныхъ воротъ были встрѣчены войтомъ и всѣми знатнѣйшими гражданами Кіева съ хлѣбомъ-солью. Встрѣча эта также любопытна и характерна для исторіи кіевскаго городского представительства былого времени.

«Отъ Крещатицкихъ воротъ расположи-

лась конница таковымъ порядкомъ: предъ воротами къ Крещатику командиръ опой, господинъ Копыстенскій, предъ фрунтомъ стоялъ на лошади съ обнаженною саблею, во фрунтѣ стояли знамя и значекъ, трубачи и литаврщики, и нѣсколько реестровыхъ по обѣ стороны въ шеренги, прочіе же по ту сторону воротъ къ городу, въ двѣ же шеренги, а за ними 12 цеховъ во фрунтѣ съ знаменами протянулись по обѣимъ сторонамъ улицы мостовой до Покровской церкви. И какъ приблизились къ воротамъ, то командиръ конницы саблею честь сдѣлалъ, а господинъ войтъ съ членами подошелъ къ каретѣ, господинъ же голова подпесъ хлѣбъ-соль такимъ же порядкомъ, какъ и у первыхъ воротъ. Его высочество при благодареніи изволилъ сказать, изъ кареты выдавшись: «мы ваши гости», и проѣхавъ ворота между шеренгами конницы и цеховыхъ, которые на караулъ сдѣлали, изволили пріѣхать во Флоровскій монастырь, часу въ 6 пополудни.» Во Флоровскомъ монастырѣ ихъ высочества пробыли около полутора часа, посѣтили игуменью, въ кельяхъ которой были собраны нѣкоторыя монахини изъ лучшихъ фами-

лій, и отсюда прослѣдовали во дворецъ, гдѣ въ 8 часу состоялся обѣдъ. Между тѣмъ войтъ былъ оповѣщенъ, что немедленно послѣ обѣда ихъ высочества будутъ въ магистратѣ, гдѣ уже съ 6 часовъ собрался весь генералитетъ, члены магистрата и знатнѣйшіе граждане города, съ женами и дочерьми.

«Въ началѣ 9 часа всевожделѣнно изволили прибыть ихъ императорскія высочества, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ, въ одной каретѣ, также и придворные. Предъ магистратомъ вся площадь до тѣхъ мѣстъ, пока иллюминація занимала, была свободна, потому что вкругъ сей площади стояли цеховые съ ружьемъ, а другіе съ факелами, и не допускали народу входить сюда.

Иллюминація занимала мѣста на 14 саженей длины, а высоты въ срединѣ $6^1/_2$, по концамъ же $3^1/_2$. Вверху красками изображено было ея императорскаго величества подъ коронною вензелевое имя, по сторонамъ ихъ высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, въ срединѣ, пониже, ихъ высочествъ Александра Павловича и Константина Павловича; внизу, въ храмѣ,

жертвенникъ, а на немъ 13 сердецъ пылающихъ, знаменующія по числу членовъ, въ магистратѣ кіевскомъ присутствующихъ; по обѣимъ сторонамъ въ храмѣ по шести человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между тумбами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подъ ногами у всякаго изъ оныхъ ремесла его знаки. Въ храмѣ, выше жертвенника, на тумбахъ, съ одной стороны направо книга высочайшей грамоты, жалованная городу Кіеву, съ завѣсистой печатью и съ кистями; съ лѣвой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею сизу доверха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло, а вежа иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фонарями.

На входѣ въ магистратъ и при всѣхъ дверяхъ въ оный, то есть у пяти мѣстъ, поставлены были реестровые, а въ первыхъ сѣняхъ, въ рядъ черезъ оные, семь паръ, всѣ съ обнаженными саблями, при ладункахъ, которыми честь дѣлали и на караулъ входящимъ ихъ высочествамъ.

Предъ магистратомъ встрѣтилъ ихъ высочества господинъ войтъ съ членами магистрата; когда жъ изволили войти внутрь магистрата, гдѣ на всѣхъ переходахъ ус-

лано было красными сукнами, и первѣе въ судейскую палату, которая богатыми коврами постлана была и освѣщена зеркалами, люстрами и многими свѣчами, то, немножко походя, обѣ сіи высокія персоны стали вмѣстѣ посреди палаты вправо. Тогда бургомистръ Дмитрій Александровичъ, выступя предъ ихъ императорскими высочествами, началъ рѣчь говорить слѣдующую:

«Пресвѣтлѣйшій государь? се новая эпоха вѣка нашего, се открылась потомственнымъ вѣкамъ и роду нашему высокославная знаменитость въ память ихъ, се день всевожделѣннаго посѣщенія вашихъ императорскихъ высочествъ прародительной отчины своей есть сущее наше блаженство: се бо духъ нашъ стремится вперять въ себе всѣ радости знаки, всѣ благодушія виды, всѣ благодетствія чувства. Отроки, юноши, мужи и старцы наши, духъ свой ободряя, виды свои увеличивая, текутъ въ стрѣтеніе ваше, пося благоговѣйно усердствующаго въ крѣпости духа въ видахъ своихъ радости и веселія знаки, пося, посвящая тебѣ, о всероссійскаго престола наслѣдниче, жертву хваленія и благодаренія! Прими отъ рабовъ твоихъ сіе прино-

шеніе и буди милость твоя на градъ сей и на насъ, яко же уповаемъ».

По окончаніи рѣчи сей, изволили ихъ высочества, приближась къ говорившему рѣчь бургомистру Александровичу, сказать:

«Мы довольны вашимъ усердіемъ, мы видимъ, что вы любите насъ и усердно насъ принимаете».

А ея высочество изволила сказать:

«Мы будемъ помнить ваше усердіе».

Далѣе начали спрашивать у всѣхъ тутъ вмѣстѣ съ господиномъ войтомъ стоящихъ членовъ о строеніи палатъ магистратскихъ, какъ давно построены, потомъ о выборахъ бургомистровъ и райцевъ, по балламъ-ли, или голосами избираются, и какъ перемѣняются. На сіе по точности правъ магдебургскихъ отвѣтствовано. Послѣ сего изволилъ его высочество спросить:

«Гдѣ у васъ хранятся жалованныя грамоты и привилегіи»?

На сіе когда господинъ войтъ рукою показалъ путь въ скарбовую палату, что онѣ тамъ, а потомъ предшествовалъ самъ, тогда ихъ высочества заразъ изволили въ палату пойти, а вслѣдъ за ними и всѣ тутъ бывшіе фельдмаршалы, графы, генералитетъ

и дамскія персоны. Тутъ на переходѣ въ сѣняхъ, на хорахъ, загремѣла состоящая изъ 29 человѣкъ музыка графа Петра Александровича. Скарбовая же сія палата, или, приличнѣе сказать, парадная зала убрана была портретами, зеркалами, люстрами, мебелями богатыми, канапами и креслами и освѣщена весьма прозрачно и благолѣпно.

И какъ изволили туда войти къ мѣсту, гдѣ сіе сокровище содержится, то господинъ голова Давидовскій, открывъ ковчегъ, который на убранномъ столикѣ, покрытомъ зеленою кожаною паволокою, лежалъ, въ промежуткахъ окна праваго, въ тылу скарбовой палаты, съ высочайшими грамотами. Вначалѣ, вынувъ грамоту нынѣ царствующей государыни Екатерины II императрицы, которую ея высочество, разгнувъ, читать изволила, а потомъ собственноручный подпись ея величества обое цѣловать изволили. Далѣе государя Петра Великаго всѣ три имѣющіяся грамоты смотрѣли, потомъ спросили о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича и оную изволили смотрѣть, такожъ и прочія. Тутъ спрашивали, кто въ подданство россійское прежде вошелъ, Кіевъ-ли, или Малороссія? (sic). На сіе господинъ голова

ответствовалъ, что единовременно (!). По семъ, увидѣвъ государя Петра I императора особливо магистрату жалованный указъ, за собственноручнымъ подписомъ, оный подписъ оба цѣловать изволили; потомъ, спросясь о привилегіяхъ королей польскихъ, которыя въ лѣвомъ тыловомъ окнѣ также въ ковчежцѣ и на такомъ же убранномъ столикѣ лежали, не доходя, заразъ изволили сѣсть за столъ, который набранъ былъ на 50 кувертовъ, и всѣ приглашенныя дамскія персоны и кавалеры, до чина полковничьяго, тутъ кушали.

У креселъ ихъ высочествъ, при кушанья, стояли со стороны великія княгини госпожа войтова, съ женами членовъ магистратовыхъ, а отъ стороны великаго князя господинъ войтъ съ членами; ихъ высочества за ужиномъ, кромѣ воды, ничего пить не изволили. При ужинѣ о разныхъ матеріяхъ съ господиномъ войтомъ и членами разговаривать изволили, какъ-то: о войтовствѣ его, какъ вошелъ, и гдѣ женился, а изъ членовъ именъ и фамилій изволилъ спрашивать, ея-же высочество изволила сказать: «хорошо де насъ кормите и хорошо принимаете».

При окончаніи ужина, довольно милостиво изъявивъ свое благоволеніе и удовольствіе магистрату, изволили, вставъ отъ стола, шествовать паки въ судивую палату, гдѣ его сіятельство представилъ ея высочеству госпожу войтову съ прочими членовъ женами и ихъ дочерьми, которыя жаловапы ея высочествомъ къ рукѣ. Тутъ были и другихъ чиновниковъ магистратскихъ жены съ дочерьми, такожъ и пріѣзжія изъ Россіи и изъ Малороссіи дворянскія жены.

Послѣ сего ея высочество изволили разговаривать съ женами членовъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долгаго времени для убора, что тутъ булавки къ употребленію ненужны, и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьѣ ходятъ; на что онѣ отвѣчали, что старыя только придерживаются еще сего природнаго своего платья, а молодыя и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Потомъ изволила сказать:

«Мы теперь у васъ очень веселы, но не въ тягость-ли мы вамъ?»

На что бургомистръ Александровичъ отвѣчалъ:

«О, ваше императорское высочество, чрезвычайно счастливы мы высокимъ посѣщеніемъ! Предки наши не имѣли такового счастья».

Поговоря еще нѣсколько времени и усугубивъ свое благоволеніе и удовольствіе, его высочество изволилъ сказать:

«Объявите всѣмъ гражданамъ наше благодареніе».

Въ половинѣ двѣнадцатаго изъ магистрата изволили отбыть во дворецъ, а до того времени цехи и конница въ парадѣ стояли на своихъ мѣстахъ.

На другой день поутру, 13 октября, господинъ войтъ съ членами ѣздили во дворецъ благодарить ихъ высочества за милостивое посѣщеніе города и магистрата, гдѣ паки его высочество вновь изволилъ оказать свое благоволеніе и благодареніе гражданству, сказывая: «вы наши хозяева».

Въ 10 часу утра въ тотъ-же день состоялся разводъ, а черезъ часъ высокіе гости удостоили своимъ посѣщеніемъ Академію. Вотъ описаніе посѣщенія Академіи:

«Отецъ архимандритъ Кассіанъ (Лехницкій), съ святымъ крестомъ, съ префектомъ и учителями академіи сей и другими

того монастыря іеромонахами, въ священническомъ облаченіи, ихъ высочества за воротами монастырскими встрѣтили и препроводили въ большую церковь, а студенты отъ воротъ къ церкви стояли въ два ряда, пѣвчіе же, въ бѣломъ платьѣ, съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ пальмы держа, по сторонамъ шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь устланъ былъ сукнами, въ церкви пѣто «Достойно», ектенію и многолѣтствіе. Ихъ высочества здѣсь изволили прикладываться къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, послѣ чего архимандритъ Кассіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи архимандритъ съ іеромонахами и іеродіаконами предшествовалъ изъ церкви срединми дверьми, а за ними ихъ высочества изволили пойти на верхнія школы, при пѣніи студентами канта, и начавъ отъ философской, чрезъ большую залу и школу богословскую, до церкви студентской, называемою конгрегаціею. Изъ церкви сошли на низъ другимъ хоромъ отъ школы риторики въ монастырь и въ кельи префектовскія, попеже новостроющіяся архимандритскія не были отдѣлапы кельи. Тутъ академисты маль-

чики привѣтствіе сказывали по единому семи языки: по русски, по польски, по латыни, по нѣмецки, по французски, по еллиногречески и по еврейски. По сказаніи сихъ рѣчей, отецъ архимандритъ подпесъ ихъ высочествамъ рукописаніе, оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ, графу Понятовскому (его величества короля польскаго племяшнику) и генералитету, тутъ бывшему, зеленою кожей. И за симъ изволили отбыть изъ монастыря, въ провожаніи архимандрита съ соборомъ и съ пѣвчими и, сѣвъ въ карету, поѣхали Мостовою улицею къ Воскресенскимъ воротамъ, а отъ воротъ, поворотя налѣво по надъ каналомъ изъ Кудрявца текущей воды, опымъ выѣхали на большую Мостовую, идущую мимо Притиско-Никольской церкви, Петропавловскаго монастыря, мимо Соборно-Успенской и Добро-Николаевской церкви, въ тріумфальныя Крещатицкія ворота и во дворецъ. Реестровая-же конница и цехи до сего времени на своихъ мѣстахъ стояли въ парадѣ».

Вечеромъ въ тотъ же день состоялся балъ и ужинъ у графа Румянцева, въ губернаторскомъ домѣ.

На слѣдующій день, 14 октября, праздновалось рожденіе великой княгини. По этому поводу, рано утромъ во дворцѣ собрались фельдмаршалы, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, малороссійское шляхетство и войтъ съ членами магистрата. По выходѣ ихъ высочествъ въ залу, всѣ чины приносили поздравленіе и милостиво жалованы къ рукѣ великой княгини.

Въ 10 часовъ великій князь съ супругою отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ слушали литургію и молебствіе, совершенныя митрополитомъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ города. По окончаніи литургіи, ихъ высочества удостоили посѣщеніемъ митрополита, а вечеромъ во дворцѣ былъ балъ. Къ 11 часу вечера передъ дворцомъ сожженъ былъ роскошный фейерверкъ, за который устроителю фейерверка, поручику понтонной роты Крупяникову, пожаловано 100 червонцевъ и табакерка. Въ тотъ же день великая княгиня, по случаю дня своего рожденія, пожаловала на благотворительныя дѣла 200 р., изъ которыхъ на долю подольской городской богадѣльни досталось 30 рублей; женскимъ монастырямъ, Іорданскому и Богословскому, пожаловано по сто

рублей на каждый, кромѣ того, парчевая пара платья ея высочества.

15 октября къ 8 часамъ утра всѣ чины вновь собрались во дворецъ. Къ 9 часу ихъ высочества вышли въ залу, поклонясь всѣмъ, «простились со слезами» и проѣхали черезъ крѣпость въ лавру, сопровождаемые городскою конницею и пѣхотными цехами. Въ лаврѣ совершено было молебствіе, послѣ котораго ихъ высочества проѣхали къ пушечному двору, гдѣ осматривали арсеналъ, а отсюда направились къ четвертымъ тріумфальнымъ воротамъ, воздвигнутымъ при выѣздѣ изъ Кіева въ Васильковъ. Тутъ дожидалось духовенство, съ митрополитомъ Гавріиломъ во главѣ, который поднесъ ихъ высочествамъ хлѣбъ-соль. Прощаясь съ митрополитомъ, великій князь сказалъ:

«Намъ жаль съ вами разставаться».

Сѣвъ въ карету, высокіе путешественники поѣхали по дорогѣ въ Васильковъ. Городская конница нѣкоторое время сопровождала карету, пока великій князь не велѣлъ ей вернуться назадъ. До границы Польши провожалъ ихъ высочества графъ Румянцевъ, вернувшійся въ Кіевъ 17 числа.

Въ тотъ-же день Румянцевъ удостоился получить изъ Жидовецъ слѣдующихъ два письма:

Отъ великаго князя: «Графъ Петръ Александровичъ! Оставивъ сего дня границу, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ изъявить вамъ мое искреннее благодареніе за труды и попеченія ваши въ учиненныхъ вами хорошихъ приготовленіяхъ для моего проѣзда чрезъ Малороссію; не менѣе признаю я себя обязаннымъ оказать вамъ то совершенное удовольствіе, съ каковымъ примѣтилъ я желаемый порядокъ и благоустройство во всѣхъ частяхъ оной вами введенныя. Съ отмѣнной чувствительностью видѣлъ я знакъ усердія малороссійскаго дворянства,—пріемъ, намъ отъ оныхъ сдѣланный. При изъявленіи моей благодарности оному, прошу быть истиннымъ истолкователемъ моихъ чувствованій и расположенія. Въ прочемъ пребываю я вамъ благосклонный Павелъ».

Отъ великой княгини: «Графъ Петръ Александровичъ! При самомъ оставленіи нашей границы, я считаю моимъ долгомъ изъявить мое благодареніе за хорошія приготовленія, вами учиненныя для проѣзда нашего чрезъ Малороссію. Въ семъ попече-

нін видѣла я новый и пріятнѣйшій знакъ вашего къ намъ усердія; также прошу васъ засвидѣтельствовать малороссійскому дворянству мою благодарность за пріемъ, отъ нихъ сдѣланный, который не престану въ памяти моей съ удовольствіемъ сохранять. Въ прочемъ пребываю я вамъ благосклонная Марія».

IV.

Посѣщеніе Кіева императрицею Екатериною II *).

Великолѣпное путешествіе императрицы Екатерины II въ Кіевъ и Тавриду задумано было еще въ 1784 году, вскорѣ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, но свирѣпствовавшія въ ту пору въ южныхъ губерніяхъ чума и другія прилипчивыя болѣзни составили весьма существенное препятствіе

*) Путешествію императрицы Екатерины II въ 1787 году посвящено двѣ спеціальныхъ монографіи: одна проф. Брикнера въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1885 г., и другая, весьма пространная, Г. П. Есипова, въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 и 1891 гг.; послѣднее изслѣдованіе интересно, между прочимъ, тѣмъ, что при со-

къ осуществленію желанія государыни посѣтить свои новыя области, о чудной природѣ и климатѣ которыхъ она такъ много слышала отъ Потемкина. Сюда присоединилась неожиданная смерть тогдашняго любимца государыни, Ланскаго, и послѣдовавшая вслѣдствіе этого отъ огорченія болѣзнь самой императрицы. Когда государыня успокоилась и стала вновь заниматься государственными дѣлами, Потемкинъ, находившійся осенью 1784 года въ Петербургѣ и имѣвшій свои причины желать возможно скораго осуществленія путешествія императрицы, убѣдилъ ее не откладывать надолго задуманной поѣздки и назначить ее не позже слѣдующаго 1785 года. 26 сентября 1784

ставленіи его авторъ пользовался дѣлами архивовъ государственнаго и придворнаго. Кромѣ этихъ монографій, много данныхъ для исторіи путешествія 1787 г. можно найти въ изданномъ въ 1889 г. на средства удѣльнаго вѣдомства камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1787 года и приложеніяхъ къ нему, также въ запискахъ гр. Сегюра, принца де-Линя, Эренстрема и др., въ дневникахъ Полетики и Храповицкаго, наконецъ, въ письмахъ самой Екатерины къ барону Гримму, гр. Я. А. Брюсу, П. И. Салтыкову, Еропкину и др. Этими источниками пользовались и мы при составленіи настоящаго очерка.

года состоялся указъ правительствующему сенату, коимъ объявлялось о предположенномъ путешествіи императрицы въ апрѣлѣ слѣдующаго года черезъ Смоленскъ, оттуда водою въ Кіевъ и далѣе по Днѣпру до мѣстечка Новые Кайдаки, а отсюда сухимъ путемъ въ Херсонъ и Таврическую область; остановка въ Кіевѣ при этомъ предполагалась восьмидневная. 3 октября послѣдовалъ о томъ-же высочайшій рескриптъ Потемкину. Но и на этотъ разъ путешествіе не состоялось, по случаю продолжавшейся еще чумы и вслѣдствіе придворныхъ интригъ враговъ Потемкина. Наконецъ, въ началѣ 1786 года были получены извѣстія, что заразительныя болѣзни въ южныхъ губерніяхъ прекратились совершенно, и тогда путешествіе было окончательно назначено на 1787 годъ.

2 марта 1786 года высочайшимъ указомъ сенату было объявлено о предстоящемъ путешествіи и повелѣно сдѣлать распоряженіе о поставкѣ лошадей (по 550 лошадей на каждую станцію), наблюдая при этомъ, «чтобы одна губернія предъ другою не понесла излишней тягости, чтобъ нарядъ лошадей былъ равномѣрный, кромѣ

самыхъ отдаленныхъ намѣстничествъ, чтобы потребное для прокормленія ихъ заготовлено было на мѣстѣ, и чтобы, гдѣ возможно, уменьшить число лошадей переводомъ изъ однѣхъ станцій на другія». Любопытно, что сенатъ, вслѣдствіе этого указа, призналъ отдаленными только сибирскія губерніи, и изъ города Колы, причисленнаго къ архангельской губерніи, назначено было пять лошадей для путешествія императрицы.

Были посланы рисунки путевымъ дворцамъ, при чемъ объявлено, что строеніе этихъ дворцовъ предполагается въ тѣхъ единственно мѣстахъ, гдѣ не найдется подходящихъ обывательскихъ домовъ; гдѣ же назначены станы (станціи) для перемѣны только лошадей, тамъ довольно имѣть по одному или по два чистыхъ покоя. Потемкину, которому еще въ 1783 г. было отпущено 130 тыс. руб. на постройку путевыхъ дворцовъ въ ввѣренномъ ему краѣ, теперь дано для той-же цѣли еще 100,000 р. Всѣ дворцы снабжались мебелью, посудой и столовымъ бѣльемъ; подъ цвѣтъ мебели выбиралась для обивки комнатъ шелковая матерія. Все лѣто, осень и начало зимы 1786 года прошли въ разнаго рода приготовленіяхъ на

всемъ протяженіи пути императрицы. Особенно много хлопотъ при этомъ досталось на долю придворнаго вѣдомства, которое должно было озаботиться заблаговременнымъ выборомъ вѣрныхъ, честныхъ и знающихъ свое дѣло придворныхъ служителей, заготовить и разослать съ благонадежными людьми по станціямъ провизію, посуду, бѣлье и проч., однимъ словомъ, на каждой станціи устроить свое особое хозяйство, и при томъ такъ, чтобы всѣми сдѣланными распоряженіями осталась довольна не только сама императрица, но и вся ея многочисленная свита. Придворная конюшенная контора хлопотала о путевыхъ экипажахъ. Заготовляли около 200 саней съ кибитками, обитыхъ зеленымъ сукномъ, 56 колясокъ, внутри обитыхъ желтой кожей, на разборныхъ полозьяхъ. Для посланниковъ, австрійскаго—графа Кобенцеля, французскаго—графа Сегюра и англійскаго—сэра Фицгерберта, которые должны были сопровождать государыню, было нарочно сдѣлано три кареты дорожныхъ, съ мѣховыми мѣшками для ногъ, по случаю зимняго времени.

Не было недостатка въ приготовленіяхъ къ путешествію императрицы и въ Кіевѣ. Еще

въ іюнѣ 1784 г. государыня писала кіевскому генералъ-губернатору фельдмаршалу Румянцеву. «Графъ Петръ Александровичъ! Дворецъ кіевскій прикажите только починить въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ нынѣ находится, не дѣлая новыхъ пристроекъ и комнатъ, ибо я видѣла по плану, что для меня на время пребыванія моего въ Кіевѣ весьма достаточно будетъ тѣхъ, кои теперь есть; въ потребномъ-же случаѣ, для помѣщенія свиты моей, какъ то будетъ въ лѣтнее время (неосуществившееся путешествіе 1785 года предполагалось лѣтомъ), могутъ служить и находящіяся въ саду разныя бесѣдки, есть-ли онѣ починены быть могутъ. На уборы, кои также должны быть простые и только самые нужные, приказано отъ меня отпустить вамъ 8000 р. Я сожалѣю, что вы нездоровы, и желая вамъ искренно совершеннаго возстановленія въ здоровьѣ вашемъ, пребуду всегда вамъ благосклонна». 8000 р. было едва достаточно для приведенія въ удовлетворительное состояніе запущеннаго кіевскаго дворца, который былъ тогда почти въ развалинахъ. Однако Румянцевъ съумѣлъ устроиться весьма экономно и ухитрился на эту сумму не только испра-

вить стѣны, пристроить флигеля и конюшни и огородить сады, но и позаботиться о внутреннемъ украшеніи дворца и его меблировкѣ. Комнаты для императрицы были отдѣланы шелковыми обоями, и мебель для нихъ выписана изъ Москвы. Приготовлено было также помѣщеніе для австрійскаго императора Іосифа II, который первоначально предполагалъ видѣться съ Екатериною въ Кіевѣ.

3 декабря 1786 года Румянцевъ получилъ письмо отъ Александра Андреевича Безбородка, въ которомъ сообщалось, что во дворцѣ нужны особыя комнаты для помѣщенія камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой и первой камеръюнгферы Марьи Савишны Перекусихиной съ двумя камеръ-медхенами; требовалось отдѣльное помѣщеніе во дворцѣ и для новаго фаворита, Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова. «Что касается до меня», писалъ Безбородко, «то я совершенно полагаюсь на милостивое расположеніе вашего сіятельства и осмѣливаюсь донести, что по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтиться безъ нѣкотораго рода репрезентаціи; слѣдовательно, я предпочту хо-

тя и не ближайшій домъ, по который немного пообширнѣе и выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ, въ извѣстное и обыкновенное время, не будетъ мнѣ въ тягость». Вмѣстѣ съ тѣмъ Безбородко требовалъ, чтобы, согласно желанію императрицы, вся свита имѣла помѣщеніе въ верхней части города (нынѣшнія Липки и Печерскъ), не касаясь стараго и нижняго городовъ.

Исполнить требованія Безбородка оказалось въ высшей степени труднымъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Въ Кіевѣ того времени, во всѣхъ трехъ частяхъ города, насчитывалось только 127 домовъ, въ которыхъ можно было имѣть сколько-нибудь сносныя помѣщенія. По свидѣтельству одного изъ лицъ свиты императрицы, Іоганна Альберта Эренстрема, «большинство жилыхъ домовъ Кіева въ то время были убогія избы, выстроенныя по украинскому способу изъ плетня, снаружи и извнутри облѣпленныя глиной. Улицы были не мощены и вслѣдствіе этого зимою до невозможности глубоки и грязны. Очень смѣшна была разница между этими улицами, съ ихъ жалкими лачужками, и множе-

ствомъ блестящихъ экипажей, великолѣпныхъ мундировъ и снующихъ взадъ и впередъ многочисленныхъ придворныхъ лакеевъ въ золотыхъ ливреяхъ. Утонченная роскошь Европы и простой образъ жизни и бѣдность украинскихъ козаковъ ежедневно боролись другъ съ другомъ».

Другой спутникъ Екатерины во время ея путешествія въ Кіевъ, такъ описываетъ этотъ городъ: «Когда вы приближаетесь къ Кіеву, то онъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви, съ зелеными или даже вызолоченными куполами. Но очарованіе исчезаетъ, когда вы очутитесь внутри этого жалкаго города. Кіевъ состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: Печерскій съ новою крѣпостью и Старый городъ лежатъ на горахъ, а Подолъ находится на 40 саженъ ниже, у подошвы этихъ горъ, на берегу Днѣпра. Все, что доставляется водою, строительное дерево, дрова, товары, все это нужно тащить съ Подола въ верхніе города, гдѣ недостаетъ даже воды для питья. Хотя Подолъ прижался къ горѣ, однако-жъ Днѣпръ каждую весну отнимаетъ

у него отъ 20 до 50 хижинъ, которыя вновь строятъ. По причинѣ бездонной грязи, на Подолѣ вымощены улицы сплоченными брусьями. Но если во время сухой погоды загорится какой-нибудь домъ, то эти мостовыя тѣмъ легче распространяютъ пожаръ, и въ самое короткое время пламя пожираетъ цѣлыя улицы. На Печерскѣ я видѣлъ однажды, какъ экипажъ, запряженный парою лошадей, долженъ былъ оставаться въ грязи, а въ другой разъ шесть лошадей не могли вытащить экипажа изъ ужаснаго омута. На Печерскѣ только и есть одинъ каменный домъ и притомъ очень хорошаго вида. Домъ этотъ выстроили монахи, но теперь онъ принадлежитъ казнѣ. Дворецъ въ Кіевѣ выстроенъ изъ дерева и находится въ довольно далекомъ разстояніи отъ всѣхъ трехъ городовъ. Близъ дворца разведенъ большой садъ, красотѣ коего способствуетъ самое мѣстоположеніе, но присмотръ за этимъ садомъ не совсѣмъ хорошъ. Въ одной комнатѣ дворца устроена для императрицы ванна, которая стоила 500 рублей. Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босыя. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели

дѣлается непроходимая грязь, за то пыль лѣтомъ нестерпима. Обыкновенные жизненные припасы въ Кіевѣ чрезвычайно дешевы. Прежде стоилъ фунтъ говядины половину или много одинъ су; несмотря на прошлогодній неурожай и всеобщую оттого дороговизну, фунтъ говядины стоилъ только два су. Здѣсь рыба, дичина и прочее очень дешевы, но рыба далеко не такъ вкусна, какъ въ Петербургѣ. Волошскія вина тоже дешевы; но привозные товары изъ чужихъ, далекихъ странъ, вдвое дороже. Жители однако-жъ умѣли воспользоваться присутствіемъ двора и продавали все необыкновенно дорого. За наемъ квартиры на шесть недѣль требовали столько-же, иногда даже больше, чѣмъ сколько стоилъ домъ; въ такой-же пропорціи брали и извощики».

Нужно прибавить къ этому, что и въ тѣхъ немногихъ домахъ въ Кіевѣ, которые были хоть сколько нибудь годны для проживанія избалованной свиты государыни, въ рѣдкомъ было болѣе пяти комнатъ. Наконецъ, много квартиръ было уже снято заблаговременно богачами поляками, какъ-то князьями Сапѣгою и Любомирскимъ, графами Браницкимъ и Потоцкимъ и другими

русскими и польскими помѣщиками, которые еще задолго до пріѣзда императрицы озаботились выискать себѣ подходящія помѣщенія.

Положеніе Румянцева было чрезвычайно затруднительно, особенно въ виду требованій многихъ лицъ свиты отвести каждому изъ нихъ квартиры пообширнѣе и въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ. Несмотря на это, благодаря необыкновенной распорядительности, которую выказалъ въ данномъ случаѣ Румянцевъ, удалось приготовить подходящія помѣщенія для главныхъ лицъ свиты императрицы, какъ то, для Льва Александровича Нарышкина, обѣихъ племянницъ Потемкина, графинь А. В. Браницкой и Е. В. Скавронской, и другихъ. Самъ Потемкинъ пожелалъ остановиться въ лаврѣ, въ кельяхъ архимандрита, гдѣ останавливалась императрица Елисавета.

Кромѣ помѣщеній для свиты, необходимо было заготовить квартиры и для множества военныхъ начальствующихъ лицъ, такъ какъ къ пріѣзду императрицы въ Кіевъ ожидались полки лейбъ-кирасирскій, днѣпровскій пѣхотный, первый канонирскій, второй фузелерскій и понтонныя роты. Удалось сдѣ-

лать и это, хотя съ большими затрудненіями.

Къ началу зимы 1786 года Кіевъ готовъ былъ уже къ пріему державной путешественницы, и Румянцевъ опасался только зимней погоды. «Къ нашему прискорбію», писалъ онъ 20 ноября 1786 года, «зима здѣсь очень рано настала, она мѣшаетъ намъ и строить и убирать, но боюсь, что дома будутъ вездѣ или студены или сыры, и чтобы дорога сама, при жестокой стужѣ и буряхъ, кои обыкновенно въ сіе время здѣсь бываютъ, и худобѣ санпаго пути, не павела многихъ и большихъ безпокойствъ, и чтобы Малороссія и самый Кіевъ, кои лѣтомъ, подъ пріятностью зелепи и своихъ видовъ, кажутся всѣмъ веселы, тогда не показались бы и грустны и скучны».

Между тѣмъ въ Петербургѣ разыгрывалась тяжелая семейная драма. Императрица неожиданно рѣшила взять съ собою въ путешествіе своихъ внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей, одному изъ которыхъ тогда было 9 лѣтъ отъ роду, а другому 7. Великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Ма-

рія Ѳеодоровна узнали о рѣшеніи государыни только тогда, когда Салтыковъ, состоявшій при великихъ князьяхъ, получилъ повелѣніе готовиться къ поѣздкѣ. Великій князь и его супруга, пораженные волею императрицы, разлучавшей ихъ на такое продолжительное время съ дѣтьми, не рѣшились однако лично объясняться съ государыней. Они написали ей письмо, въ которомъ напоминали, что однажды уже, по ея волѣ, они были въ тягостномъ положеніи разлуки съ дѣтьми, когда совершали въ 1781 году свое путешествіе по Россіи и чужимъ краямъ; что въ настоящее время они не находятъ въ себѣ силъ еще разъ вынести подобную разлуку; что они сомнѣваются, вынесутъ-ли дѣти утомленіе долгаго путешествія въ суровое зимнее время и перемѣну климата; что это тѣмъ опаснѣе, что у великихъ князей еще не было болѣзней, обыкновенно свойственныхъ ихъ возрасту; что, наконецъ, путешествіе и соединенныя съ нимъ развлеченія могутъ замедлить успѣхи ихъ воспитанія. «Вотъ, государыня», добавляли они въ своемъ письмѣ, «вѣрный и откровенный отчетъ о томъ, въ какомъ положеніи сердца наши,

а ваше императорское величество слишкомъ справедливы и милостивы, сердце у васъ слишкомъ нѣжно, чтобы вы не снизошли къ мольбамъ отца и матери, которые, послѣ уваженія и привязанности къ вамъ, не знаютъ болѣе сильнаго чувства, какъ любви, связующей насъ съ дѣтьми нашими».

Просьба великаго князя и его супруги не имѣла успѣха. «Дѣти ваши», писала имъ въ отвѣтномъ письмѣ императрица, «принадлежатъ вамъ, принадлежатъ мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самого ранняго дѣтства ихъ, я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто и устно и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: въ разлукѣ съ вами для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пятерыхъ трое (великія княжны) останутся при васъ: неужели-же я одна, на старости лѣтъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ буду лишена удовольствія имѣть при себѣ кого-нибудь изъ моей семьи?» Императрица ус-

покаивала при этомъ, что ни здоровье, ни воспитаніе великихъ князей во время путешествія не пострадаютъ.

Великій князь съ супругою, въ отвѣтъ на письмо государыни, просили взять и ихъ съ собой, оставивъ дочерей, которыя были еще слишкомъ малы и пока нуждались только въ одномъ физическомъ попеченіи, такъ что присутствіе отца и матери для нихъ не составляло еще необходимости. «Мы можемъ обойтись безъ всего и путешествовать налегкѣ», писали они императрицѣ, «лишь-бы только не быть вдали отъ васъ и отъ сыновей нашихъ. Насъ къ вамъ влекутъ всецѣло сердца наши; это чувства тѣхъ, которые пребываютъ, любезная матушка, вашими дѣтьми: Павелъ и Марія».

На это императрица отвѣчала безусловнымъ отказомъ: «Чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинилобы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались-бы безъ всякаго призрѣнія, одни брошены».

Тогда великій князь и великая княгиня обратились въ отчаяніи къ послѣднему сред-

ству и особыми письмами просили Потемкина ходатайствовать за нихъ предъ государыней о разрѣшеніи имъ сопровождать ее и великихъ князей хотя-бы только до Кіева. Но всесильный Потемкинъ въ ту пору былъ далеко: письмо имъ было получено въ Симферополѣ только 7 января 1787 года, между тѣмъ какъ выѣздъ великихъ князей былъ уже назначенъ на 3 января, а самой императрицы на 6-е. Совершенно неожиданно, однако, когда великій князь и его супруга теряли послѣднюю надежду, за ихъ родительскія права вступился случай. За нѣсколько дней до отъѣзда, у великаго князя Константина Павловича появилась сыпь, съ которою опасно было брать его въ путешествіе. Императрица, не желая разлучать его съ братомъ, отказалась отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ мудрое предположеніе Екатерины дать возможность великому князю Александру Павловичу, впослѣдствіи императору Александру I, провести два—три мѣсяца въ Кіевѣ не осуществилось. Между тѣмъ, кто знаетъ, какія-бы важныя послѣдствія могло имѣть въ воспитательномъ и образовательномъ значеніи для впечатлительнаго и воспріимчиваго

Александра Павловича пребываніе его въ Кіевѣ, гдѣ каждый уголокъ будитъ историческія воспоминанія, пребываніе на десятомъ году жизни, когда въ чуткой душѣ ребенка начинаютъ складываться основы будущаго характера.

2-го января 1787 года, въ 11 часовъ утра, при громѣ пушекъ, императрица выѣхала изъ Петербурга въ Царское Село. Выѣздъ изъ Царскаго въ Кіевъ былъ назначенъ на 7 января. Наканунѣ отправленія въ путь были приглашены въ Царское Село иностранные посланники, сопровождавшіе государыню въ ея путешествіи, съѣхались и всѣ лица, назначенныя состоять въ свитѣ императрицы. Проститься съ великимъ княземъ и княгинею, желавшими пріѣхать для того въ Царское Село, государыня не пожелала. «По природной моей чувствительности», сказала она посланному великаго князя, Салтыкову, «трагедія, прощаніе и разстроенной быть здоровью моему вредно, и для того желаю, чтобы ихъ высочества сюда не пріѣзжали. Они сами нѣсколько недѣль были больны, и у великой княгини всякой день была лихорадка; здѣсь простудиться весьма легко, холодно такъ,

что мы шубы цѣлый день не снимаемъ, да и меньшой сынъ у нихъ боленъ. Пустыя-же церемоніи въ моихъ глазахъ не имѣютъ ни качества, ни количества».

7 января царскій поѣздъ двинулся въ путь. Экипажей насчитывалось до 200. Морозъ былъ значительный и доходилъ до 17 градусовъ. Иностранцы удивлялись зимней русской дорогѣ, быстрой ѣздѣ лошадей и великолѣпному ночному освѣщенію пути. Увлекающійся французъ, графъ Сегюръ, выразился: «Мы ѣхали по огненному пути, свѣтъ котораго былъ ярче солнечныхъ лучей.» Фицгербертъ въ свою очередь писалъ объ этомъ путешествіи: «Проѣздъ императрицы, не смотря на дальнее разстояніе и неблагопріятное время года, скорѣе походилъ на прогулку, чѣмъ на дѣйствительное путешествіе, такъ какъ мы ѣхали въ возкахъ, движеніе которыхъ по снѣгу было такъ-же плавно и покойно, какъ движеніе гондолъ. Вездѣ ея величество имѣла чрезвычайно удобное помѣщеніе въ домахъ, построенныхъ для ея пріѣзда, и вся сервировка ея стола происходила въ тѣ-же часы и точно такимъ-же образомъ, какъ въ Петербургѣ.»

Императрица, находясь въ дорогѣ до Кіева, обыкновенно вставала въ 6 часовъ утра, работала вмѣстѣ съ Безбородко, секретаремъ Храповицкимъ и другими лицами, а затѣмъ принимала иностранныхъ посланниковъ. Въ 9 часовъ отправлялись въ дорогу и ѣхали до 2 часовъ, послѣ обѣда опять ѣхали до 7 часовъ вечера. Вечеромъ, государыня снова бесѣдовала съ иностранными послами или играла съ ними въ карты и лото. Въ 9 часовъ вечера она опять начинала работать и занималась до 11 часовъ.

Въ мѣстечкѣ Чечерскѣ, принадлежавшемъ вдовѣ графа Захара Григорьевича Чернышева, 20 января государыню встрѣтилъ графъ Румянцевъ, выѣхавшій изъ Кіева для сопровожденія ея въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края. 29 января въ Козельцѣ императрица принимала отправленнаго ей на встрѣчу митрополитомъ кіевскимъ, Самуиломъ Миславскимъ, архимандрита Переяславскаго Вознесенскаго монастыря Іоиля, который поднесъ державной путешественницѣ икону и хлѣбъ-соль отъ митрополита и всего духовенства, за что архимандриту всемилостивѣйше было пожаловано 300 рублей.

Въ часъ пополудни въ тотъ же день царскій поѣздъ прибылъ въ Бровары. Здѣсь, у путеваго дворца, государыню встрѣтили кіевскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Семенъ Ермолаевичъ Шпрковъ, вице-губернаторъ Башиловъ и кіевскій уѣздный предводитель съ дворянствомъ. Въ Броварахъ императрица имѣла обѣденный столъ, послѣ котораго высочайшій поѣздъ двинулся къ Кіеву; за каретою государыни верхомъ слѣдовали предводитель, дворяне и поселяне.

За нѣсколько верстъ до Кіева была приготовлена парадная двумѣстная карета, куда пересѣла государыня. Впереди поѣхали 8 человѣкъ придворныхъ служителей; за каретою слѣдовали верхами шталмейстеръ генералъ-поручикъ Ребиндеръ, унтеръ-шталмейстеръ и камеръ-пажи. За двѣ версты отъ берега генералъ Энгельгардтъ со многими офицерами и эскадрономъ лейбъ-кирасирскаго полка встрѣтили императрицу громкимъ «ура» и помчались вслѣдъ за ея экипажемъ; вскорѣ къ нимъ присоединились другіе генералы и офицеры. Съ приближеніемъ царской кареты къ Днѣпру, былъ данъ сигналъ ракетою, по которому съ Печерской крѣпости началась пальба, а въ

церквахъ и монастыряхъ ударили во всѣ колокола; трубы и литавры огласили воздухъ.

На берегу Днѣпра государыню ожидалъ вице-адмиралъ Пущинъ съ своею командою. По льду рѣки былъ положенъ широкій мостъ изъ брусьевъ, съ перилами изъ зеленыхъ сосновыхъ вѣтвей; у перилъ были поставлены матросы и офицеры въ зеленой одеждѣ, съ красными воротниками и бѣлыми эполетами. При переѣздѣ по мосту вновь началась пушечная пальба съ Печерской крѣпости.

На городской сторонѣ, близъ Неводницкой пристани, у первыхъ тріумфальныхъ воротъ, названныхъ «Зелеными», находился кіевскій городничій, надворный совѣтникъ Кругловъ, войтъ со всѣми членами магистрата, уѣздный судья и купечество. Тутъ отъ города была поднесена государынѣ хлѣбъ-соль и въ разныхъ сосудахъ волошское бѣлое и красное вино. Войтъ съ гражданами, «товарищами золотой корогвы», которыхъ было болѣе 200 человѣкъ, поѣхали верхомъ впереди кареты государыни. На огромной площади передъ Печерской крѣпостью были воздвигнуты другія тріумфаль-

ныя ворота. Здѣсь встрѣтили императрицу губернаторъ, всѣ высшіе чиновники присутственныхъ мѣстъ, дворянство и поселяне. Въ это время въ Печерской крѣпости опять раздалась пушечная пальба, и кіевскій оберъ-комендантъ, генералъ-лейтенантъ Кохіусъ, поднесъ государынѣ ключи отъ крѣпости. Тутъ-же, у вторыхъ тріумфальныхъ воротъ, государыню встрѣчало нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвицъ мѣщанскаго и купеческаго званія, одѣтыхъ въ малороссійскіе кафтаны. У женщинъ на головахъ были кораблики, у дѣвицъ цвѣты. У каждой изъ нихъ по корзинѣ цвѣтовъ, которыми онѣ устилали царскій путь.

По обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ этихъ тріумфальныхъ воротъ до святыхъ вратъ Печерской лавры, разставленъ былъ шпалерами Днѣпровскій пѣхотный полкъ, подъ командою князя Михаила Михайловича Дашкова. У святыхъ лаврскихъ вратъ, при громѣ барабановъ и наклоненіи знаменъ, государыня вышла изъ кареты. По болѣзни престарѣлаго митрополита Самуила, императрицу встрѣтилъ здѣсь коадъюторъ кіевской митрополіи, епископъ переяславскій и борисполькій Викторъ, съ

архимандритомъ, лаврскою братіей и прочимъ духовенствомъ, въ числѣ котораго были митрополиты: грузинскій, царевичъ грузинскій Антоній Нинасминдскій, и лакедемонскій—Серафимъ. Въ великой церкви лаврской, гдѣ государыня выслушала краткій благодарственный молебенъ за благополучное совершеніе пути и прикладывалась къ св. мощамъ, собрались всѣ кіевскія городскія знатныя дамы. Было 20° мороза и, вслѣдствіе этого, до прибытія государыни, дамы, одѣтыя по бальному, были въ шубахъ. При входѣ государыни въ церковь, онѣ поспѣшно сбросили съ себя шубы, и удостоившись довольно хорошо видѣть царицу, разъѣхались по домамъ. Поклонившись печерской святынѣ, государыня, въ сопровожденіи лейбъ-кираспровъ, артиллерійскихъ и другихъ командъ, отправилась во дворецъ, куда прибыла въ половинѣ шестого. Тутъ ее ожидали уже графини Браницкая и Скавронская, графъ Румянцевъ, генералъ-аншефъ Миллеръ, нѣсколько камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, мѣстный генералитетъ, дворянство, чиновники и множество знатныхъ польскихъ дворянъ, въ числѣ которыхъ были князь Са-

пѣга и графы Браницкій и Потоцкій. Передъ дворцомъ кіевское дворянство воздвигло отъ себя третьи тріумфальные ворота. По дорогѣ отъ лавры до дворца, по обѣимъ сторонамъ дороги, стояли пѣшіе кіевскіе мѣщане, раздѣленные на цехи, и купцы съ ружьями и знаками ихъ обществъ. Въ этотъ проѣздъ государыни было сдѣлано 33 пушечныхъ выстрѣла со Старокіевской крѣпости.

Прибывъ во дворецъ, государыня пожаловала къ рукѣ только обѣихъ племянницъ Потемкина, графинь Браницкую и Скавронскую, и тотчасъ прослѣдовала во внутреннія покои. Вечеромъ императрица играла въ карты съ графами Кобенцелемъ и Сегюромъ и вице-губернаторомъ Башиловымъ. Къ 8 часамъ вечера государыня снова удалилась во внутреннія покои отдохнуть послѣ долгаго, хотя и не тяжкаго путешествія. Вечеромъ, передъ дворцомъ и въ саду была зажжена иллюминація, былъ ярко освѣщенъ громадный щитъ-транспарантъ съ вензелями государыни и прочихъ лицъ царствующаго дома.

Во дворцѣ, кромѣ самой императрицы, помѣстились: камеръ-фрейлина А. С. Про-

тасова, генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ, генералъ-майоръ и дѣйствительный камергеръ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Марья Савишна Перекусихина, камеръ-юнгферы, камеръ-медхены и камердинеръ Зотовъ.

На слѣдующій день, 30 января, въ 11 часу утра собрались во дворцѣ для принесенія поздравленій государынѣ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Кіевъ преосвященный Викторъ съ семью архимандритами, мѣстныя гражданскія и военныя власти, съѣхавшіеся польскіе и русскіе дворяне и войтъ съ членами магистрата. Преосвященный Викторъ и губернскій предводитель дворянства Капнистъ *) говорили при этомъ привѣтственныя рѣчи; отъ духовенства поднесено было ея величеству пять хлѣбовъ и двѣ иконы, а отъ города хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, разные фрукты и волошскія вина. Императрица жаловала всѣмъ представлявшимся руку съ веселымъ видомъ и была благосклонна. Въ тотъ-же день во дворцѣ состоялся парадный обѣдъ, на который были приглашены знатнѣйшія изъ представлявшихся особъ.

*) Извѣстный авторъ комедіи „Ябеда“.

31 января императрица посѣтила Софійскій соборъ, откуда прослѣдовала въ софійскіе митрополитанскіе покои, гдѣ въ это время въ домовой церкви Воскресенія Христова совершалъ литургію епископъ Викторъ. По окончаніи служенія, изъ алтаря вышелъ большой митрополитъ Самуилъ и привѣтствовалъ государыню рѣчью: «Мы во власти твоей монаршей», говорилъ митрополитъ, «съ благоговѣніемъ почитаемъ и исповѣдуемъ власть, силу и могущество небеснаго Бога. Мы въ благодѣяніяхъ, тобою прещедро на насъ изливаемыхъ, благословляемъ десницу, исполняющую всяческая благости. Мы въ матернемъ твоемъ лицѣ признаемъ и созерцаемъ лице Превѣчнаго Отца. Какіе убо воздвигнемъ тебѣ алтари, какіе поставимъ жертвенники, какой на нихъ воскурнмъ ѳиміамъ? Сердца, искренностью и вѣрностью возженныя, да будутъ алтарями. Чистѣйшія желанія и горячія молитвы, Всевышнему возсылаемыя, да будутъ жертвами». Послѣ рѣчи митрополита, государыня удостоила посѣщеніемъ его кельи, откуда отбыла во дворецъ. Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ, во время котораго государыня играла съ иностранными послами въ карты.

Въ такихъ балахъ, въ оффиціальныхъ пріемахъ и празднествахъ прошла вся масляница, съ 1 по 7 февраля. «Императрица вѣрна своимъ привычкамъ», сказалъ по этому поводу одному изъ придворныхъ графъ Сегюръ, «досадно проѣхать такъ далеко, чтобъ видѣть тотъ же дворъ, слушать тѣ же греческія обѣдни, присутствовать на тѣхъ же придворныхъ балахъ». Замѣчаніе Сегюра дошло до императрицы. При первомъ удобномъ случаѣ она сказала ему: «меня увѣряютъ, будто вы осуждаете меня, что я путешествую по моей имперіи для того только, чтобы давать во всѣхъ городахъ ауденціи и праздники. Вы очень ошибаетесь: я путешествую не для осмотра мѣстностей, а чтобы высмотрѣть людей. По планамъ и описаніямъ я знаю все то, чего при быстрой ѣздѣ я не могу увидѣть. Для меня-же необходимо, чтобы народъ могъ приблизиться ко мнѣ, чтобы я могла дать доступъ ко мнѣ его жалобамъ и заставить бояться тѣхъ, которые могутъ злоупотреблять предоставленною имъ отъ меня властью, и надѣюсь, что я открою ихъ ошибки, ихъ небрежность или ихъ несправедливость,—вотъ польза, которой я

ожидаю отъ моихъ путешествій. Я держусь пословицы: «отъ глаза хозяина толстѣетъ и здоровѣетъ лошадь».

Въ общемъ, императрица осталась недовольна краемъ, находившимся въ завѣдываніи графа Румянцева. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ она должна была проѣзжать, мѣстныя власти принимали необыкновенныя мѣры для ея удобствъ и въ особенности для улучшенія дороги. Румянцевъ менѣе озаботился объ этомъ, вслѣдствіе чего государыня еще на пути замѣтила ему однажды, что дороги въ этомъ краѣ плохи, на что фельдмаршалъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Madame, vos sujets Ukraïniens sont trop pauvres pour que j'ai pu prendre sur moi de les vexer extraordinairement dans une occasion, où ils ne doivent sentir que le bonheur devoir leur souveraine». *)

Осталась недовольна императрица и Кіевомъ. Ее поразилъ невзрачный видъ зданій, грязныя и дурно мощеныя улицы. Она на-

*) Государыня! Ваши украинскіе подданные слишкомъ бѣдны для того, чтобы я могъ взять на себя чрезмѣрно ихъ притѣснять въ то время, когда они должны испытывать только счастье лицезрѣть свою государыню.

ходила, что въ Кіевѣ постройки вообще въ плохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Ей досадно было видѣть, что въ Кіевѣ не позаботились о тѣхъ украшеніяхъ, которыя приготовлялись къ ея пріѣзду въ городахъ гораздо менѣе значительныхъ. Мамонову было поручено дать почувствовать графу Румянцеву неудовольствіе императрицы. Мамоновъ исполнилъ это щекотливое порученіе съ возможной осторожностью и намекнулъ фельдмаршалу, что государыня ожидала найти Кіевъ въ лучшемъ состояніи. Румянцевъ, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ сынъ Мамонова, почтительно и терпѣливо выслушалъ замѣчанія и отвѣчалъ:

«Скажите ея величеству, что я фельдмаршалъ ея войска, что мое дѣло брать города, а не строить ихъ, а еще менѣе ихъ украшать».

Императрица, узнавъ объ этомъ отвѣтѣ, сказала:

«Онъ правъ. Пусть же Румянцевъ продолжаетъ брать города, а мое дѣло будетъ ихъ строить».

Сегюръ также упоминаетъ въ своихъ запискахъ о бросавшейся въ глаза разницѣ между

внѣшнимъ видомъ губерній, которыми управлялъ Румянцевъ, и другими. Сегюръ замѣчаетъ, однако, что причиной этого обстоятельства были интриги Потемкина, давно враждовавшаго съ Румянцевымъ и желавшаго выставить свои заслуги въ выгодномъ свѣтѣ, тратившаго на управленіе ввѣренныхъ ему губерній громадныя суммы и прилагавшаго всѣ старанія къ тому, чтобы Румянцевъ былъ лишенъ средствъ, необходимыхъ для приведенія Кіева въ надлежащій видъ.

Екатерина обратилась однажды къ каждому изъ посланниковъ съ вопросомъ, какъ имъ нравится Кіевъ. «Государыня», воскликнулъ графъ Кобенцель съ выраженіемъ восторга: «это самый дивный, величественный, самый великолѣпный городъ, какой я когда либо видѣлъ!» Фицгербертъ отвѣчалъ на тотъ-же вопросъ противоположнымъ образомъ. «Если сказать правду, такъ это незавидное мѣсто: видишь только развалины, да избушки». Сегюръ выразился остроумнѣе своихъ коллегъ: «государыня», сказалъ онъ, «Кіевъ представляетъ собою воспоминанія и надежды великаго города». Во всякомъ случаѣ, пребываніе императрицы въ Кіевѣ много способствовало украше-

нію города; изъ личныхъ средствъ государыни и изъ казны были отпущены немалыя суммы на починку церквей и на постройку разныхъ общественныхъ зданій.

«Кіевъ», писала императрица Циммерману: «по своему положенію есть мѣсто совершенно живописное. Отъ прежняго его великолѣпія остались одинѣ богатыя церкви. Четыре части города, находящіяся на горѣ и на долинѣ, весьма обширны, но очень худо застроены. Однако, давно уже сей городъ не имѣлъ столь большой нужды въ хорошихъ квартирахъ, какъ во время моего въ немъ пребыванія. Число разныхъ пріѣзжихъ народовъ весьма велико. Трудно отгадать, что ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо нельзя полагать, чтобы всѣ они обмануты были нѣкоторыми газетами, которыя изо всей силы оповѣщали будущее мое короноваціе въ Тавридѣ или здѣсь, о чемъ я никогда не думала».

И въ самомъ дѣлѣ, съѣздъ былъ громадный. Тутъ были сыновья Ираклія, царя грузинскаго, множество знатныхъ лицъ съ отдаленнѣйшихъ концовъ Европы, депутаты персидскіе и лезгинскіе, киргизы и калмыки. «Боже мой», восклицаетъ принцъ де-

Лишь, «какая суматоха, сколько алмазовъ, золота, кавалерій и лентъ! Сколько шѣпей, чалмъ и красныхъ колпаковъ, мѣхами обшитыхъ и остроконечныхъ! Они принадлежатъ лезгинамъ, которые пріѣхали депутатами, такъ, какъ и многіе другіе обитатели границъ великой стѣны имперіи Китайской, также съ границъ Персіи и Византіи. Это немного поважнѣе, чѣмъ нѣсколько депутатовъ отъ парламента, или чины какого-нибудь маленькаго городка, пріѣзжающіе за 20 миль въ почтовой каретѣ въ Версаль сдѣлать изъ себя глупое представленіе. Людовикъ XIV позавидовалъ-бы сестрѣ своей Екатеринѣ II. Сыновья кавказскаго царя Иракліи, которые находятся здѣсь, доставили бы ему больше удовольствія, нежели пять или шесть старыхъ кавалеровъ ордена св. Людовика».

«Поляки явились толпами», разсказываетъ Сегюръ, «разумѣется, болѣе изъ страха, чѣмъ по привязанности къ владычицѣ сѣвера. Между ними были графы Браницкій, Потоцкій, Мнишекъ, князь Сапѣга, княгиня Любомірская и другіе». Тотъ-же принцъ де-Линь пишетъ со свойственнымъ ему остроуміемъ далѣе: «знаете ли вы, что

дѣлаютъ здѣсь эти паны великой и малой Польши? Они обманываются, ихъ обманываютъ, и они въ свою очередь обманываютъ. Жены ихъ льстятъ императрицѣ и полагаютъ, что она не знаетъ, какъ ее осуждали подъ шумокъ послѣдняго сейма. Всѣ ловятъ взглядъ Потемкина, а этотъ взглядъ поймать нелегко, потому что князь не то близорукъ, не то косъ. Прекрасныя полячки добиваются екатерининской ленты, чтобы кокетничать ею и возбуждать зависть родныхъ и знакомыхъ». Польскіе паны щеголяли своимъ великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенснаго-Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухсотъ человѣкъ челяди шляхетскаго происхожденія. Два племянника короля были также представлены императрицѣ. Представители козаковъ, татаръ, киргизовъ и калмыковъ толпились при дворѣ императрицы вмѣстѣ съ представителями западно-европейскихъ державъ.

Екатерина писала Салтыкову: «Ежедневно здѣсь гостей прибываетъ, не токмо отъ окрестныхъ, но и отъ всѣхъ подсолнечныхъ народовъ. Лишь назовите народъ,

а мы предъявимъ вамъ въ лицахъ. Съ роду я столько не видывала, хотя привыкла видѣть націй разныхъ. У насъ здѣсь четыре грандъ д'Эспань, князья имперскіе безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы. На многихъ страницахъ имена ихъ не перечтешь; съ роду столько иноязычныхъ не видала, даже и киргизцы, и тѣ здѣсь о-утились, и все сіе по кіевскимъ хижинамъ живетъ и, непонятно какъ, умѣщается». Барону Гримму она-же писала: «Полъ Польши съѣхалось сюда. Пріѣхали испанскій грандъ, принцъ Нассаускій и еще одинъ испанецъ, по фамиліи Миранда. Всѣ они, когда разъѣдутся, скажутъ, что не стоило пріѣзжать. Страненъ здѣшній городъ: онъ весь состоитъ изъ укрѣпленій, да изъ предмѣстій, а самаго города и до сихъ поръ не могу доискаться; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ, покрайней мѣрѣ, съ Москву». Въ другомъ письмѣ къ Гримму сказано: «Шевалье Ламетъ сегодня прощался. Я думаю, что ему и всѣмъ пріѣхавшимъ сюда иностранцамъ приходилось не разъ раскаиваться въ томъ, что они предприняли это

путешествіе, потому что прежде всего, городъ отвратителенъ: они съ трудомъ могутъ продовольствоваться въ мерзѣйшихъ клѣтушкахъ. Кромѣ того, большая часть ихъ пріѣхала, повидимому, чтобы служить мнѣ компаніей, тогда какъ меня увѣряли, что цѣлью ихъ было увидѣть меня. Обманувшись въ своемъ намѣреніи, они разъѣхались. Но тѣмъ не менѣе, какая толпа! Я никогда не видала ничего подобнаго!..».

8 февраля начался великій постъ. Прекратились празднества, балы и оффиціальные пріемы при дворѣ; императрица по случаю говѣнія перестала даже играть въ карты, шахматы и бильіардъ. По утру, въ 10 часу, духовникъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ совершалъ церковныя службы. Обѣденный столъ и дессертъ изготовлялись постные. Къ обѣду рѣдко кто приглашался, такъ какъ уже въ 5 часу отправлялись вечерни. До 8 часовъ вечера императрица проводила время въ бесѣдахъ съ приближенными лицами. Въ среду во дворцѣ была поставлена походная церковь для совершенія преждеосвященныхъ литургій. Въ пятницу 12 февраля государыня исповѣдывалась, а въ субботу пріобщалась св. Таинъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Императрица заботилась о томъ, чтобы обычные ея собесѣдники, иностранные послы, не скучали во время поста. «Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фицгербертъ и я», пишетъ Сегюръ, «и гдѣ мы принимали и русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой то европейской кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавались рѣчи на различныхъ языкахъ и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ. Такъ какъ всѣ мы, Кобенцель, Фицгербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ быть, принуждены будемъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу. Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы впродолженіе всей дороги мы жили на ея счетъ. Я остановился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и

снабженіемъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, оффиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что впродолженіе всего путешествія единственно дозволенными для насъ издержками были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось сдѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы соображались съ волею императрицы и, какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, какъ любой русскій боярин или какой-нибудь потомокъ Рюрика или Владиміра. Когда императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились сходиться у графа Кобенцеля, потому что его домъ былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что для насъ было пріятнѣе. Сообща

намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ».

Со второй недѣли Великаго поста, т. е. съ 14 февраля, жизнь во дворцѣ стала разнообразиться куртагами. Днемъ, послѣ утреннихъ занятій, императрица играла обыкновенно до обѣда на биллiардѣ съ Мамоновымъ. Къ обѣду приглашался кто-либо изъ иностранныхъ посланниковъ, князь Потемкинъ, нашъ варшавскій посланникъ графъ Штакельбергъ, нѣкоторыя лица изъ свиты, часто также кто-либо изъ знатныхъ поляковъ. Вечеромъ играли въ шахматы и карты, а послѣ 9 часовъ государыня удалялась во внутреннiе покои, гдѣ писала письма.

14 февраля императрица была утромъ въ Михайловскомъ монастырѣ, 15 въ лаврѣ, въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, гдѣ поклонилась мощамъ св. угодниковъ. По этому поводу она писала Еропкину: «Въ верхнихъ пещерахъ мы всѣ были безъ шубъ, а въ нижнiя сошедъ, было такъ жарко, что изъ оныхъ вышедъ, не было ни единаго человѣка, который-бы не вспотѣлъ такъ, какъ въ жарчайшiе дни». Въ тотъ-

же день она писала и Брюсу: «Я вижу, что и морозы и оттепели у васъ и здѣсь въ одно время, по градусовъ 8 или 10 разницы. Вчерась опять было градусовъ до 12, а когда я возвращалась во второмъ часу изъ пещеръ, тогда солнце пекло такъ сильно, что въ каретѣ нестерпимо было жарко . Cie письмо есть сегодня девятое, которое я пишу, и сама сему дивлюсь, ибо здѣсь я и всѣ чувствуютъ лѣнь и отличную охоту спать, mais aussi quand je suis sur pied, je suis leste comme un oiseau, temoin la terrible promenade que nous avons fait hier par les catacombes et qui a duré au moins deux heures, car nous avons été tout partout et dans les plus hautes et les plus basses». Послѣдствіемъ посѣщенія пещеръ было пожалованіе драгоцѣнныхъ покрововъ для многихъ мощей, что обошлось по камеръ-фурьерскому журналу въ 19,488 р. 67 к.

Съ 15 по 17 февраля, по высочайшему повелѣнію, производилась сенаторская ревизія кіевскихъ присутственныхъ мѣстъ. 18 былъ балъ у графа Браницкаго, 19 у Потоцкаго. «Богатые поляки», замѣчаетъ по поводу этихъ баловъ очевидецъ, «полагаютъ все свое вниманіе въ азіатской рос-

конп. Когда графиня Потоцкая изволила прохаживаться по компатамъ, то одна молодая дворянка должна была носить за нею шлейфъ ея платья. Въ Польшѣ только тотъ великъ, и даже графъ, кто богатъ; бѣдные дворяне охотно поступаютъ къ нимъ въ услуженіе». 20 числа, по случаю именинъ любимца государыни, Льва Александровича Нарышкина, жившаго въ домѣ совѣтника Вишневскаго, былъ опять балъ. Рядъ этихъ блестящихъ баловъ завершился 22 февраля баломъ у австрійскаго посла, графа Кобенцеля. На всѣхъ балахъ присутствовала императрица.

21 числа государыня слушала литургію въ Андреевской церкви. Послѣ обѣдни, она обошла кругомъ церковь и любовалась съ площадки прекраснымъ видомъ на Подолъ. 28 февраля была у обѣдни въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ.

Всю вторую и третью недѣлю Великаго поста стояли сильные морозы, и государыня говорила, что «въ здѣшнемъ воздухѣ, противъ петербургскаго, никакой перемѣны не примѣтила.» «Мы всѣ здоровы,» писала она Брюсу 26 февраля, «и ожидаемъ вскрытія Днѣпра, котораго на прошедшей

недѣлѣ проходили уже не иначе, какъ пѣшкомъ, но со вторника повернулъ чухонскій зефиръ градусовъ въ 10. Сей продолжается до днесь, однако когда солнце часа на два просіяетъ, тогда не видать ни снѣга, ни льду, но земля голая.» Въ концѣ февраля потеплѣло, начиналась весна. «Солнечные лучи,» писала императрица великой княгинѣ, «въ два, въ три часа раскрываютъ намъ землю безъ снѣга и льда. Въ прошедшее воскресенье мы видѣли травки, росшія пучками; къ тому же было такъ тепло, что вездѣ окна были открыты отъ 12 часовъ до 5; птицы пѣли, какъ весною.» 4 марта, по случаю прекрасной погоды, императрица сдѣлала по улицамъ въ экипажѣ прогулку, которая продолжалась около двухъ часовъ.

7 марта государыня слушала обѣдню въ Печерскомъ большомъ монастырѣ, послѣ которой прошла въ архимандритскія кельи къ князю Потемкину, гдѣ обѣдала. Хозяйкой на обѣдѣ была племянница князя, графиня Е. В. Скавронская. Вечеромъ во дворцѣ состоялся куртагъ. 8 марта, по случаю именинъ императора Іосифа II, у австрійскаго посланника, графа Кобенцеля,

былъ великолѣпный балъ, на которомъ жены польскихъ магнатовъ, чтобы обратить на себя вниманіе императрицы, щеголяли одна предъ другою нарядами, брилліантами и жемчугами.

11 марта государыня была у обѣдни въ Софійскомъ соборѣ. Знаменитый витія, протоіерей Левапда, произнесъ блестящую рѣчь, которою императрица осталась такъ довольна, что тутъ-же въ церкви возложила на Леванду крестъ, украшенный брилліантами, на алой лентѣ.

17 числа, послѣ обѣда, въ 3 часу дня, императрица со всею свитою сдѣлала прогулку въ Китаевъ, на Днѣпръ, гдѣ стояли приготовленныя для дальнѣйшаго путешествія галеры и другія суда. Государыня осмотрѣла при этомъ во всѣхъ подробностяхъ предназначенную для нея самую большую галеру «Днѣпръ». Послѣ осмотра, она жаловала къ рукѣ завѣдывавшаго днѣпровской флотиліей адмирала Пущина и благодарила его и другихъ флотскихъ офицеровъ.

Великимъ постомъ, посѣщая кіевскіе храмы и монастыри, императрица постоянно наталкивалась на множество нищихъ; нѣкоторые изъ нихъ старались лично по-

дать ей прошеніе, подбѣгая для этого, то къ каретѣ государыни, то къ крыльцу, съ котораго она сходила, то при входѣ ея въ церковь. Государыня была этимъ очень недовольна и дала почувствовать свое неудовольствіе Румянцеву въ рескриптѣ, которымъ повелѣвалось «принять мѣры и сдѣлать соображенія объ уменьшеніи числа шатающихся по городу Кіеву нищихъ, оставленныхъ безъ призрѣнія, отъ чего, кромѣ безпокойствъ для людей, могутъ происходить и другіе безпорядки». Тѣмъ-же рескриптомъ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, чтобы никто не смѣлъ подавать просьбы прямо императрицѣ подъ опасеніемъ строгаго взысканія. «Во время нашего пребыванія», писала въ рескриптѣ императрица, «поданы намъ самолично отъ многихъ просителей жалобы и просьбы. Всѣ почти оныя найдены неосновательными и, по существу дѣлъ, къ подачѣ намъ не надлежащія». Государыня особенно бывала недовольна, если кто-либо, подавая ей просьбу, падалъ въ ноги или становился на колѣни.

Въ Вербное воскресенье, 21 марта, императрица слушала обѣдню въ лаврѣ. Къ обѣду въ этотъ день были приглашены,

между прочими, графы Мнишекъ и Браницкій съ своими женами. Передъ обѣдомъ императрица пригласила къ себѣ въ спальню обѣихъ графинь. Всѣ съѣхавшіяся къ обѣду лица ожидали выхода государыни и недоумѣвали, отчего она такъ долго не выходитъ. Вдругъ государыня вышла въ залу и, обратившись къ графу Мнишекъ, спросила его:

«Не безпокоитесь-ли вы о вашей женѣ? Она скоро выйдетъ, а теперь занята туалетомъ».

Вслѣдъ за этими словами вошли въ залу обѣ графини въ пожалованныхъ имъ орденскихъ знакахъ св. Екатерины. Можно представить себѣ, въ какомъ восторгѣ были мужья новопожалованныхъ и сами онѣ, особенно графиня Мнишекъ, когда въ это время чуть не всѣ пріѣзжія польскія дамы добивались и хлопотали чрезъ Мамонова и Потемкина о пожалованіи имъ этого ордена.

22 марта началась Страстная недѣля, а съ нею опять временно прекратились куртаги, эти обычныя маленькія собранія во дворцѣ, на которыя приглашались только самыя приближенныя лица, гдѣ императрица, отбросивъ всякій этикетъ, блистала и кокетничала своимъ умомъ и остроуміемъ.

На этихъ собраніяхъ велись бесѣды о впечатлѣніяхъ дня, разсуждали объ литературѣ, шутили и смѣялись другъ надъ другомъ; разговоры о политикѣ не допускались, развѣ только въ веселомъ и шутливомъ тонѣ. Государыня называла Россію своимъ маленькимъ хозяйствомъ. «Какъ вы находите мое маленькое хозяйство», спрашивала она на одномъ изъ кіевскихъ куртаговъ иностранныхъ посланниковъ, «не правда-ли, что оно понемногу устраивается и увеличивается? Я небогата, но кажется, что и то малое, чѣмъ я владѣю, приходитъ не въ дурное положеніе?» Переходили къ играмъ. Играли въ карты, въ шахматы, лото. Немало оживленія вносилъ въ общество остроумный и забавный Левъ Александровичъ Нарышкинъ, неизмѣнный любимецъ императрицы. Принцъ де-Линь разсказываетъ объ немъ: «Однажды оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, столь-же замѣчательный по любезности, какъ по живости своей, пустилъ посреди пасъ волчекъ, у котораго голова была больше его собственной. Послѣ жужжанія и высокихъ скачковъ, очень насъ позабавившихъ, волчекъ разлетѣлся съ ужаснымъ свистомъ на три или четыре ча-

сти, прокатился между императрицею и мною, зацѣпилъ двухъ нашихъ сосѣдей и осколкомъ ударилъ въ голову принца Пассаускаго, который два раза отворялъ себѣ кровь». Случай этотъ не оставилъ въ принцѣ непріятныхъ воспоминаній. Напротивъ того, разставаясь съ Кіевомъ, онъ писалъ женѣ: «Я сожалѣю о кругломъ столѣ, за которымъ я имѣлъ возможность узнать императрицу такъ, какъ это не удалось-бы мнѣ при иныхъ обстоятельствахъ. По истинѣ, я восхищаюсь ею съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; трудно представить себѣ простоту ея обхожденія. Разговоръ ея очарователенъ, и когда онъ касается серьезныхъ предметовъ, то мѣткость ея сужденій свидѣтельствуетъ объ обширности и правильности ея ума. Она была-бы самымъ привлекательнымъ частнымъ человѣкомъ». Съ наступленіемъ Страстной недѣли эти развлеченія уступили опять мѣсто посту и молитвамъ. Во дворцѣ снова поставили походную церковь, въ которой духовникъ въ первые три дня совершалъ преждеосвященныя литургіи. Вечеромъ, въ 5 часовъ, въ компатѣ отправлялось повечеріе. Въ Великій четвергъ, совпавшій тогда съ днемъ

Благовѣщенія 25 марта, государыня присутствовала въ лаврѣ, на литургіи и умовеніи ногъ, которое совершалъ преосвященный Викторъ. Вечеромъ передъ внутренними покоями были прочтены духовникомъ 12 евангелій. Въ Страстную пятницу государыня была опять въ лаврѣ, на выносѣ плащаницы. Въ этотъ день обѣденнаго стола не было. Въ субботу утреня и литургія отправлялись въ придворной церкви. Послѣ службы, государынѣ были поднесены отъ лавры капопики св. Пасхи.

«28 марта, въ первый день праздника Пасхи, пополуночи въ часъ, по второму съ Печерской крѣпости пушечному сигналу имѣли пріѣздъ ко двору всѣ находящіеся въ свитѣ и чужестранные министры, дамы въ русскомъ, а кавалеры въ обыкновенномъ платьѣ; по тому-жъ сигналу по повѣсткамъ собрались пребывающія въ Кіевѣ знатнѣйшія обоего пола особы и знатное дворянство въ Кіево-Печерскій монастырь, въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь».

Въ началѣ третьяго часа ночи послѣдовалъ высочайшій выѣздъ въ лавру, къ пасхальной заутренѣ, которую, за сла-

бостью митрополита Самуила, совершалъ епископъ Викторъ. «Великолѣпіе собравшагося двора», пишетъ графъ Комаровскій, очевидецъ этой единственной въ лѣтописяхъ Кіева пасхальной заутрени, «поразило всѣхъ преимущественно у заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе Христово, въ Кіево-Печерской лаврѣ». Послѣ заутрени императрица принимала поздравленія и жаловала всѣхъ къ рукѣ. Затѣмъ непосредственно была отправлена литургія, которая кончилась въ половинѣ пятаго утра. По возглашеніи воскреснаго тропаря, при чтеніи евангелія и по окончаніи литургіи, производилась пушечная пальба съ крѣпостей Печерской и Старокіевской. Въ 6 часу утра во дворцѣ разговлялись.

Во второмъ часу пополудни съѣхались опять ко двору находящіяся въ свитѣ знатныя придворныя обоего пола особы и чужестранные министры и собрались въ парадныхъ покояхъ. Въ то-же время военныя и гражданскія власти и знатнѣйшія городскія дамы имѣли собраніе въ Софійскомъ соборѣ. Въ 3 часу императрица прибыла въ соборъ къ вечернѣ, послѣ которой приносили поздравленія и жалованы къ рукѣ

митрополитъ Самуилъ, протоіерей Леванда и прочее духовенство; митрополитъ сказалъ при этомъ привѣтственную рѣчь. Вечеромъ во дворцѣ играли въ карты.

На второй день праздника императрица была у литургіи въ Софійскомъ соборѣ и посѣтила митрополита Самуила въ его покояхъ. Въ это свиданіе митрополитъ получилъ разрѣшеніе на всѣ представленныя имъ ходатайства. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ докладъ о посылкѣ отличнѣйшихъ студентовъ академіи въ иностранные университеты для науки. Императрица соизволила выбрать четырехъ человѣкъ изъ студентовъ академіи, «пріобрѣтшихъ довольное понятіе о наукахъ и языкахъ, отличившихъ себя честнымъ поведеніемъ и подающихъ хорошую надежду къ достиженію предполагаемаго намѣренія, послать на академическомъ иждивеніи въ иностранные университеты, гдѣ такія науки процвѣтаютъ и правила иностранныхъ языковъ изъясняются основательно, дабы симъ образомъ академія могла воспользоваться собственными своими учителями». Въ тотъ-же день во дворцѣ былъ большой парадный обѣдъ.

Всю Свѣтлую недѣлю императрица ѣзди-

ла по церквямъ и монастырямъ, а по утрамъ гуляла въ дворцовомъ саду. Передъ обѣдомъ играла на биліардѣ или въ карты, вечеромъ въ карты и любовалась изъ окопъ на народное гулянье, устроенное предъ дворцомъ, съ безплатными качелями. По поводу народныхъ увеселеній императрица писала Брюсу: «Вы пишете, что Свѣтлый праздникъ у васъ расшевелилъ людей, а здѣсь и того нѣтъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ поставилъ качели и всякія игры, но здѣшній народъ и при веселіяхъ, съ таковою-же nonchalance, какъ всегда. De ma vie je n'ai vu une province où les gens soient plus laids et plus bêtes, à peine cela ce remue t'il. Не лучше отозвалась Екатерина въ томъ-же письмѣ о высшемъ дамскомъ обществѣ: «Toutes les dames polonaises sont bien singulières aussi; не знаю, что-то въ нихъ много есть замоскворѣцкаго».

Не была довольна императрица и климатомъ Кіева. 26 марта она писала великой княгинѣ: «увѣряю васъ, что рѣзкость петербургскаго климата по моему лучше глупостей здѣшняго». «Днѣпръ вскрылся», писала она 30 марта Брюсу, «только холодно, чаю, нарочно для того, чтобы вы

имѣли чѣмъ хвастаться вашей петербургской погодой». Въ тотъ-же день великой княгинѣ: «Днѣпръ вскрылся на Страстной недѣлѣ, и я, по очищеніи отъ льду Печерской крѣпости, велѣла выполнить невскій обрядъ весь *), и теперь на крѣпости вѣетъ флагъ, и утреннюю и вечернюю зорю стрѣляютъ, какъ у васъ. Однако еще холодновато, а въ Свѣтлый праздникъ была погода мокрая и съ такимъ туманомъ, что плошекъ на колокольнѣ, стоя у церкви, не видно было». Вскорѣ однако потеплѣло. «Погода такъ была тепла», писала императрица уже черезъ нѣсколько дней, «что я могла нѣсколько разъ пройтись по саду, мѣстоположеніе котораго удивительно хорошо; я бы хотѣла перенести его въ Царское Село». Вмѣстѣ съ тѣмъ государыня жаловалась на медленность сообщенія. «До-

*) 27 марта, въ Страстную субботу, въ 10 часовъ утра, Днѣпръ очистился отъ льда и, послѣ трехъ сигнальныхъ выстрѣловъ съ Печерской крѣпости, выѣхалъ въ шлюпкѣ, подъ флагомъ и вымпеломъ, флота капитанъ-лейтенантъ Пущинъ и, проѣзжая противъ дворца, салютовалъ 21 выстрѣломъ, а матросы кричали „ура“. Противъ Печерской крѣпости дано было 7 выстрѣловъ.

роги сдѣлались почти непроѣзжаемыми, и приходится запрягать быковъ, чтобы вытаскивать телѣги изъ глинистой почвы. Съ каретами же еще гораздо большая возня; есть путешественники, закладывавшіе по десяти воловъ». Въ письмѣ отъ 14 апрѣля императрица жалуется на «крайне суровый воздухъ въ Кіевѣ». 18 апрѣля она пишетъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я почти постоянно страдаю отъ холода и не отъ такого, къ какому я привыкла. Несмотря на это, воздухъ здѣсь теплѣе, а трава растетъ не такъ быстро, почи-же длиннѣе и холоднѣе. Есть въ этомъ разныя противорѣчія... можетъ быть, климатъ кіевскій есть климатъ противорѣчій. Я была лучшаго мнѣнія о кіевскомъ климатѣ, чѣмъ теперь».

Холодная погода помѣшала императрицѣ выѣхать изъ Кіева въ половинѣ апрѣля, какъ она первопачально предполагала. «Я принуждена мѣшкать до 22 апрѣля тысячи ради причинъ, главная-же стужа, непрестанныя бури. Сухимъ-же путемъ за совершенной распутицей способа нѣтъ. Князь Голицынъ изъ Нѣжина сюда пріѣхалъ на десяти волахъ». Въ другомъ письмѣ она

пишетъ: «Я здорова, но буде сѣверные вѣтры не перестанутъ такъ сильно дуть, то отъѣздъ мой отселѣ замѣшкается. Способа нѣтъ быть на водѣ въ такой стужѣ. Трава нѣсколько разъ начала показываться, но пока стужею поостановилась, птакъ мы здѣсь, какъ раки на мели. Разноязычные отселѣ помаленьку разъѣзжаются, по думаю, что городъ Кіевъ не одну сто тысячу выигралъ, ибо платили по восьмидесяти червонныхъ за дурную квартиру на недѣлю, и думаю, что воевода русскій одинъ здѣсь прожилъ тысячъ болѣе тридцати. У него всякій день былъ столъ для всѣхъ находящихся, у Браницкаго почти тоже, не упоминая о Минискѣ и прочихъ, кои столами и экипажами здѣсь щеголяли».

«Наконецъ, зима миновала. Днѣпръ освободился отъ своихъ ледяныхъ оковъ. Природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду» (Сегюръ).

10 апрѣля флотилія, назначенная для высочайшаго плаванія по Днѣпру, вышла съ зимней стоянки на Днѣпръ. Вице-адмиралъ Пущинъ поднялъ свой флагъ при 9 пушечныхъ выстрѣлахъ съ каждаго судна.

Поравнявшись съ Печерскою крѣпостью, флотилія обмѣнялась съ нею 9 салютными выстрѣлами и, продолжая плаваніе при противномъ вѣтрѣ противъ теченія, остановилась у Подольской пристани.

На слѣдующій день императрица слушала въ большой церкви Братскаго монастыря обѣдню. «Отъ дворца ее провожали молодые мѣщане, особливо на этотъ случай назначенные, въ богатомъ уборѣ и на хорошихъ лошадяхъ. Пѣшіе стояли въ это время со всѣми цеховыми знаками отъ подольскихъ тріумфальныхъ воротъ до монастыря по обѣ стороны. Студенты же въ четыре ряда, по обѣ стороны отъ монастырской братіи, до самой церкви, стоя со значками, пѣли во время проѣзда государыни концертъ. На службѣ, совершенной преосвященнымъ Викторомъ съ духовникомъ и тремя архимандритами, посвященъ архимандритомъ въ Нѣжинъ отецъ Ѳеофанъ, бывшій въ Печерской лаврѣ типографщикомъ. Послѣ службы онъ говорилъ императрицѣ рѣчь, а за нимъ всѣ учители также говорили рѣчи императрицѣ на разныхъ языкахъ. По окончаніи допущены были къ рукѣ служащіе и говорившіе рѣчи; а пос-

лѣ, выйдя изъ церкви, ѣхали со всѣми кавалерами и придворными къ магистрату, гдѣ общество купцовъ и мѣщанъ города Кіева угощали императрицу.

У кареты ее встрѣтили городской голова, магистратскіе члены съ купечествомъ обоего пола съ хлѣбомъ и солью, а въ залѣ оберъ-камергеръ Шуваловъ представилъ старшину Ефима Митюка, который сказалъ императрицѣ рѣчь отъ купечества. За обѣденнымъ столомъ было 65 приглашенныхъ. У графа Петра Александровича (Румянцева) на сей случай былъ взятъ серебряный съ позолотою сервизъ съ разными приборами, къ нему принадлежащими. Во время стола палили изъ 6 пушекъ, нарочно туда привезенныхъ. По окончаніи всего, императрица отъѣхала во дворецъ съ бывшими тамъ при столѣ кавалерами. Императрица возвращалась во дворецъ изъ магистрата предшествуемая мѣщанами верхомъ, а въ магистратѣ для всѣхъ хорошо одѣтыхъ какъ мущинъ, такъ и женщинъ, открытъ былъ вольный балъ при духовой музыкѣ, съ разными танцами, продолжавшійся до десятаго часа. Въ этотъ же день императрица отослала королю польскому въ

подарокъ верховую хорошую лошадь. Вечеромъ былъ во дворцѣ куртагъ».

На слѣдующій день въ 5 часовъ пополудни войтъ съ членами магистрата и кіевское именитое граждапство съ женами и дочерьми были во дворцѣ съ благодарностью за высочайшее посѣщеніе магистрата. Всѣ жалованы къ рукѣ.

20 апрѣля, со свитою и иностранными посланниками, императрица выѣхала въ 12 часу для осмотра Печерской крѣпости. У Васильковскаго бастіона ее встрѣтили артиллеріи генералъ-аншефъ Меллеръ и оберъ комендантъ Кохіусъ съ штабъ и оберъ-офицерами кіевскихъ баталіоновъ. По выходѣ изъ экипажа, государыня взошла на земляной валъ, гдѣ приняла отъ генерала Меллера планъ крѣпости и, начавъ съ Васильковскаго бастіона, прошла вокругъ всей крѣпости, сопровождаемая свитой. Обходъ продолжался около двухъ часовъ.

21 числа, въ день своего рожденія и тезоименитства великой княжны Александры Павловны, императрица была у обѣдни въ Софійскомъ соборѣ. По окончаніи литургіи, съ обѣихъ крѣпостей производилась пушечная пальба, во время которой въ церкви

государыня принимала поздравленія отъ митрополитовъ кіевскаго, грузинскаго и греческаго и прочаго знатнаго духовенства; митрополитъ Самуилъ говорилъ рѣчь. 21 апрѣля императрица подписала свой извѣстный манифестъ о дуэляхъ. Въ этотъ-же день во дворцѣ было роздано множество чиновъ и орденовъ; пожалованы также богатые подарки разнымъ лицамъ, всего на сумму болѣе 50 тысячъ. Князь де-Линь выразился по этому случаю: «Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуга, она раздаетъ его».

Для простонародья приготовлено было предъ дворцомъ на площади угощеніе: на веревкахъ, поддерживаемыхъ столбами, развѣшены были въ видѣ гирляндъ сельди и жареная рыба; на столахъ расположена жареная говядина, бѣлый хлѣбъ и множество лакомствъ. Между столбами стояли чаны съ разными напитками, какъ-то съ виномъ, медомъ и пивомъ. Во многихъ мѣстахъ возвышались качели и гремѣла музыка.

Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ и передъ дворцомъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, который, по увѣренію князя де-Линь, обошелся въ 40.000 рублей. Въ ма-

гистратѣ былъ вольный балъ съ обѣденнымъ столомъ, послѣ котораго танцовали подъ духовую музыку графа Румянцева.

22 апрѣля, послѣ почти трехмѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ, императрица отбыла въ дальнѣйшее путешествіе. Въ этотъ день, въ 8 часовъ утра, всѣ военные и гражданскіе чины, имѣющіе пріѣздъ ко двору, съѣхались во дворецъ. Въ 9 часовъ къ дворцовому крыльцу подъѣхала карета императрицы. Въ четверть 10-го, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ монастырскихъ и городскихъ церквахъ, императрица выѣхала въ Кіево-Печерскую лавру, въ предшествіи городничаго съ губернскою штатною командою и дворянства съ предводителемъ; позади ѣхалъ генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Выслушавъ въ лаврѣ краткое молебствіе и приложившись къ святымъ иконамъ и мощамъ, императрица прослѣдовала въ Софійскій соборъ, гдѣ ее встрѣтилъ митрополитъ Самуилъ, и въ Михайловскій монастырь. Отсюда она проѣхала на Подолъ къ Днѣпру, къ пристани, у которой расположились галеры.

На пути слѣдованія императрицы стояли купцы съ ружьями, мѣщане, ремесленники и

прочіе городскіе жители. Въ разныхъ мѣстахъ устроены были тріумфальныя ворота, на которыхъ помѣщались музыканты, встрѣчавшіе государыню звуками трубъ и литавровъ.

На Днѣпрѣ, прямо противъ пынѣшней семинаріи, стояло восемьдесятъ судовъ съ тремя тысячами людьми экипажа. Вниманіе всѣхъ было обращено на богатыя галеры, назначенныя для императрицы и ея блестящей свиты. «Каюты были убраны китайской тафтой съ диванами», говоритъ очевидецъ, «на каждой палубѣ стояло по 12 музыкантовъ. Императорскій флагъ игралъ по волѣ вѣтра на мачтѣ великолѣпнѣйшей изъ галеръ. Вдругъ все пришло въ движеніе. За блестящей колесницей, вмѣщавшей въ себѣ державную путешественницу, слѣдовали длинной вереницей экипажи, въ которыхъ помѣщалась свита ея величества. Было за полдень. Монархиня, одѣтая въ распашное платье голубого цвѣта съ серебряными снурками, взошла на одну изъ галеръ, стоявшихъ посреди Днѣпра, гдѣ изволила имѣть обѣденный столъ, и въ два часа пополудни священныя воды древняго Борисѳена всплѣснились, унося державную

гостью далеко отъ Кіева. Безчисленное множество челноковъ и лодокъ, украшенныхъ красными флагами, громкое «ура» народа, стоявшаго на всѣхъ возвышеніяхъ, сопровождали обожаемую монархиню».

Съ пребываніемъ императрицы Екатерины II въ Кіевѣ тѣсно связано происхожденіе производства кіевскаго варенья. По разсказу Закревскаго въ его «Описаніи Кіева», кондиторъ императрицы, швейцарецъ, по фамиліи Бальи, «расхаживая, во время пребыванія государыни въ Кіевѣ, въ весеннюю распутицу, по коварной мостовой Кіево-Подола, имѣлъ неудовольствіе сломать себѣ ногу. Не смотря на отъѣздъ государыни, онъ принужденъ былъ остаться въ Кіевѣ для излеченія. Но какъ Бальи представлялъ одно изъ придворныхъ лицъ, то кіевскіе граждане, а особенно войтъ, принимали въ немъ живое участіе. Чтобы доставить ему развлеченіе и покой, глава гражданъ помѣстилъ его въ своемъ загородномъ домѣ на Щіоркѣ, гдѣ и донынѣ находятся самые лучшіе сады и живутъ огородники, снабжающіе Кіевъ зеленью. Швейцарецъ выздоравливалъ медленно и для препровожденія времени бросилъ взоръ

свой на нашу южнорусскую природу, которая явилась ему въ видѣ вкуспой земляники, клубники, чудныхъ вишенъ, орѣховъ, великолѣпныхъ сливъ, грушъ, яблокъ, нѣжныхъ абрикосовъ. Бальи уступилъ своему влеченію и сталъ приготовлять изъ этихъ плодовъ варенье и сухія конфекты. Императрица возвратилась уже въ Петербургъ, когда выздоравливающій швейцарецъ отправилъ въ столицу нѣсколько банокъ и ящиковъ продуктовъ своего приготовленія. Тогда придворныя лица имѣли случай удостовѣриться, что кіевское варенье нисколько не уступаетъ заграничному и притомъ очень дорогому. Съ этихъ поръ наше кіевское варенье совершенно завладѣло дессертнымъ столомъ въ Зимнемъ дворцѣ, и слава его пронеслась отъ Сѣверной Пальмиры до предѣловъ киргизъ-кайсацкихъ. Бальи велѣно было изготовить для дворца извѣстное количество варенья; по этому случаю онъ провелъ еще годъ въ Кіевѣ. Но какъ ему нужна была помощь, то смѣтливые патрпціи допускали къ изученію этого искусства, въ видѣ помощницъ, только избранныхъ кіевлянокъ, то есть своихъ родственницъ.

Такимъ образомъ, почетныя кіевскія се-

мейства, какъ то Киселевскіе, Лакерды, Балабухи, Крамалеи, Барскіе, Бѣлоусовы, Рябчиковы и немногія другія, бывшія между собою въ родствѣ, первоначально завладѣли искусствомъ приготовленія нѣжныхъ плодовъ. Но какъ на свѣтѣ нѣтъ худа безъ добра, то съ тѣхъ поръ слава кіевскаго варенья и сухихъ конфектъ, происшедшихъ отъ перелома ноги у швейцарскаго кондитора, съ честью поддерживается даже до дней нашихъ».

V.

Императоръ Александръ Павловичъ.

Императоръ Александръ I не имѣлъ возможности посѣтить Кіевъ въ первые годы своего царствованія, протекшіе въ безпрерывныхъ войнахъ. Лишь въ 1816 году, уже послѣ вѣнскаго конгресса, увѣнчанный славою умиротворителя Европы, государь, побывавъ предварительно въ сгорѣвшей въ 1812 году Москвѣ, пожелалъ поклониться кіевскимъ святынямъ.

7 сентября 1816 года, въ 4 часа пополудни, большой лаврскій колоколъ извѣстилъ кіевлянъ о приближеніи царскаго поѣзда. Государь остановился противъ Неводницкой пристани, на той сторонѣ Дне-

ира, въ Красномъ трактирѣ, откуда нѣкоторое время любовался прекраснымъ видомъ на лавру и городъ. Въ началѣ 7 часа, когда уже настали совершенные сумерки, начался трезвонъ во всѣхъ монастырскихъ и городскихъ церквахъ. По желанію государя, всякая встрѣча со стороны военныхъ и гражданскихъ властей была запрещена. Лишь въ лаврѣ, по окончаніи вечерни, митрополитъ Серафіонъ (Александровскій) во всемъ облаченіи, съ архимандритами и двадцатью парами іеромонаховъ ожидалъ въ святыхъ вратахъ прибытія царскаго экипажа *). Колокольня и весь монастырь были ярко освѣщены плошками. Въ половинѣ седьмого показалась открытая дорожная коляска, въ которой съ княземъ Волконскимъ сидѣлъ государь въ шефскомъ конно-егерскомъ мундирѣ. Толпы собравшагося во множествѣ народа привѣтствовали державнаго гостя громкимъ немолкаемымъ «ура». Государь, выйдя изъ экипажа, выслушалъ привѣтственную рѣчь митрополита и, приложившись ко кресту, послѣдовалъ со свитою пѣшкомъ, въ предшествіи митрополита и всего духовенства, держав-

*) Изъ дѣлъ лаврскаго архива.

шаго въ рукахъ большія горящія бѣлыя свѣчи, въ великую лаврскую церковь, ярко освѣщенную къ пріему вѣнценоснаго поклонника. Невчіе пѣли при этомъ шествіи обычный стихъ: «Днесь благодать св. Духа насъ собра». Приблизившись къ церковнымъ дверямъ, государь отдалъ свою шпагу сопровождавшему его генералъ-адъютанту Уварову и, войдя въ церковь, положилъ троекратный земной поклонъ предъ чудотворной иконой Божіей Матери, послѣ чего прикладывался къ св. мощамъ почивающихъ въ великой церкви угодниковъ. Затѣмъ была отслужена краткая литія, послѣ которой государь отправился въ приготовленный для него домъ Оболонскаго *). Дорога отъ лав-

*) Что касается дворца, то, хотя ко времени пріѣзда Александра Павловича онъ былъ заново отремонтированъ и исправленъ, но „поелику въ немъ еще никто не жилъ", какъ выражается очевидецъ, „то и разсудили всѣ остановиться государю въ домѣ г. Оболонскаго". Полный ремонтъ дворца понадобился послѣ помѣщенія въ немъ нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ саксонцевъ, взятыхъ въ Отечественную войну. Между плѣнными развилась какая-то злокачественная болѣзнь, отъ которой вымерла большая ихъ половина. Еще и теперь на горѣ, за Кирилловскимъ заведеніемъ, указываютъ на такъ называемую „саксонскую" могилу.

ры до царской квартиры и находившіеся по пути дома были иллюминованы.

На слѣдующій день, 8 сентября, въ день Рождества Богородицы, утромъ происходилъ въ высочайшемъ присутствіи разводъ, а затѣмъ государь въ 11 часовъ вмѣстѣ съ генералитетомъ прослѣдовалъ въ Софійскій соборъ. Въ свитѣ царской находились: министръ двора, князь Волконскій, графъ Сакенъ, нарочно къ пріѣзду государя прибывшій изъ Полтавы, графъ Милорадовичъ, впослѣдствіи петербургскій генералъ-губернаторъ, трагически окончившій свою жизнь на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, генералъ-адъютантъ Уваровъ, корпусный командиръ Раевскій и многіе другіе.

Очевидецъ свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ благочестіи, выказанномъ Александромъ Павловичемъ въ Кіевѣ вообще и на литургіи въ Софійскомъ соборѣ въ частности. «Прибывши въ церковь, государь приложился къ иконамъ и почивающимъ тамъ мощамъ и слушалъ всю обѣдню, стоя почти неподвижно, кромѣ поклоненія при изображеніи креста. Обѣдня была пѣта напѣвомъ простымъ, по присланнымъ книжкамъ изъ Синода. Пять человѣкъ государе-

выхъ пѣвчихъ пѣли вмѣстѣ съ архіерейскими, справившись поутру; и самъ государь, стоя подлѣ клироса, подпѣвалъ низко баскомъ» *.) Послѣ литургіи, государь входилъ въ сопровожденіи митрополита въ алтарь, разсматривалъ мозаику, былъ въ ризницѣ, видѣлъ также гробницу Ярослава. Отсюда онъ прослѣдовалъ въ митрополичьи покои. Митрополитъ Серапіонъ въ своемъ дневникѣ **) такъ описываетъ это посѣщеніе. «Государь милостиво бесѣдовалъ съ хозяиномъ, сидя съ нимъ рядомъ на канапе, предстоящимъ генераламъ, графинѣ Браницкой и княгинѣ Прозоровской. И былъ потчиванъ сперва кофе и чаемъ, но не изволилъ кушать; потомъ шампанскимъ, коего полрюмки искушалъ за здоровье митрополита, и немного откушалъ *вырезуба* ***) и пирожка частицу. И отбыть изволилъ бла-

*) Достовѣрное извѣстіе о въѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ его императорскаго величества изъ Кіева въ 1816 г., найденное г. Мацѣевичемъ въ архивѣ одной сельской церкви и напечатанное въ „Кіевской Старинѣ“ 1885 г. (II, 399—403).

**) „Кіевская Старина“, 1884, VII, 459.

***) Вкусная и довольно рѣдкая рыба, видомъ похожая на судака. Водится въ р. Роси.

гополучно и радостно для всѣхъ, съ шумомъ «ура» у собора».

Въ этотъ день государь обѣдалъ у себя дома, и къ обѣду были приглашены лишь самыя приближенныя лица изъ свиты. Вечеромъ состоялось извѣстное посѣщеніе Александромъ Павловичемъ слѣпого схимника Вассіана.

«Въ третьемъ пополудни часу», говоритъ современникъ, описавшій это характерное для выясненія личности Александра I свиданіе *), «дано знать въ лавру іеросхимонаху Вассіану (бывшему въ академіи казначеемъ Вавилѣ), что князь Волконскій будетъ у него вечеромъ, часу въ восьмомъ. Пробило восемь часовъ, и ожидаемый князь Волконскій такъ тихо вошелъ въ келію старца слѣпого, что даже послушникъ не замѣтилъ входящаго, а узналъ уже тогда, когда гость, взявши его за плечо, выслалъ

*) См. въ „Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ" (1861, кн. 1, стр. 188—190) письмо бывшаго въ 1816 году намѣстникомъ лавры іеромонаха Антонія Смирницкаго, впослѣдствіи архіепископа воронежскаго, къ отцу своему, священнику Іакову Смирницкому.

вошъ, а самъ, поспѣшнѣйше входя въ чуланъ Васcіана, привѣтствовалъ:

—Здравствуйте, батюшка.

Отвѣтъ обыкновенный, а потомъ, увѣренъ будучи прежде о посѣщеніи Волконскаго:

—Прошу сѣсть, ваше сіятельство.

И хозяинъ сажаетъ на первѣйшее мѣсто гостя, предоставляя ему свои права, а гость садится ниже, отдавая первенство хозяину.

Васcіанъ. Женаты, ваше сіятельство?

Гость (скоро). Женатъ.

—Давно-ли женаты?

—Слишкомъ 20 лѣтъ.

—Имѣете дѣтей?

—Имѣю.

Давно-ли служите государю?

—Давно.

—Благодареніе Господу Богу, что государь императоръ удостоилъ и Кіевъ и лавру своимъ посѣщеніемъ. Да, вчера государь былъ въ лаврѣ и всѣхъ обрадовалъ своимъ благочестіемъ и своею кротостью

—Да онъ здѣсь.

—Въ Кіевѣ.

—Онъ у васъ.

Вассіанъ, какъ мнѣ самъ лично разсказывалъ, думая, что государь посѣтилъ и паки лавру, спрашиваетъ мнимаго князя Волконскаго:

—Гдѣ государь, ваше сіятельство? Въ лаврѣ, или еще будетъ?

И предѣломъ неизвѣстности было слово, сказанное Вассіану къ уху:

—Я Александръ. Благословите меня. Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ и пришелъ поговорить съ вами. Благословите меня.

«Я, разсказываетъ Вассіанъ, хотѣлъ поклониться; но государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря:

—Поклоненіе принадлежитъ только Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ. Исповѣдуйте меня, и такъ, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ.

Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди *).

Въ 11 часовъ, послѣ долгихъ разговоровъ, между которыми императоръ сказалъ: «При первомъ вступленіи моемъ въ лавр-

*) Вопреки церковному обычаю, но не правиламъ, государь на этотъ разъ только исповѣдывался, не пріобщаясь послѣ того св. Таинъ.

скую церковь, такое благоговѣніе наполнило мою душу, и такія чувствованія проникли, что могу съ Павломъ сказать: «быхъ аще въ тѣлѣ, или аще кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть», онъ спросилъ:

«Кто въ лаврѣ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія?» И какъ Вассіанъ отвѣчалъ, что по митрополитѣ намѣстникъ первѣйшій, то государь, спрося объ имени намѣстника, велѣлъ сказать послушнику позвать намѣстника къ Волконскому, ожидавшему его у Вассіана. Когда-же явился намѣстникъ и, узнавши государя, хотѣлъ отдать ему достодолжное почтеніе, то и его государь не допустилъ, говоря:

«Благословите, какъ священникъ, и обходитесь со мною, какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей ко спасенію; ибо всѣ дѣла мои и вся слава принадлежатъ не намъ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе.»

Въ 12 часовъ ночи государь изволилъ выйти отъ Вассіана и изъ лавры, запретивъ намѣстнику сопровождать его до воротъ и сказавъ, что завтра рано онъ будетъ въ пещерахъ.

9 сентября въ 7 часовъ утра государь снова прибылъ въ лавру, въ сопровожденіи князя Волконскаго и лейбъ-медика баронета Вилліе. Отъ святыхъ вратъ, сопутствуемый намѣстникомъ и казначеемъ, онъ прослѣдовалъ въ обѣ пещеры, гдѣ съ благоговѣніемъ прикладывался ко всѣмъ мощамъ, разспрашивая о житіи каждаго святого «съ удивленіемъ, како Господь удиви вся хотѣнія своя въ нихъ».

Въ началѣ второго часа были допущены къ представленію государю митрополитъ и знатнѣйшее духовенство города. Отъ академіи были два архимандрита, ректоръ и префектъ; отъ лавры старцы съ иконою, хлѣбомъ и книгами лаврскаго изданія; отъ Софійскаго собора протоіерей Снигиревичъ и ключарь Семяновскій съ иконою и хлѣбомъ; наконецъ, отъ Флоровскаго монастыря была игуменья, также съ иконою и хлѣбомъ. Государь весьма благосклонно принялъ всѣ подношенія и ласково говорилъ съ представлявшимся духовенствомъ. Затѣмъ, пригласивъ митрополита во внутреннія покои, онъ милостиво бесѣдовалъ съ нимъ и обѣщалъ на завтра опять быть въ лаврѣ, чтобы отслушать литургію, поемую старцами по лаврскому напѣву.

Вечеромъ у корпуснаго командира Раевскаго, помѣстившагося во дворцѣ, состоялся великолѣпный балъ. Государь самъ участвовалъ въ танцахъ, сперва съ хозяйкою бала, княгинею Прозоровскою, а затѣмъ съ графинею Браницкой. Разсказываютъ, что послѣ тура, пройденнаго государемъ съ графинею Браницкой, она попросила у него позволенія взять на память перо изъ султана его шляпы. Когда государь съ милостивою улыбкой согласился на это, то присутствовавшія дамы въ двѣ минуты расхватали весь султанъ, такъ что у шляпы не осталось ни одного пера *).

10 сентября, въ воскресенье, за Золотыми воротами былъ въ высочайшемъ присутствіи смотръ тремъ полкамъ. Войска дважды проходили мимо государя церемоніальнымъ маршемъ и удостоились отъ него одобренія за молодецкую выправку и щеголеватый внѣшній видъ.

Отсюда государь прослѣдовалъ въ лавру, куда прибылъ въ исходѣ 11 часа. У святыхъ вратъ его ожидалъ экономъ съ 10 старцами, а у церковныхъ дверей митрополитъ съ

*) Аскоченскій, II, 550.

крестомъ. «По вшествіи въ церковь», говоритъ въ своемъ дневникѣ митрополитъ, «государь изволилъ приложиться къ образу Божіей Матери и слушалъ литургію, совершаемую митрополитомъ, спѣваемую братіею *) и продолжавшуюся два часа. Государь былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ безъ всякихъ лентъ, кромѣ звѣзды и англійской подвязки, чему подражали всѣ генералы. Послѣ литургіи, государю поднесена была митрополитомъ просфора, и подходили всѣ служащіе къ рукѣ. Затѣмъ прошенъ былъ государь въ архимандричьи кельи и провожденъ намѣстникомъ, а митрополитъ, разоблачившись, взошелъ въ кельи и благодарилъ государя за посѣщеніе и подчивалъ его шампанскимъ, наливъ бокальчикъ, и государь половину выпилъ за здоровье митрополита; потомъ подчивалъ рыбою вырезубомъ и пирогомъ. Въ тотъ-же день митрополитъ былъ на обѣдѣ у государя. За столъ сѣли въ три часа. По правую руку его величества сидѣли митропо-

*) Лаврскій напѣвъ такъ понравился Александру Павловичу, что онъ велѣлъ сохранить его и впредь, употребляя только въ одной Кіево-Печерской лаврѣ.

литъ, графъ Сакенъ и графъ Ржевусскій, а по лѣвую графъ Милорадовичъ, корпусный командиръ Раевскій и Капцевичъ; всѣхъ было за столомъ болѣе 30 человѣкъ, и всѣ почти генералы. Въ пятомъ часу пополудни встали изъ-за стола, и государь, поговоривъ немного, отклапялся. Кушаніе для митрополита все было рыбное и изготовлено наивкуснѣйше».

Передъ обѣдомъ, по свидѣтельству другого современника-очевидца, Александръ Павловичъ сдѣлалъ прогулку въ экипажѣ по Подолу, посѣтилъ монастыри Флоровскій и Михайловскій и Андреевскую церковь, гдѣ нѣкоторое время любовался съ площадки прекраснымъ видомъ на Подолъ и Заднѣпровье. Послѣ обѣда государь осматривалъ прежнюю крѣпость и арсеналъ, а вечеромъ состоялся балъ, данный дворянствомъ кіевской губерніи въ зданіи, носившемъ надпись Dworżańska Kommissia, гдѣ теперь Контора Государственнаго Банка. Предъ окнами Дворянской Комиссіи, на Иваповской, теперь Институтской улицѣ, былъ поставленъ большой щитъ съ тремя прозрачными картинами, а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ костелъ, была иллюминація въ видѣ тріум-

фальныхъ воротъ, которыя въ этомъ отдаленіи казались состоявшими изъ мерцающихъ звѣздъ. Очевидецъ, сообщавшій эти подробности Закревскому, извѣстному автору «Описанія Кіева», добавляетъ: «мы хорошо помнимъ, что тогда была погода теплая, пріятная и ночь самая прелестная. Передъ домомъ, гдѣ давали балъ, стеченіе народа было невелико». Государь былъ на балу въ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, и участвовалъ въ танцахъ съ княгинями Шуйскою и Прозоровскою и графиней Браницкой.

Вернувшись изъ дворянскаго собранія, государь велѣлъ немедленно позвать къ себѣ лаврскаго намѣстника, упомянутаго уже Антонія Смирницкаго, и своими руками возложилъ на него въ кабинетѣ богатый наперсный крестъ, украшенный брилліантами. Другой такой-же крестъ онъ поручилъ передать іеросхимонаху Василію, «яко духовному своему отцу».

11-го числа утромъ гвардейскій полковникъ, по повелѣнію государя, отвезъ митрополиту Серапіону брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Тому-же полковнику было повелѣно объявить о пред-

стоящемъ въ 4 часа пополудни высочайшемъ посѣщеніи академіи.

Передъ обѣдомъ государь осматривалъ печерскую крѣпость, гдѣ около четырехъ часовъ ходилъ пѣшкомъ, и посѣтилъ военный госпиталь. Въ началѣ пятаго часа пополудни царскій экипажъ подъѣхалъ къ Братскому монастырю. Поклонившись въ церкви чудотворной иконѣ Братской Божіей Матери, государь прослѣдовалъ въ академію, въ конгрегаціонный залъ, а затѣмъ въ классы, находящіеся на низу, въ трапезную церковь и въ скудную въ то время академическую библіотеку, которая помѣщалась тогда надъ нынѣшней теплой Братской церковью. Ректоръ академіи удостоился при этомъ поднести державному посѣтителю печатную оду, привѣтствуя его «со всевожделѣннымъ и всерадостнымъ прибытіемъ въ древнѣйшій и первыхъ россійскихъ князей престольный городъ Кіевъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ ректоръ всеподданнѣйше испрашивалъ продолженія высочайшихъ милостей на академію, преобразованіе которой было уже рѣшено. Вотъ начало академической оды:

Воззри, монархъ, съ благопризрѣньемъ
На градъ сей, сѣдиной покрытъ,

Гдѣ время самое съ почтеньемъ
На древности его глядитъ.
Свой благодатный взоръ склоняя,
Щедротъ десницу простирая,
Воззри на древній храмъ наукъ,
Твоимъ глаголомъ обновленный,
Какъ-бы изъ праха извлеченный,
Воззри, Екатеринипъ внукъ! *).

Осматривая академію, государь освѣдомлялся о бурсѣ, желая удостоить и это заведеніе своимъ посѣщеніемъ, но «проливной дождь, нечаянно шедшій, помѣшалъ».

12-го, въ день отъѣзда, государь слушалъ литургію въ пещерахъ, въ небольшой подземной церкви близъ гроба преподобнаго Антонія. Обѣдню, начавшуюся въ 8-мъ часу, служилъ намѣстникъ съ протодіакономъ и придворными пѣвчими. Послѣ обѣдни, митрополитъ представилъ государю схимника Вассіана во всемъ схимническомъ одѣяніи, который благодарилъ за пожалованный ему брилліантовый наперсный крестъ. Затѣмъ государь прослѣдовалъ въ кельи начальника пещеръ, игумена Филарета, гдѣ пилъ за здоровье митрополита и, какъ пишетъ Серапі-

*) Аскоченскій, II, 481.

онъ въ своемъ дневникѣ, «много разглагольствовалъ о бывшемъ предъ Парижемъ моленіи среди пятнадцатитысячной арміи въ семи церквахъ». Выходя изъ начальническихъ келій, государь хвалилъ мѣстоположеніе Кіева, говоря, что такихъ красивыхъ и пріятныхъ видовъ онъ не видѣлъ нигдѣ, и что въ будущемъ маѣ онъ снова посѣтитъ Кіевъ и постарается пробыть въ немъ мѣсяцъ, а а то и болѣе. Отсюда государь направился въ великую церковь, гдѣ прикладывался къ чудотворной иконѣ Божіей Матери. Митрополитъ поднесъ на прощанье икону преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и пять большихъ просфоръ, сказавъ при этомъ краткую благодарственную и напутственную рѣчь.

Въ исходѣ 10 часа утра государь прямо изъ лавры отбылъ въ Бѣлую Церковь, имѣніе гр. Браницкихъ.

Пребываніе Александра Павловича и обнаруженное имъ рѣдкое благочестіе при посѣщеніи кіевскихъ святынь произвели на кіевлянъ глубоко трогательное и умилительное впечатлѣніе. Мы уже видѣли, какъ описывалъ очевидецъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь академическій учитель, усерд-

ную молитву государя въ Софійскомъ соборѣ. Намѣстникъ лавры, Антоній Смирницкій, въ своемъ краткомъ описаніи посѣщенія Кіева Александромъ Павловичемъ, говоритъ: «августѣйшаго монарха нашего отличаетъ отъ прочихъ владыкъ земли пламенная любовь его къ Богу и неподражаемый примѣръ благочестія». Тотъ-же Антоній начинаетъ свой разсказъ такими восторженными словами: «Государя императора теперь видѣли очи мои, благочестивѣйшаго, благословеннаго, боголюбезнаго, истиннаго царя израилева, Александра I!»

О благоговѣйномъ усердіи императора Александра Павловича къ кіевскимъ святынямъ свидѣтельствуютъ богатые дары, пожалованные имъ въ разное время въ главнѣйшіе храмы Кіева. Такъ, въ ризницѣ Софійскаго собора и по настоящее время сохраняются чаша, дискосъ, звѣзда, ковшъ, лжица, два копья и два блюдца французскаго золота, вѣсомъ 8 фунтовъ 71 зол., сдѣланные въ Парижѣ по заказу императора Александра I и присланные имъ въ даръ Софійскому собору при высочайшемъ рескриптѣ отъ 12 декабря 1815 года, гдѣ сказано, что это «даръ, благодарственно при-

носимый Господу, и памятникъ не только спасенія Отечества, но и счастія чрезъ опое самихъ враговъ его». На чашѣ этой рельефныя изображенія, съ одной стороны распятія Господня, а съ другой—Воскресенія Христова; на рукояткѣ два орла, изъ копхъ на одномъ буква А; на подножіи рельефныя изображенія Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Рождества Христова, поклоненія волхвовъ и несенія креста Спасителемъ. Внизу надпись: «Въ пребываніе императора Александра въ Парижѣ 1814 года». Подъ подножіемъ вырѣзаны слова: Biennais orfèvre à Paris. *).

Въ лавру, въ воспоминаніе своего пребыванія въ Кіевѣ въ 1816 г., Александръ Павловичъ пожаловалъ при рескриптѣ отъ 11 сентября 1816 г. брилліантовую панагію, съ аметистами, на которой на овальномъ кругѣ изображенъ Спаситель благословляющій, а на оборотѣ слова: «даръ государя императора Александра I въ бытность въ Кіевѣ 1816 года». Подлинникъ этого рескрипта и самая панагія хранятся

*) П. Л., Описаніе Кіево-Софійскаго собора, 58.

въ лаврской ризницѣ въ бронзовой позолоченной рамѣ, за стекломъ. *).

Не былъ забытъ вѣнценоснымъ поклонникомъ и Михайловскій монастырь, получившій въ 1817 году образъ св. архистратига Михаила превосходной работы, составляющій близкое подражаніе классической картинѣ Рафаэля, съ тѣмъ только отличіемъ, что на кіевской иконѣ архистратигъ держитъ огненный мечъ, а на картинѣ Рафаэля архангелъ Михаилъ поражаетъ сатану копьемъ. Риза образа, чтобъ не закрывать драгоцѣнной живописи, сдѣлана въ видѣ тріумфальной арки, подъ сводомъ которой помѣщена самая икона, а по бокамъ поставлены на пьедесталахъ по двѣ колонны. Все осыпано бриллiантами и другими драгоцѣнными камнями. По монастырской описи въ ризѣ содержится около 10 фунтовъ золота, 3000 бриллiантовъ и 16 хризолитовъ. Стоимость высочайшаго дара Михайловскому монастырю простирается до 45,000 руб. 29 апрѣля 1817 года этотъ образъ былъ препровожденъ въ Михайловскій монастырь изъ Софійскаго собора митрополитомъ Се-

*) Описаніе Кіево-Печерской лавры митрополита Евгенія, 85, 275.

раніономъ при торжественномъ крестномъ ходѣ, съ участіемъ, по обычаю, городской реестровой милиціи и представителей военныхъ и городскихъ властей *).

Въ 1817 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, императоръ Александръ Павловичъ снова ѣздилъ, по приглашенію графини Браницкой, въ Бѣлую Церковь. 6 числа состоялся его проѣздъ черезъ Кіевъ. Въ 7 часовъ вечера государь прибылъ, по обычаю, прямо въ лавру, а оттуда во дворецъ. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ вторичномъ посѣщеніи Кіева Александромъ Павловичемъ. Изъ «записной книжки» кіевскаго гражданина Мисловскаго **) мы узнаемъ только, что 7 числа былъ во дворцѣ обѣденный столъ. Наконецъ, въ неизданной краткой лѣтописи Софійскаго собора значится, что 8 сентября, въ день храмового праздника соборнаго, Рождества Пресвятой Богородицы, государь слушалъ въ Софійскомъ соборѣ литургію, а въ третьемъ часу пополудни, послѣ обѣда во дворцѣ, выѣхалъ въ Бѣлую Церковь. На возвратномъ пути

*) Закревскій, 532.
**) „Кіевская Старина“, 1884, IV, 690).

изъ Бѣлой Церкви государь былъ въ Кіевѣ 11 сентября утромъ. Въ 12 часовъ во дворцѣ состоялся обѣденный столъ, а во второмъ часу Александръ Павловичъ отбылъ въ Кременчугъ.

VI.

Пріѣздъ великаго князя Николая Павловича въ 1816 г. и императрицы Александры Ѳеодоровны въ 1828 г.

Императрица Марія Ѳеодоровна, въ попечительныхъ заботахъ своихъ о довершеніи воспитанія и образованія великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, пожелала, чтобы они ознакомились посредствомъ особыхъ, чисто воспитательныхъ путешествій, какъ съ своимъ отечествомъ, такъ и съ чужими краями. Вслѣдствіе такого рѣшенія матери, оба великихъ князя совершили въ 1816—1817 гг. продолжительныя путешествія по Россіи и за границей. Въ маршрутъ этихъ образовательныхъ поѣз

докъ, предпринятыхъ каждымъ великимъ княземъ отдѣльно, входилъ, конечно, и Кіевъ съ его святынями, который въ 1816 году былъ посѣщенъ Николаемъ Павловичемъ, а въ слѣдующемъ—Михаиломъ Павловичемъ.

Для сопровожденія высокихъ путешественниковъ, при каждомъ изъ нихъ были назначены особые кавалеры-наставники. При великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ такими кавалерами были Саврасовъ и Глинка; кромѣ того, въ качествѣ военнаго воспитателя, въ свитѣ великаго князя состоялъ генералъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Одинъ изъ кавалеровъ, небезъизвѣстный въ свое время литераторъ Григорій Андреевичъ Глинка, по повелѣнію государыни-матери, дѣлалъ ей частыя и довольно обстоятельныя донесенія о путешествіи великаго князя и о подробностяхъ его пребыванія въ томъ или другомъ мѣстѣ. Изъ донесенія Глинки отъ 5 іюня 1816 года *) и изъ скудныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ нами изъ лаврскаго архива **) мы узнаемъ объ этомъ первомъ посѣщеніи Кіева великимъ княземъ,

*) „Русскій Архивъ", 1877, II, 185—186.
**) Дѣло 2126.

впослѣдствіи императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Великій князь прибылъ въ Кіевъ 30 мая 1816 года, въ 6 часовъ вечера. Въ 4 верстахъ отъ города его встрѣчалъ генералитетъ, съ штабъ и оберъ-офицерами и отрядомъ казаковъ, который, примкнувъ къ каретѣ высокаго путешественника, конвоировалъ его до самаго дома. Въ лаврѣ, куда, по обычаю всѣхъ августѣйшихъ особъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, прежде всего направился великій князь, прибытія его ожидали позже. Вслѣдствіе этого, митрополитъ Серапіонъ, не успѣвъ выйти, какъ это обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ, къ святымъ вратамъ, встрѣчалъ великаго князя у западныхъ дверей великой церкви; позабыли въ торопяхъ и про колокольный звонъ. Прослѣдовавъ въ великую церковь, гдѣ въ это время шла вечерня, великій князь приложился къ иконамъ и мощамъ почивающихъ тамъ угодниковъ Божіихъ и выслушалъ обычную литію, послѣ которой направился въ приготовленный для него домъ Оболонскаго. Вечеръ великій князь провелъ у себя, въ бесѣдахъ съ корпуснымъ командиромъ, генераломъ Раевскимъ

и кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Черепановымъ.

На другой день, 31 мая, великій князь былъ раннимъ утромъ у развода. Въ 9 часовъ онъ принималъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ расположенныхъ въ Кіевѣ войскъ, гражданскихъ чиновниковъ и дворянство Кіевской губерніи. Въ 11 часовъ Николай Павловичъ прослѣдовалъ въ Софійскій соборъ, гдѣ слушалъ литургію, отправляемую митрополитомъ Серапіономъ въ сослуженіи знатнѣйшаго духовенства города. Послѣ литургіи и осмотра достопримѣчательностей собора, великій князь направился въ сопровожденіи митрополита въ митрополичьи покои, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Обѣдъ состоялся у генерала Раевскаго. На обѣдѣ играла военная музыка; при провозглашеніи тоста за Императорскій домъ и за великаго князя производилась пушечная пальба и митрополитъ говорилъ привѣтственную рѣчь.

1 іюня, въ 6 часовъ, великій князь осматривалъ войска. Въ $9^1/_2$ час. ѣздилъ въ Михайловскій монастырь поклониться гробу св. великомученицы Варвары; здѣсь великому князю была поднесена икона. Въ 11 часовъ онъ посѣтилъ пещеры, а затѣмъ

военный госпиталь и военно-спротское отдѣленіе, разсматривая все со вниманіемъ и спрашивая обо всемъ съ живѣйшимъ участіемъ. Въ 2 часа былъ обѣденный столъ, въ которомъ, кромѣ лицъ свиты великаго князя, участвовали генералы Раевскій и Кащевичъ, сенаторъ Болотниковъ и губернаторъ Черепановъ. Въ 5½ часовъ великій князь верхомъ на конѣ обозрѣвалъ весь городъ, а вечеромъ былъ на балу, данномъ дворянствомъ Кіевской губерніи.

Утро слѣдующаго дня, 2 іюня, было также посвящено осмотру войскъ. Въ 11 часовъ великій князь принималъ митрополита Серапіона; преосвященный подпесъ при этомъ икону и книги лаврскаго изданія. Днемъ Николай Павловичъ осматривалъ разныя общественныя зданія, «съ удовольствіемъ видя въ нихъ», какъ выражается Глинка, «надлежащее устройство и попеченіе начальства о благѣ общественномъ». Обѣдъ былъ у генерала Раевскаго; подъ вечеръ великій князь гулялъ въ дворцовомъ саду, послѣ чего присутствовалъ въ театрѣ на спектаклѣ *).

*) Театръ въ ту пору находился противъ дворцоваго сада, ниже нынѣшняго костела, въ самомъ началѣ Крещатика, гдѣ теперь Евро-

3 іюля, въ $4^1/_2$ часа дня, Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлую Церковь къ Брапицкимъ, а оттуда въ Корсунь.

---

17 сентября 1828 года, проѣздомъ изъ Одессы въ Петербургъ, прибыла въ Кіевъ супруга императора Николая Павловича, государыня Александра Ѳеодоровна, съ дочерью, великой княжной Маріей Николаевной *). Приближеніе къ городу экипажа августѣйшихъ путешественницъ было возвѣщено ракетою, пущенною у Васильковской заставы, послѣ чего стали заряжать орудія,

---

нейская гостинница. Театръ этотъ представлялъ собою деревянное строеніе довольно правильной, но нѣсколько тяжелой архитектуры. Фасадъ спереди и по бокамъ былъ украшенъ портиками съ колоннами; былъ приличенъ и внутренній видъ зданія. Театръ былъ выстроенъ на городскія суммы въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ полагаютъ, около 1806 года. Труппа русскихъ актеровъ содержалась первоначально на средства помѣщика Ширая; впослѣдствіи въ этомъ театрѣ чаще всего играли польскіе актеры. (Закревскій, 832).

*) Свѣдѣнія для настоящаго очерка нами почерпнуты изъ лаврскаго архива (дѣло 2126) и изъ двухъ современныхъ печатныхъ извѣстій о церковной встрѣчѣ государыни въ Кіевѣ и о пребываніи ея въ Кіевской губерніи.

приготовленныя къ пушечной пальбѣ, начавшейся со въѣздомъ императрицы въ городъ; въ началѣ 6 часа пополудни. У Васильковской рогатки государыню встрѣтилъ кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Желтухинъ.

Въ половинѣ шестого императрица подъѣхала къ лаврѣ, у святыхъ вратъ которой ей была устроена митрополитомъ Евгеніемъ (Болховитиновымъ), викарнымъ епископомъ Кирилломъ (Куницкимъ) и монастырской братіей обычная церковная встрѣча. Помолившись въ великой лаврской церкви и приложившись къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и къ мощамъ святыхъ угодниковъ, государыня прослѣдовала съ великою княжной въ Софійскій соборъ. Митрополитъ въ полномъ облаченіи, въ саккосѣ, омофорѣ и митрѣ, поѣхалъ въ каретѣ впереди государыни, чтобы «упредить» ее для новой встрѣчи у колокольни собора. Послѣ краткой молитвы въ соборѣ и осмотра его достопримѣчательностей, государыня направилась на квартиру, въ домъ военнаго губернатора, гдѣ въ 7 часовъ вечера ей представлялись генералы, штабъ и оберъ-офицеры 4 пѣхотнаго корпуса и другихъ рас-

положенныхъ въ Кіевѣ войскъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Въ свитѣ императрицы прибыли: камеръ-фрейлина графиня Уварова, фрейлины графиня Моденъ и княжна Урусова, министръ двора князь Волконскій, оберъ-егермейстеръ графъ Моденъ и лейбъ-медикъ Крейтонъ.

На слѣдующій день, 18 сентября, въ 10 часу утра императрицѣ представлялись гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ. Въ 10 часовъ утра государыня отправилась съ великой княжной въ Софійскій соборъ, гдѣ митрополитъ Евгеній совершилъ благодарственное молебствіе по случаю полученнаго въ тотъ день извѣстія о взятіи Ахалцыха. По окончаніи молебствія, императрица возвратилась на квартиру и принимала знатнѣйшее духовенство Кіева, митрополита, его викарія, настоятелей монастырей, присутствующихъ въ дикастеріи и игуменью Флоровскаго монастыря съ нѣсколькими старшими монахинями. Отъ Софійскаго собора и Флоровскаго монастыря были при этомъ подпесены иконы.

По отпускѣ духовенства, императрица одна, безъ великой княжны, направилась

въ ближнія пещеры, гдѣ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осматривала мощи почивающихъ угодниковъ Божіихъ и взяла шапочку отъ мощей св. Іоанна Многострадальнаго. На обратномъ пути изъ лавры государыня посѣтила дворцовый садъ, гдѣ, по словамъ современнаго описанія, «нѣкоторое время провела на устроенномъ въ видѣ эстрады, на концѣ сада, надъ Днѣпромъ, такъ называемомъ треугольникѣ, который нѣкогда былъ удостоенъ особеннаго вниманія императрицей Екатериной II. Съ треугольника открываются прекраснѣйшіе виды на Кіевъ, Кіево-Подолъ и въ особенности на Днѣпръ, протяженіе котораго видно на нѣсколько десятковъ верстъ. Государыня, замѣтивъ отсюда вдали на возвышенномъ берегу Днѣпра Вышгородъ, извѣстный въ исторіи нашей пребываніемъ тутъ св. благовѣрной княгини Ольги и многими другими происшествіями, изволила сдѣлать нѣсколько вопросовъ, относящихся къ историческимъ и церковнымъ событіямъ на семъ достославномъ мѣстѣ. Послѣ обѣда, въ 5 часу, ея величество изволила отправиться за Днѣпръ, для обозрѣнія оттуда мѣстоположенія Кіева. Городъ сей, съ предмѣстья-

ми и садами, расположенъ на пространствѣ 15 верстъ, на чрезвычайно высокомъ берегу Днѣпра, и представляетъ изъ-за рѣки величественнѣйшіе и вмѣстѣ прекраснѣйшіе виды. На возвратномъ пути государыня императрица изволила проѣзжать городомъ, когда оный былъ уже иллюминованъ самымъ блестящимъ образомъ. Черезъ часъ ея величество снова изволила обозрѣвать иллюминацію, проѣзжая по городу въ открытомъ экипажѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, и въ 9 часовъ возвратилась на квартиру».

19 сентября, въ 11 часовъ, императрица съ великой княжной была въ Михайловскомъ монастырѣ. «Народъ, съ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ на государыню, когда она, въ христіанскомъ смиреніи повергаясь предъ гробницею св. великомученицы Варвары, изволила надѣть на персть ея собственное свое кольцо и, освятивъ его таковымъ прикосновеніемъ къ святынѣ, возложила попрежнему на свою руку».

Изъ Михайловскаго монастыря государыня слѣдовала къ Андреевской церкви, а отсюда къ мѣсту древняго Десятиннаго храма, на фундаментѣ котораго воздвига-

лась тогда нынѣшняя Десятинная церковь. Здѣсь императрица осматривала остатки прежняго зданія и обратилась къ митрополиту, славившемуся своею ученостью, съ нѣсколькими вопросами, касающимися прежней судьбы нѣкоторыхъ кіевскихъ храмовъ. Отсюда государыня проѣхала на Крещатикъ, гдѣ отпустила великую княжну для осмотра ризницы соборной лаврской церкви и ближнихъ пещеръ, а сама отправилась на Подолъ для ознакомленія съ этой частью города, и къ нижнему памятнику св. Владиміру (верхняго тогда еще не существовало), откуда прослѣдовала въ лавру, въ дальнія пещеры, которыя обозрѣвала совмѣстно съ великой княжной.

Послѣ осмотра дальнихъ пещеръ состоялся пріемъ дамъ первыхъ шести классовъ, а затѣмъ парадный обѣдъ, на который были приглашены митрополитъ, викарій и прочее знатнѣйшее городское духовенство, генералы расположенныхъ въ Кіевѣ частей, высшіе гражданскіе чиновники и дамы.

Въ 7 часовъ вечера государыня удостоила своимъ посѣщеніемъ приготовленную дворянствомъ въ государевомъ саду иллюминацію и тутъ-же устроенный съ особен-

пымъ вкусомъ и тщаніемъ павильонъ, въ которомъ приготовлены для ея величества чай и разные фрукты. Садъ иллюминованъ былъ превосходнѣйшимъ образомъ. Освѣщены были не только аллеи, но и самыя рощи. Во многихъ мѣстахъ поставлены были ярко освѣщенныя пирамиды, которыя сквозь зелень деревъ дѣлали очаровательный видъ. Оконечности аллей украшены были прозрачными картинами, изъ которыхъ одна сбоку изображала потомству дѣянія и благость великаго государя въ двухъ словахъ: «Caesar et pater» (государь и отецъ). Изъ аллеи, ведущей къ павильону, виденъ былъ весь Старый Кіевъ, ярко освѣщенный множествомъ огней. Ея величество встрѣчена была въ воротахъ сада хозяиномъ праздника, губернскимъ маршаломъ графомъ Генрихомъ Тышкевичемъ и знатнѣйшими военными и гражданскими чиновниками. Народъ привѣтствовалъ августѣйшую посѣтительницу громогласнымъ «ура». Музыка играла во многихъ мѣстахъ сада, и государыня, послѣ прогулки въ аллеяхъ, изволила войти въ павильонъ. Отсюда ея величеству представился еще новый прекраснѣйшій видъ: противоположный берегъ

Днѣпра и нѣкоторые острова были освѣщены большими огнями; самый Днѣпръ былъ покрытъ множествомъ иллюминованныхъ судовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ гремѣла музыка.

Въ 9 часу государыня изволила отправиться обратно въ открытомъ экипажѣ. Шествіе ея величества отъ павильона уподоблялось торжественному тріумфу: народъ, окруживъ экипажъ ея величества, наполнялъ воздухъ радостными восклицаніями; на Дворцовой площади и въ Кловской улицѣ толпы народа еще болѣе стѣснились; экипажъ едва могъ подвигаться впередъ, восклицанія не прерывались ни на минуту и сопровождали государыню до самой квартиры, гдѣ народъ оставался до двѣнадцатаго часа ночи, когда ея величество изволила взойти во внутреннія покои».

20 сентября состоялся отъѣздъ императрицы. Въ 10 часовъ утра она выѣхала въ лавру, остановившись на пути въ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ прикладывалась въ церкви къ св. иконамъ. Въ лаврѣ, послѣ обычной царской встрѣчи и напутственныхъ молитвъ, государыня и великая княжна прикладывались въ соборной церкви къ

чудотворной иконѣ и св. мощамъ, а отсюда прослѣдовали въ митрополичіе покои и удостоили принять отъ митрополита завтракъ. Въ 11 часовъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ и пушечной пальбѣ, императрица отбыла въ дальнѣйшій путь, сопровождаемая до другого берега Днѣпра военнымъ губернаторомъ и почетнымъ отрядомъ городской кавалеріи.

Толпы народа устремились за Днѣпръ «и тамъ, за чертою губерніи, еще разъ привѣтствовали августѣйшую свою посѣтительницу громогласнымъ «ура», которое повторялось на высотахъ противоположнаго берега, усыпанныхъ народомъ, долго еще сопровождавшимъ взорами высокихъ путешественницъ. Въ половинѣ 12 часа государыня императрица изволила уже въѣхать въ предѣлы черниговской губерніи; но здѣсь въ сердцѣ каждаго она оставила особенное чувство благоговѣнія къ христіанскому ея благочестію и благодушію, съ которымъ ея величество во время пребыванія своего въ Кіевѣ изволила являть любовь къ народу и состраданіе къ бѣднымъ, облегчивъ судьбу многихъ семействъ монаршими своими щедротами».

Въ воспоминаніе своего пребыванія въ Кіевѣ, государыня Александра Ѳеодоровна, обще съ своимъ державнымъ супругомъ, императоромъ Николаемъ Павловичемъ, пожаловала въ лавру въ 1830 году богатую серебряную дарохранительницу, съ 12 агатовыми колоннами, на пьедесталѣ изъ краснаго мрамора и съ серебрянымъ вызолоченнымъ крестикомъ наверху. *)

*) Описаніе Кіево-Печерской лавры, митр. Евгенія, 83.

VII.

Императоръ Николай Павловичъ и Кіевъ.

Послѣ святаго и великаго князя Владиміра, послѣ Ярослава Мудраго, не было государя, которому Кіевъ былъ-бы болѣе обязанъ, чѣмъ императору Николаю Павловичу. Удостоивая Кіевъ весьма частыхъ посѣщеній*), императоръ Николай I поистинѣ возсоздалъ древлепрестольный городъ св. Владиміра, вызвалъ къ новой жизни и украсилъ, послѣ многовѣковаго запустѣнія, продолжавшагося почти до начала его царствованія.

*) Государь Николай Павловичъ былъ въ Кіевѣ 15 разъ, считая въ томъ числѣ и описанное уже нами посѣщеніе имъ Кіева въ 1816 году, въ бытность великимъ княземъ.

Трудно перечислить всѣ памятники особой любви государя Николая Павловича къ Кіеву. Императорскій университетъ св. Владиміра, Владимірскій кадетскій корпусъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ, 2-я (губернская) гимназія, монументальное новое помѣщеніе для 1-й гимназіи.—вотъ щедрые и наболѣе важные дары Николая Павловича матери русскихъ городовъ.

Высокій примѣръ державнаго просвѣтителя Кіева съ тяготѣющимъ къ нему краемъ не остается безъ подражанія: въ то же царствованіе Николая Павловича, усердными заботами ученѣйшаго митрополита Евгенія воздвигается на средства духовнаго вѣдомства отдѣльное зданіе для кіевской духовной семинаріи; благословеніемъ другого приснопамятнаго святителя кіевскаго, владыки Филарета, получаетъ жизнь второе (Софійское) духовное училище, наконецъ, въ домѣ, пожертвованномъ бывшимъ губернаторомъ Фундуклеемъ создается въ Кіевѣ женская гимназія.

Неусыпными заботами императора Николая Павловича о сохраненіи памятниковъ отечественной древности возобновлена древнѣйшая святыня Кіева, его краса и гордость, соборъ во имя Премудрости Божіей,

дивныя мозаическія и фресковыя изображенія котораго представляются теперь нашимъ взорамъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ими любовался самъ его создатель, Ярославъ Мудрый. Поставленъ новый достойный памятникъ святому и велпкому князю, просвѣтившему русскій народъ св. крещеніемъ; спасены отъ уничтоженія древнѣйшія Златыя врата кіевскія.

Въ царствованіе Николая Павловича Кіевъ дѣлается важнымъ военнымъ центромъ. Сюда переводится изъ Могилева главный штабъ первой арміи, воздвигается новая крѣпость, въ Кіевъ стягивается множество войскъ, увеличивающихъ значеніе и благосостояніе города и его обывателей. Городъ застраивается, воздвигается громадное зданіе присутственныхъ мѣстъ, множество частныхъ домовъ, сносятся жалкія избушки, удивлявшія своимъ плачевнымъ видомъ Екатерину II, замащиваются и проводятся вновь улицы, укрѣпляются откосы сползающихъ горъ, оживляется торговля и промышленность города. Кіевскіе контракты дѣлаются мѣстомъ совершенія торговыхъ сдѣлокъ для жителей цѣлаго обширнаго края. Кіевъ не походитъ уже болѣе на

обыкновенный заброшенный губернскій городъ, въ немъ появляется опера, сюда заѣзжаютъ давать концерты всесвѣтныя знаменитости, Контскій и Листъ.

Расширяется районъ вліянія Кіева на окружающія его мѣстности. Николаевскій цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ,—послѣднее слово техники того времени, и проведеніе чрезъ глубокіе сыпучіе пески прекраснаго и благоустроеннаго шоссе изъ Кіева въ Бровары открываютъ Кіеву новые пути сообщенія, новые рынки сбыта въ смежныхъ, но раздѣленныхъ широкой водной преградой губерніяхъ. Всѣми этими сооруженіями Кіевъ обязанъ тому же императору Николаю Павловичу, пововоздвигнутый памятникъ которому свидѣтельствуетъ теперь о благодарности города за оказанныя милости и щедроты.

—

Въ первый разъ по воцареніи государь Николай Павловичъ посѣтилъ Кіевъ въ 1829 году, послѣ осмотра въ Тульчинѣ возвращавшагося изъ подъ Варны гвардейскаго корпуса, бывшаго въ то время подъ началь-

ствомъ великаго князя Михаила Павловича *). Государь пріѣхалъ въ Кіевъ съ гр. Бенкендорфомъ 23 іюня, въ половинѣ девятаго вечера, измученный непрерывнымъ зноемъ и пылью. По обычаю предковъ, государь пріѣхалъ съ дороги прямо въ лавру, гдѣ его ожидалъ митрополитъ Евгеній съ духовенствомъ и всею монастырскою братіей. Множество богомольцевъ, стекшихся въ Кіевъ по случаю приближенія двухъ праздниковъ (24 и 29 іюня), наполняло всю монастырскую ограду. Соборный храмъ лаврскій, по свидѣтельству гр. Бенкендорфа, вмѣщалъ въ себѣ столько чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ, городскихъ дамъ и проч., сколько могло въ немъ вмѣститься. Выйдя изъ лавры, государь взялъ къ себѣ въ коляску

*) О пріѣздѣ императора Николая Павловича въ Кіевъ въ 1829 г. см. Закревскаго „Описаніе Кіева", стр. 121—123, современное печатное описаніе церковной встрѣчи государя, записки гр. Бенкендорфа въ „Русской Старинѣ" 1896 г. (іюль), записную книжку кіевскаго гражданина Мисловскаго въ „Кіевской Старинѣ" 1884 г. (апрѣль), высочайшій рескриптъ кіевскому губернатору генералъ лейтенанту Желтухину 26 іюня 1829 г. и письмо императора Николая къ Дибичу („Русская Старина", 1881, XII, 717).

стараго и почтеннаго фельдмаршала Сакена, отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру и лишь затѣмъ отправился въ приготовленное для себя помѣщеніе, въ домъ военнаго губернатора, въ Липкахъ. Предъ окнами дома была устроена иллюминація съ транспарантнымъ вензелемъ.

На слѣдующій день, 24 числа, въ 9 часовъ утра государю представлялись генералы и полковые командиры расположенныхъ въ Кіевѣ войскъ, гражданскіе чиновники, дворянство и войтъ съ гражданами и купечествомъ, которое поднесло при этомъ случаѣ хлѣбъ-соль. Въ 10 часовъ государь слушалъ въ Софійскомъ соборѣ литургію, совершенную митрополитомъ Евгеніемъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ; по окончаніи литургіи, прикладывался къ мощамъ почивающихъ въ соборѣ угодниковъ Божіихъ, и осматривалъ мозаику, гробницу великаго князя Ярослава Мудраго и прочія достопримѣчательности храма; тутъ-же представлялось ему главнѣйшее духовенство.

Изъ собора государь направился въ сопровожденіи митрополита въ лавру, для поклоненія почивающимъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ печерскимъ угодникамъ. Въ

этотъ день къ высочайшему столу были приглашены митрополитъ, гражданскій губернаторъ, губернскій маршалъ и комендантъ крѣпости. Въ 4 часа по полудни прибылъ въ Кіевъ изъ Тульчина великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ 6 часовъ вечера государь съ великимъ княземъ осматривалъ лейбъ-гвардіи 2 сводный баталіонъ, слѣдовавшій изъ Петербурга въ Тульчинъ, и 18 баталіоновъ резервныхъ пѣхотныхъ войскъ 5 корпуса, съ артиллеріей. По поводу этого смотра Николай Павловичъ писалъ главнокомандующему дѣйствующей арміей, графу Дибичу, 26 іюня изъ Козельца: «Въ Кіевѣ я сдѣлалъ смотръ 9 своднымъ баталіонамъ, т. е. 18 баталіонамъ 5 пѣхотнаго корпуса: почти всѣ они въ отличномъ состояніи, по 32 ряда, и рекрута прекрасные». Въ тотъ-же день государь былъ въ арсеналѣ. «Я посѣтилъ также кіевскій арсеналъ», продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, «который содержанъ очень хорошо и въ комплектѣ, кромѣ осадной артиллеріи, изъ которой не осталось болѣе ни одного орудія».

На слѣдующее утро, въ день рожденія государя, 25 іюня, было получено съ фельдъ-

егеремъ изъ дѣйствующей арміи отъ гр. Дибича донесеніе о взятіи крѣпости Силистріи, которая 18 іюня сдалась безусловно, при чемъ, въ числѣ трофеевъ, въ руки побѣдителей досталось 250 непріятельскихъ пушекъ, болѣе 80 знаменъ, цѣлая рѣчная флотилія, множество съѣстныхъ и другихъ припасовъ и весь гарнизонъ крѣпости, численностью въ 10,000 человѣкъ. Въ скорости вѣсть эта разнеслась по всему городу, и множество народа ожидало выхода государя, чтобы привѣтствовать его восторженнымъ и громогласнымъ ура! Послѣ развода на дворцовой площади, государь слушалъ въ 10 часовъ утра литургію въ Андреевской церкви, а послѣ обѣдни любовался нѣкоторое время прекраснымъ видомъ, открывающимся съ церковной паперти. Отсюда Николай Павловичъ отправился въ Михайловскій монастырь для поклоненія мощамъ св. великомученицы Варвары, а въ часъ пополудни присутствовалъ въ Софійскомъ соборѣ на благодарственномъ по поводу взятія Силистріи молебнѣ, совершенномъ по его повелѣнію митрополитомъ Евгеніемъ, съ викаріемъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ. При пѣніи многолѣ-

тія государю и всей императорской фамиліи произведена была пушечная пальба на валахъ близь Софійскаго собора и съ бастіоновъ Печерской крѣпости.

На слѣдующій день государь далъ на имя губернатора слѣдующій рескриптъ: «Господинъ кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ! Сего мѣсяца 25 числа получено мною въ Кіевѣ извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи. Желая сохранить городу Кіеву памятникъ сего важнаго событія, назначаю оному одинъ изъ ключей покоренной крѣпости и три знамя изъ числа взятыхъ при семъ случаѣ храбрыми нашими войсками, повелѣвая хранить сіи трофеи побѣды въ соборномъ храмѣ св. Софіи, въ коемъ мною принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе за сей новый и блистательный успѣхъ, оружію россійскому дарованный Вамъ предоставляю привести въ исполненіе сію мою волю».

Силистрійскія знамена и ключъ были получены въ Кіевѣ въ началѣ августа того-же года и 6 числа, въ день праздника Преображенія Господня, взяты изъ крѣпости городской реестровой конницей, цере-

моніально провезены черезъ весь городъ къ Софійскому собору и оставлены тамъ послѣ молебствія, совершеннаго предъ началомъ литургіи, и при пушечной и ружейной пальбѣ съ валовъ близъ Софійскаго собора. Въ настоящее время эти знамена прикрѣплены въ соборѣ выше обоихъ клиросовъ, на стѣнахъ столбовъ, поддерживающихъ главный куполъ; ключъ вписитъ надъ лѣвымъ клиросомъ.

26 іюня государь осматривалъ крѣпостныя работы, производившіяся плѣнными турками. При этомъ онъ далъ повелѣніе избрать изъ нихъ 200 человѣкъ старшихъ и семейныхъ и отправить ихъ въ Турцію. Послѣ обѣденнаго стола, въ 4 часа пополудни, государь выѣхалъ въ Козелецъ, получивъ въ лаврѣ предъ отъѣздомъ благословеніе отъ митрополита. Великій князь Михаилъ Павловичъ отбылъ на слѣдующій день въ Бѣлую-Церковь.

Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ въ Кіевѣ, императоръ Николай Павловичъ обнаружилъ, какъ всегда, кипучую и необыкновенную дѣятельность. Его спутникъ, графъ Бенкендорфъ, пишетъ въ своихъ запискахъ: «Кромѣ важнѣйшихъ городскихъ

церквей, онъ осмотрѣлъ общественныя заведенія, арсеналъ, крѣпостныя работы и турецкихъ плѣнныхъ, которые въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ участвовали въ этихъ работахъ, заботливо освѣдомился объ ихъ содержаніи и велѣлъ дать имъ денежное пособіе. На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему, при обычной его дѣятельности, довольно было двухъ дней, хотя въ то-же время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно пріѣзжавшіе во время высочайшаго путешествія изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту-же ночь. Государь ложился спать не раньше трехъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ безъ изъятія поступившія бумаги. Такимъ образомъ доклады государственнаго совѣта, комитета министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, и начальниковъ дѣйствовавшихъ армій возвращались точно такъже незамедлительно, какъ если-бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ удосуживался ежедневно писать очень под-

робныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появлявшіяся въ печати книги на русскомъ и французскомъ языкахъ».

Въ слѣдующемъ 1830 году императоръ Николай Павловичъ опять былъ въ Кіевѣ. Онъ пріѣзжалъ изъ Варшавы чрезъ Козелецъ 31 мая въ 5 часу пополудни. Свѣдѣній объ этомъ пріѣздѣ мы имѣемъ очень мало. Судя однако по послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ этого многочисленнымъ распоряженіямъ по военному вѣдомству и по производившейся усиленной постройкѣ крѣпости, можно думать, что на этотъ разъ государь, посѣщая Кіевъ, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ цѣли военныя и стратегическія. 1 іюня Николай Павловичъ слушалъ литургію въ Софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ Контрактовомъ домѣ. 2 іюня онъ выѣхалъ въ Брестъ. Въ этотъ пріѣздъ повелѣно было гражданскимъ чинамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные гражданскіе статскіе, присвоенные дворянскимъ чинамъ *).

*) Записная книжка Мисловскаго.

Еще менѣе знаемъ мы о четвертомъ посѣщеніи Кіева императоромъ Николаемъ Павловичемъ, состоявшемся въ сентябрѣ 1832 года. Въ этотъ пріѣздъ, 9 сентября государь осматривалъ Золотыя ворота, открытыя незадолго до этого усердіемъ одного мѣстнаго любителя древности, отставнаго капитана 2-го ранга К. А. Лохвицкаго. Пройдя черезъ древнія ворота насквозь, государь произнесъ: «Памятникъ, достойный сохраненія». При этомъ Лохвицкій поднесъ государю планъ фасада и профилей вороть *). Въ 1833 году, во исполненіе высочайше выраженной воли, Золотыя ворота были окончательно очищены отъ закрывавшей ихъ земли**) и возложена на нихъ надпись мѣдными вызолоченными словами на каменной плитѣ.

Царскій пріѣздъ 1832 года послужилъ поводомъ для обвиненія нѣкоторыхъ членовъ кіевскаго городского управленія въ растра-

---

*) Чтенія въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца, V, 149, 154.

**) Золотыя ворота были засыпаны землею въ 1750 году, по указу правительствующаго сената „для сохраненія и вида древности“.

тѣ. 6 сентября кіевскій гражданскій губернаторъ Лашкаревъ призвалъ къ себѣ войта Киселевскаго и, сообщивъ ему объ ожидавшемся 7 числа пріѣздѣ государя, приказалъ ему закупить на счетъ городскихъ суммъ провизію для царской свиты. Киселевскій назначилъ для закупокъ бургомистра Ивана Романовскаго и ратсгера Мирославскаго, выдавъ имъ для записыванія издержанныхъ денегъ «зашнурную» книгу. По отъѣздѣ высокаго гостя, подведены были итоги, и оказалось, что закупокъ сдѣлано было на 2,843 р. 5 к. Представленный счетъ губернаторъ отдалъ на ревизію въ казенную палату, контрольное отдѣленіе которой нашло, что Романовскій и Мирославскій, имѣвшіе порученіе сами дѣлать закупки, противозаконно передали это другимъ лицамъ. Счетъ оказался написаннымъ безъ объясненія, у кого что куплено, безъ представленія справочныхъ цѣнъ, безъ росписокъ продавцовъ въ полученіи денегъ, съ подчистками и поправками и, вообще, съ нарушеніемъ формъ счетоводства. Наконецъ, по мнѣнію контрольнаго отдѣленія, самый расходъ былъ сдѣланъ безъ высочайшаго разрѣшенія, которое, согласно положенію 17 сентября

1831 года о городскихъ доходахъ и расходахъ, необходимо должно быть испрашиваемо въ такихъ случаяхъ. Киселевскій въ свое оправданіе ссылался на словесное приказаніе губернатора, на необходимость безусловнаго повиновенія волѣ начальства и проч. Все это мало ему помогло, такъ какъ въ заключеніе уголовная палата присудила взыскать съ него всѣ деньги. Дѣло стало извѣстнымъ и государю и послужило однимъ изъ поводовъ къ отмѣнѣ въ Кіевѣ Магдебургскаго права. *).

Въ 1835 году, 10 октября, императоръ Николай Павловичъ снова посѣтилъ Кіевъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ пріѣздѣ въ своихъ запискахъ И. Н. Муравьевъ, бывшій въ ту пору начальникомъ переведеннаго въ Кіевъ изъ Могилева штаба 1-й арміи**).

«Ожидали прибытія государя въ Кіевъ 10 числа въ 3 часа пополудни, но въ тотъ самый день въ 5 часовъ утра прискакалъ къ гр. Гурьеву фельдъегерь съ извѣстіемъ, что государь прибудетъ въ 10 часовъ утра,

*) П. М. Каманинъ. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева, 54.

**) „Русскій Архивъ", 1894, XI, 422.

почему и разослано было приказаніе, дабы всѣ собрались къ 9 часамъ въ Софійскій соборъ для встрѣчи государя въ полной парадной формѣ. День былъ холодный, и потому всѣ собрались въ домѣ митрополита, гдѣ и остались въ тщетномъ ожиданіи до 6 часовъ вечера, въ томъ числѣ и дамы, которыхъ собрала туда графиня Гурьева (супруга гр. Гурьева, тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора) по своему собственному произволу; я-же провелъ цѣлый день за Житомирской заставой, въ небольшомъ домѣ, приготовленномъ для пріема государя. Государь пріѣхалъ въ 9 часовъ вечера и отправился прямо въ лавру, гдѣ не засталъ никого. Подождавъ нѣсколько времени, пока отперли ворота собора (вѣроятно, святыя врата), онъ пробылъ тамъ съ четверть часа съ однимъ Бенкендорфомъ и оттуда пріѣхалъ въ квартиру гр. Гурьева. Государь остался очень недоволенъ тѣмъ, что поставленные къ нему часовые отдали честь, когда сего не должно было дѣлать при захожденіи солнца. Въ полночь государь меня принялъ и спрашивалъ о состояніи войскъ. Бесѣда продолжалась около получаса.

11 числа утромъ саперные баталіоны

и жандармскій дивизіонъ были собраны на смотръ въ самую непастную погоду. Я узналъ впослѣдствіи, что государь остался недоволенъ, потому что войска кричали «ура» на церемоніальномъ маршѣ. Впрочемъ, настоящіе недостатки въ сихъ баталіонахъ покрылись непогодою, воспрепятствовавшею государю замѣтить ихъ. Послѣ сего государь былъ въ пещерахъ, осмотрѣлъ крѣпость и учебныя заведенія, арсеналъ и городъ и на все сіе употребилъ только нѣсколько часовъ, въ томъ числѣ посѣщеніе его фельдмаршалу (Паскевичу) продолжалось болѣе получаса. Онъ остался доволенъ арсеналомъ и до такой степени хвалилъ его, что начальникъ арсенала генералъ майоръ Скордулли, родомъ грекъ, коему, какъ кажется, угрожало скорое паденіе по неудовольствіямъ начальства или неисправностямъ, въ минуту восторга бросился на колѣна въ присутствіи всѣхъ благодарить государя. Въ арсеналъ пріѣхалъ также для свиданія съ государемъ фельдмаршалъ Паскевичъ, котораго государь называлъ отцемъ-командиромъ. Графъ Гурьевъ до такой степени засуетился, что не нашелъ случая представить государю собранныхъ генераловъ главнаго штаба арміи».

Въ этотъ пріѣздъ государь обратилъ особенное вниманіе на учебныя заведенія и болѣе всего на новоучрежденный университетъ, закладка зданія для котораго предполагалась въ высочайшемъ присутствіи. Тотъчасъ послѣ прибытія государя, попечитель кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке явился къ графу Бенкендорфу и испрашивалъ у него надлежащихъ приказаній касательно совершенія закладки, такъ какъ планъ и мѣсто для постройки были уже готовы. Бенкендорфъ принялъ Брадке весьма благосклонно и сказалъ, что государь осмотритъ всѣ учебныя заведенія и будетъ присутствовать при закладкѣ университета и что попечитель будетъ удостоенъ представленія государю. Но черезъ нѣсколько часовъ все измѣнилось. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своей «Исторіи Императорскаго Университета св. Владиміра» обстоятельно описываетъ, что было дальше (стр. 289—293):

«Въ тотъ-же вечеръ графъ Гурьевъ объявилъ фонъ-Брадке, что его величество, имѣя только нѣсколько часовъ пребыванія въ Кіевѣ и желая быть у обѣдни въ Софійскомъ соборѣ, въ пещерахъ, на осмот-

рѣ крѣпостныхъ работъ, въ Михайловскомъ монастырѣ, принять англійскаго посла и осмотрѣть городъ, приказалъ собрать всѣ учебныя заведенія въ одно мѣсто, а при закладкѣ университета присутствовать не можетъ, какъ по краткости времени, такъ и потому, что исчисленная сумма на постройку университета до 8 милліоновъ, о которой графъ Гурьевъ докладывалъ его величеству, по словесному отзыву архитектора Беретти, слишкомъ велика и едва-ли допуститъ возведеніе зданій по предположенному плану. На это попечитель объяснилъ Гурьеву, что онъ всѣ учебныя заведенія среднія и низшія соберетъ въ благородный пансіонъ и что только проситъ, чтобы государь удостоилъ осмотромъ университетъ и благородный пансіонъ; относительно-же 8 милліоновъ, нужныхъ на построеніе университета, ему, попечителю, ничего неизвѣстно, но что это во всякомъ случаѣ есть одно только примѣрное предположеніе, ни на какихъ расчисленіяхъ не основанное, ибо смѣта не только еще не окончена, но даже и не начата.

На другое утро, въ Софійскомъ соборѣ, генералъ-губернаторъ объявилъ фонъ-Брад-

ке, что государь прибудетъ въ благородный пансіонъ въ два часа по полудни, а университетъ едва-ли будетъ осматривать. Брадке просилъ еще разъ убѣдительно, чтобы графъ Гурьевъ упросилъ государя удостоить своимъ посѣщеніемъ университетъ. Затѣмъ, когда государь ѣхалъ въ лавру мимо тогдашняго главнаго дома университета на Печерскѣ, Брадке вышелъ съ ректоромъ (Максимовичемъ) и нѣкоторыми чиновниками на улицу. Государь ихъ замѣтилъ, однако-же не заѣхалъ, а при обратномъ проѣздѣ далъ рукою знакъ попечителю отправиться въ благородный пансіонъ. Тамъ были собраны ученики гимназіи, конвикта бѣдныхъ дворянъ, училища землемѣровъ, кіево-подольскаго уѣзднаго училища, всего до 700 воспитанниковъ.

Государь пріѣхалъ туда въ 2 часа пополудни, въ сопровожденіи Паскевича, графа Бенкендорфа и кіевскаго генералъ-губернатора. Въ рекреаціонной залѣ пансіона представлены были государю воспитанники благороднаго пансіона, конвикта бѣдныхъ дворянъ и школы землемѣровъ. Императоръ Николай Павловичъ съ похвалою отозвался о наружномъ видѣ дѣтей и, обративъ вни-

маніе на воспитанниковъ конвикта, спросилъ Брадке:

—Есть-ли теперь въ этомъ заведеніи ученики, воспитывавшіеся въ немъ въ Кременцѣ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, государь снова спросилъ его:

—Доволенъ-ли ты ими?

На это попечитель отвѣтилъ, что очень доволенъ. Тогда государь сказалъ воспитанникамъ:

—Я вашимъ наружнымъ видомъ весьма доволенъ; хорошо, если соотвѣтствуетъ ему и внутренность.

Потомъ, взявъ Брадке за руку, продолжалъ:

—При попеченіи вашего начальника, можно быть въ этомъ увѣреннымъ.

Государь однако былъ занятъ не однимъ только наружнымъ видомъ учениковъ, но сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ объ успѣхахъ ихъ въ русскомъ языкѣ. На это попечитель отвѣчалъ, что не говоря уже объ ученикахъ кіевскихъ училищъ, отъ которыхъ должно требовать совершенно удовлетворительныхъ успѣховъ въ этомъ предметѣ, успѣхи въ русскомъ языкѣ могутъ

выдержать сравненіе съ русскими гимназіями и въ другихъ западныхъ губерніяхъ.

Потомъ государь возвратился въ ту комнату, гдѣ находились учителя гимназіи и, обратившись къ нимъ, сказалъ слѣдующія слова:

—Ваши обязанности велики, отъ васъ все зависитъ. Если вы чувствуете ихъ столь глубоко, какъ я и ваше начальство, то, конечно, исполните ихъ.

Эти слова, а равно и вопросы о кременецкихъ воспитанникахъ и о русскомъ языкѣ показываютъ, что императоръ Николай ясно сознавалъ государственную важность образованія. Ему не чужды были и детальные мѣстные интересы училищъ, какъ показываютъ другіе вопросы его, обращенные къ Е. Ѳ. Брадке. Когда государь осматривалъ благородный пансіонъ, Брадке опять просилъ его о посѣщеніи университета, но получилъ въ отвѣтъ, что краткость времени дѣлаетъ это невозможнымъ.

При выходѣ, когда государь приказалъ Брадке прибыть къ нему черезъ часъ, онъ просилъ, какъ особенной милости, дозволить привести университетъ хотя къ его дому и показать хоть въ окошко царя, столь долго ожидаемаго. На это императоръ Ни-

колай весьма милостиво изволилъ сказать:

—Нѣтъ, не на улицу, а приведи ихъ всѣхъ ко мнѣ въ комнаты, я очень радъ ихъ видѣть.

Вслѣдствіе такого соизволенія, попечитель собралъ всѣхъ профессоровъ, чиновниковъ и студентовъ университета въ пріемную залу государя, гдѣ всѣ они и предстали предъ своего монарха, послѣ принятія его величествомъ англійскаго посланника. Тонъ, съ которымъ обратился государь къ профессорамъ университета, исполненъ былъ благости и милости. Вспомнивъ о воспитанникахъ II отдѣленія своей канцеляріи, его величество изволилъ спросить, здѣсь-ли они, и когда Брадке отвѣчалъ, что они уже прибыли, то монархъ сдѣлалъ ему вопросъ, доволенъ-ли онъ ими, и получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ:

—Да, это надежда Россіи; надѣюсь, что они оправдаютъ попеченіе о ихъ правительства.

Какъ извѣстно, память его была замѣчательная; онъ даже въ инспекторѣ студентовъ (полковникъ Ѳ. И. Люце, зять Брадке) узналъ прежняго своего подчиненаго по арміи и сдѣлалъ ему вопросъ, за-

чѣмъ онъ оставилъ военную службу. Обратившись къ студентамъ университета, августѣйшій гость получилъ отъ Брадке отзывъ, что онъ доволенъ ими вполнѣ, и изъявилъ свое благоволеніе, сдѣлавъ увѣщаніе вести себя и впредь хорошо и нравственно. Слова, сказанныя воспитанникамъ университета, «исполнены были отеческой нѣжности и монаршаго величія».

Послѣ принятія университета, государь удостоилъ Брадке получасовою приватною аудіенціею, которую началъ тѣмъ, что сумма 8 милліоновъ для зданій университета по смѣтѣ архитектора Беретти такъ велика, что онъ долженъ былъ отложить закладку. Брадке счелъ себя обязаннымъ доложить его величеству, что если архитекторъ Беретти и сказалъ графу Гурьеву въ разговорѣ, что смѣтоисчисленіе на зданіе университета могло-бы простираться до 8 милліоновъ, то это не основано ни на какихъ расчисленіяхъ, ибо смѣта еще не кончена; вѣроятно, Беретти сказалъ это въ томъ намѣреніи, чтобы убѣдить графа Гурьева принять мѣры къ сокращенію справочныхъ цѣнъ, которыя мѣстнымъ начальствомъ, по показанію Беретти, сдѣланы не-

соразмѣрно высокія. Брадке прибавилъ, что онъ имѣлъ намѣреніе послѣ высочайшаго отбытія просить о томъ генералъ-губернатора. На вопросъ государя, во сколько могла-бы обойтись постройка, онъ отвѣчалъ, что объ этомъ, по неимѣнію еще смѣты, нельзя судить, но что онъ полагаетъ, что во всякомъ случаѣ дороже 3 милліоновъ или $3^1/_2$ не обойдется и что если-бы суммъ не стало, то отстройка флигелей для профессоровъ могла-бы быть до времени отсрочена, и что университетъ имѣетъ болѣе $1^1/_2$ милліона собственно на этотъ предметъ уже назначенныхъ суммъ. Государь повелѣлъ оставить Беретти въ Кіевѣ до окончанія имъ смѣты зданіямъ университета и для основательнаго обсужденія дѣла на мѣстѣ, а равно приказалъ озаботиться уменьшеніемъ справочныхъ цѣнъ. Затѣмъ онъ спрашивалъ Брадке о духѣ заведеній и получилъ отъ него удостовѣреніе, что «попынѣ благодаря Господу все хорошо и лучшаго желать нельзя. и что я только прошу Господа Бога, чтобы такимъ образомъ и впредь было».

11 октября Николай Павловичъ уѣхалъ въ Бѣлую-Церковь. По чрезвычайной краткости своего пребыванія въ Кіевѣ, государь не принималъ на этотъ разъ почти

никого изъ кіевскихъ вліятельныхъ особъ, употребивъ почти все время на осмотръ войскъ, арсенала и, главнымъ образомъ, состава учебныхъ заведеній. Но болѣе всего, какъ мы видѣли, заботилъ и интересовалъ государя вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія для университета. Еще при представленіи университетскихъ чиновниковъ Николай Павловичъ сказалъ Беретти:

—Много 8 милліоновъ; 8 милліоновъ все равно, что пуль, ибо тогда постройка не можетъ совершиться.

12 октября, обѣдая въ Александріи (близъ Бѣлой-Церкви) у графини Браницкой, государь между прочимъ сказалъ о томъ же предметѣ:

—Отъ меня требуютъ 8 милліоновъ на построеніе зданій для университета. Не знаю, что они хотятъ строить на эти деньги. Я у нихъ видѣлъ только нѣсколько учащихся мальчишекъ и, не располагая жертвовать на сіе такой суммы, отказалъ имъ въ деньгахъ.

Затѣмъ Николай Павловичъ говорилъ о новыхъ постройкахъ въ Кіевѣ и особенно расхваливалъ улицу въ Липкахъ, выстроенную графомъ Левашовымъ (Левашовскую*).

*) Записки Н. Н. Муравьева.

Въ 1837 году, въ 8 часовъ вечера, императоръ Николай Павловичъ снова пріѣхалъ въ Кіевъ, по обычаю, прямо съ дороги въ лавру, гдѣ его ожидалъ митрополитъ Филаретъ съ братіей. Приложившись въ великой лаврской церкви къ св. иконамъ и мощамъ, государь милостиво далъ свое согласіе на обращенную къ нему просьбу митрополита быть завтра, въ день храмового праздника лаврскаго, Успенія Богородицы, на торжественной литургіи въ лаврѣ и прослѣдовалъ на квартиру, въ домъ военнаго губернатора.

На слѣдующій день, 15 августа, государь, согласно данному обѣщанію, слушалъ въ лаврѣ литургію. По окончаніи служенія, митрополитъ просилъ удостоить его высочайшаго посѣщенія. Государь вышелъ изъ храма въ 11 часовъ и, проходя по двору въ митрополичіе покои, обратилъ вниманіе на обычный обѣдъ для нищихъ и богомольцевъ, устраиваемый лаврою ежегодно въ этотъ день еще со временъ преподобныхъ основателей лавры, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, по ихъ завѣщанію. Освѣдомившись объ этомъ, онъ пожелалъ попробовать той-же пищи, которая была предло-

жена лаврскимъ гостямъ. Ему принесли хлѣба на деревянной тарелкѣ, деревянную-же ложку, кислыхъ щей и пшенной каши съ молокомъ. Отвѣдавъ принесенной трапезы и похваливъ вкусъ ея, государь одобрилъ этотъ обычай и изъявилъ желаніе, чтобы «святыя преданія святыхъ отецъ нашихъ были сохраняемы нерушимо въ наставленіе современникамъ и въ поученіе потомства». Келарь*) лаврскій, соборный старецъ іеромонахъ Іеремія, рапортуя объ этомъ въ духовный соборъ лавры, такъ цитируетъ высочайшія слова: «Очень я радъ, что соблюдается древность». Царскій приборъ въ память этого посѣщенія сохраняется и теперь въ лаврской ризницѣ **).

Въ 12 часовъ былъ высочайшій смотръ войскамъ на Печерскомъ плацу, продолжавшійся болѣе 2 часовъ. Послѣ смотра государь былъ въ Софійскомъ соборѣ и Михайловскомъ монастырѣ. Митрополитъ въ

*) Келарь—древній лаврскій чинъ, упоминаемый еще въ житіяхъ преподобныхъ Ѳеодосія, Ѳеодора и Василія Печерскихъ. Онъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи трапезу, просфорню и всѣ съѣстные и питейные припасы.

**) Лаврскій архивъ. Дѣла о высочайшихъ посѣщеніяхъ.

этотъ день былъ удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу.

16 августа государь посѣтилъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Нужно замѣтить, что въ 1835 году, во время предыдущаго посѣщенія Кіева Николаемъ Павловичемъ, три студента изъ поляковъ наклеили на временномъ зданіи университета въ Липкахъ пасквиль въ стихахъ. По непріязненнымъ отношеніямъ генералъ-губернатора графа Гурьева къ попечителю фонъ-Брадке, человѣку умному, образованному и энергичному, дѣлу этому придали особенную важность, и государь, посѣщая теперь институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, выказалъ такъ много негодованія и былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что поразилъ всѣхъ своимъ гнѣвомъ.

П. Д. Селецкій, извѣстный впослѣдствіи кіевскій губернскій предводитель дворянства, былъ въ ту пору студентомъ кіевскаго университета. Въ своихъ запискахъ**) онъ картинно и живо описываетъ сцену царскаго гнѣва, ошибочно относя ее къ 1838 году, когда, какъ извѣстно, государь не посѣщалъ Кіева:

**) „Кіевская Старина", 1884, II, 285.

«Въ соборной залѣ налѣво отъ входа стояли студенты, направо профессоры. Государь, войдя въ залъ, не поздоровался ни съ кѣмъ, сталъ посрединѣ и, обращаясь къ студентамъ, сказалъ:

—Вы учитесь хорошо, но этого недостаточно: одна наука не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, мнѣ нужны вѣрные сыны престола, мнѣ нужна безпредѣльная преданность, безсознательная покорность и безпрекословное повиновеніе; знайте, что я строго буду слѣдить за вами, и горе тому, кто дерзнетъ увлечься подобно товарищамъ вашимъ; я его упрячу туда, куда воронъ костей не заноситъ!

Затѣмъ его величество, переведя духъ, изволилъ спросить, сколько студентовъ налицо, и пошелъ осматривать насъ, глядя каждому въ глаза. На бѣду, въ первомъ ряду взглядъ его остановился на одномъ косоглазомъ студентѣ, и тутъ произошла слѣдующая сцена:

Государь. Смотри мнѣ прямо въ глаза.

Студентъ молча смотритъ.

Государь. Ты не смотришь на меня, ты не можешь смотрѣть мнѣ въ глаза?

Студентъ молчитъ.

—Какъ твоя фамилія?
—Хоньскій.
—Откуда?
—Изъ Миньска.
—Видно, что не русскій, полякъ, совѣсть нечиста, не можетъ смотрѣть прямо въ глаза русскому царю.

Приведенныя мною выше слова его величества были ничто въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ негодованія и раздражительности, который излился изъ устъ государя, разсерженнаго косоглазіемъ Хонскаго. Въ другое время, быть можетъ, попечитель и осмѣлился бы доложить его величеству, что студентъ косъ и не можетъ смотрѣть прямо; но въ то время государь былъ такъ раздраженъ, что всѣ окружавшіе его тряслись отъ страху, какъ осиновый листъ, и ни у кого не достало смѣлости объяснить государю причину, по которой Хонскій, несмотря на все свое желаніе, не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза.

Кончивъ свою рѣчь студентамъ, государь обратился къ профессорамъ и, погрозивъ имъ пальцемъ, сказалъ:

—А вы у меня смотрите. Наука наукой, но если вы не будете обращать вниманія

на развитіе нравственныхъ началъ въ студентахъ и политическаго направленія, согласнаго съ моими мыслями, я раздѣлаюсь съ вами по своему.

Профессоры низко поклонились. Государь вышелъ.

Въ тотъ-же день, въ 9 часовъ вечера, государь прибылъ въ лавру для напутственныхъ молитвъ. Выслушавъ краткое молебствіе и приложившись къ иконамъ и мощамъ, онъ принялъ отъ митрополита икону Успенія Богоматери и благословеніе, а затѣмъ, осѣненный крестомъ, благополучно отправился въ дальнѣйшій путь.

Въ 1840 году, 10 августа, въ 5 часу пополудни, императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Кіевъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, тогда счастливымъ объявленнымъ женихомъ принцессы Гессенъ-Дармштадтской, впослѣдствіи императрицы Маріи Александровны. Въ лаврѣ митрополитъ встрѣтилъ августѣйшихъ гостей краткой привѣтственной рѣчью. «Святая колыбель православной вѣры нашей», сказалъ митрополитъ, «въ благоговѣйно молитвенномъ духѣ пріемлетъ тебя, государь, съ наслѣдникомъ престола твоего, въ то

важное для Россіи время, когда Промыслъ Всевышняго устрояетъ семейное его счастіе» *).

На слѣдующій день, въ 6 часовъ вечера, государь былъ въ институтѣ казенно-коштныхъ студентовъ. Въ запискахъ того-же П. Д. Селецкаго сохранился разсказъ и объ этомъ посѣщеніи:

«Насъ выстроили стройными рядами, строго осмотрѣли нашу одежду и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ нами. Мы ему прокричали очень удовлетворительно:

«Здравія желаемъ, ваше императорское величество!»

Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ нашей наружностью и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности**), сталъ въ первый рядъ, чтобы ближе видѣть государя, въ полной увѣ-

*) Изъ дѣлъ лаврскаго архива.

**) М. Ф. Будановъ въ своей „Исторіи Имп. У—та св. Влад.“ про того же студента говоритъ: „Особенно же поразилъ императора одинъ

репности, что смотръ конченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, сталъ насъ осматривать вновь и съ негодованіемъ остановился на кривоногомъ студентѣ.

«Какъ твоя фамилія?», спросилъ государь.

«П.», отвѣчалъ отрывисто студентъ.

«Откуда?»

«Изъ Чернигова», еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

«Болванъ», грозно сказалъ императоръ и, обратившись къ сопровождавшему его наслѣднику престола, прибавилъ:

«Какіе неотесанные, не умѣютъ отвѣчать».

Выступленіе П. въ первую шеренгу имѣло важныя послѣдствія. Для осмотра университета былъ присланъ министръ народнаго просвѣщенія, который прожилъ въ Кіевѣ болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи и репетиціи и остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. Къ

угрюмый сынъ черниговскихъ лѣсовъ, потупившійся и мрачно смотрѣвшій исподлобья. То были, такъ сказать, природныя его черты, но государю показалось въ нихъ личное озлобленіе и протестующая оппозиція". (стр. 254).

Уварову водили студента П., какъ замѣчательную личность, обратившую на себя особенное вниманіе государя. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, въ вѣдѣніе попечителя отпустили 5000 р. ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ для студентовъ танцовальные вечера; назначили въ университетъ учителей танцованія, фехтованія и верховой ѣзды».

Послѣ посѣщенія института казенно-коштныхъ студентовъ государь осматривалъ величественное, снаружи уже почти оконченное зданіе университета и остался имъ очень доволенъ.

Незадолго до описываемаго посѣщенія Кіева государемъ, въ 1839 г., кіевскій университетъ былъ на время закрытъ. Нѣсколько студентовъ старшихъ курсовъ были вовлечены эмигрантомъ Конарскимъ въ сообщество, имѣвшее цѣлью возбудить революціонное движеніе, которое со ipso привело-бы къ возстановленію Польши. Главный виновникъ заговора былъ разстрѣлянъ въ Вильнѣ, четверо другихъ важнѣйшихъ заговорщиковъ приговорены въ Кіевѣ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, но помилованы и сосланы въ Сибирь. Сту-

денты, участвовавшіе въ заговорѣ, посланы на Кавказъ солдатами, а непричастные къ дѣлу, послѣдняго курса, допущены къ экзамену *).

Въ бытность государя въ Кіевѣ, у подъѣзда его квартиры бросилась къ нему въ ноги рыдающая женщина съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми, жена одного изъ осужденныхъ по дѣлу Копарскаго. Эта сцена видимо взволновала государя. Не остановившись, онъ приказалъ сопровождавшему его генералъ-губернатору, извѣстному Д. Г. Бибикову, распросить, въ чемъ заключается ея просьба и доложить ему, а самъ вошелъ въ домъ. Бибиковъ, узнавъ въ чемъ дѣло, отправился не прямо къ государю, а въ свое помѣщеніе, бывшее внизу. Отворивъ дверь въ свой кабинетъ, онъ нашелъ тамъ государя, который стоялъ противъ двери и ожидалъ его. Бибиковъ доложилъ, что женщина эта—жена одного изъ заговорщиковъ и проситъ помилованія своему мужу. Вотъ слова, сказанныя при этомъ Николаемъ Павловичемъ:

---

*) Воспоминанія Ф. К. Неслуховскаго, „Историческій Вѣстникъ", 1890, IV, 120.

«Ты не знаешь, какъ тяжело быть въ невозможности прощать. Простить сейчасъ я не могу, это была-бы слабость; но спустя нѣкоторое время представь мнѣ о немъ*)».

Государь и наслѣдникъ оставили Кіевъ 12 августа, въ 8 часу вечера. Въ лаврѣ митрополитъ Филаретъ благословилъ ихъ на прощанье двумя богато-украшенными иконами Успенія Богоматери.

Въ 1843 году, 19 сентября, императоръ Николай Павловичъ опять пріѣхалъ въ Кіевъ. Это посѣщеніе связано съ важнымъ событіемъ въ исторіи кіевскихъ святынь, открытіемъ древнихъ фресокъ XI вѣка въ Софійскомъ соборѣ. Исторія этого открытія въ общихъ чертахъ такова.

Въ концѣ 1842 года генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ донесъ государю, что при производившихся въ то время по распоряженію митрополита Филарета поправкахъ и передѣлкахъ Успенскаго собора начали портить единственную будто-бы живопись XVII вѣка. Для провѣрки этого обстоятельства государю угодно было назначить академика Ѳ. Г. Солнцева, который, во исполненіе высочайшей воли, немедлен-

*) „Русскій Архивъ", 1870, стр. 1006.

но отправился въ Кіевъ. По осмотрѣ производившихся въ Успенскомъ соборѣ работъ, Солнцевъ нашелъ, что никакой порчи старинной живописи имъ не найдено. Тогда на Солнцева было возложено новое порученіе осмотрѣть въ Кіевѣ всѣ монастырскія, соборныя и приходскія церкви и снять рисунки съ имѣющихся тамъ древностей. Между тѣмъ, незадолго до этого, въ томъ-же 1843 году въ нижнемъ этажѣ Софійскаго собора, въ глухомъ куполѣ Антоніе-Ѳеодосіевскаго придѣла сзади праваго клироса случайно обвалилась часть верхняго слоя штукатурки. Причетники собора донесли объ этомъ поврежденіи ключарю, протоіерею Тимоѳею Сухобрусову. По сдѣланномъ осмотрѣ, подъ слоемъ отвалившейся штукатурки замѣчена была какая-то живопись, повидимому, весьма давняго времени. Извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено протоіереемъ Сухобрусовымъ Солнцеву, который въ ту пору наблюдалъ за обновленіемъ живописи въ великой лаврской церкви. Солнцевъ, явившись въ соборъ и осмотрѣвъ открывшуюся живопись, призналъ ее за фресковую или живопись сухими красками по свѣжей штукатуркѣ,

сохранившуюся подъ слоями побѣлки и новой масляной живописи. Затѣмъ Солнцевъ сдѣлалъ пробы въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и, убѣдившись, что подъ новою стѣнною живописью Софійскаго собора сохраняется значительная часть древней фресковой живописи, донесъ о сдѣланномъ имъ открытіи министру императорскаго двора, *) съ просьбою довести объ этомъ до свѣдѣнія государя, который вскорѣ ожидался въ Кіевѣ. Продолжаемъ далѣе словами самого Солнцева, оставившаго любопытныя воспоминанія о своей жизни, въ которыхъ онъ между прочимъ касается и возобновленія Кіево-Софійскаго собора**):

«Сколько помню, въ сентябрѣ 1843 года пріѣхалъ государь и остановился въ домѣ военнаго губернатора Бибикова, изъ оконъ котораго видна лаврская колокольня. На другой день государь слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и здѣсь сказалъ мнѣ:

—Приходи въ 5 часовъ.

Я пришелъ. Государь немедленно потребовалъ меня къ себѣ.

---

*) Прот. П. Лебединцевъ, Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—1853 гг., стр. 2.

**) „Русская Старина“, 1876, VI, 287.

—Ну что ты подѣлываешь? Тебя не любятъ тамъ?—спросилъ онъ и указалъ на монастырь.

Я сталъ докладывать о своихъ занятіяхъ; между тѣмъ государь внимательно разсматривалъ представленные мною рисунки, и когда дошелъ до разрѣзовъ и чертежей Кіево-Софійскаго собора, то спросилъ:

—Это что?

—На рисункѣ представлено, ваше величество, семь куполовъ, но на чертежахъ собора я нашелъ, что всѣхъ куполовъ 13. Кромѣ того, въ соборѣ, по моему мнѣнію, есть очень древняя живопись, которая можетъ разрушиться только вмѣстѣ со стѣнами.

—Да чѣмъ ты это докажешь?

—Тѣмъ, ваше величество, что здѣсь въ древней штукатуркѣ нѣтъ песку, а только растительный клей. Мнѣ удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбить наносную новую штукатурку, и я замѣтилъ нѣчто похожее на изображенія; поэтому я полагаю, что на стѣнахъ есть старинная живопись.

—Открой мнѣ это,—сказалъ государь и милостиво простился со мною.

На другой день рано утромъ я отправился къ ключарю Софійскаго собора и отъ

имени государя проснулъ тотчасъ же проводить меня въ соборъ. Ключарь не замедлилъ. Въ одномъ мѣстѣ мы отбили немного наносной штукатурки, и совершенно явственно обозначались двѣ фигуры, съ которыхъ я тутъ-же и нарисовалъ крокй. Сомнѣнія въ существованіи древней живописи на внутреннихъ стѣнахъ собора не оставалось никакого. Такъ, благодаря благосклонному вниманію и покровительству покойнаго государя Николая Павловича, довелось мнѣ срисовать фрески и открыть нынѣ столь извѣстныя въ археологіи мозаики Кіево-Софійскаго собора, одного изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ памятниковъ XI вѣка.

Лѣтомъ слѣдующаго 1844 года я опять пріѣхалъ въ Кіевъ для открытія и затѣмъ возобновленія древней живописи Софійскаго собора. Когда отъ меня узналъ объ этомъ митрополитъ Филаретъ, то сталъ говорить, что такая затѣя не поведетъ къ добру и что онъ будетъ жаловаться государю.

Дѣйствительно, митрополитъ сдержалъ свое слово. Помнится, осенью *) государь

*) Здѣсь Солнцеву измѣнила память: это было уже въ 1845 году.

пріѣхалъ въ Кіевъ и посѣтилъ Софійскій соборъ. Филаретъ не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ и сказалъ его величеству:

—Ваше величество, открытіе и возобновленіе древней живописи здѣшняго собора повлечетъ старовѣровъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ.

—Я, владыко, не смотрю, какъ молятся, лишь-бы молились, замѣтилъ государь. Ты любишь старину и я люблю. Теперь въ Европѣ дорожатъ малѣйшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можемъ-ли думать, что оказываемъ предпочтеніе старовѣрамъ? Вздоръ, не противорѣчь.

Митрополитъ ничего не сказалъ на это и молча сопровождалъ государя. Бибиковъ шелъ со мною сзади и чуть слышно сказалъ мнѣ:

—Наша беретъ.

Замѣчу кстати, что впослѣдствіи митрополитъ, вникнувъ и разсмотрѣвъ мои работы по возобновленію живописи, въ которыхъ принималъ участіе старецъ инокъ Ириархъ, не находилъ уже въ этомъ никакого предпочтенія старовѣрамъ. *)

*) „Русскій Архивъ“, 1878, XII, 516.

Въ объясненіе разсказа Солнцева необходимо сказать, что производившимися въ ту пору работами по возобновленію живописи въ великой лаврской церкви государь остался недоволенъ, а святѣйшій синодъ даже постановилъ было сдѣлать за эти работы митрополиту выговоръ. Выговора, впрочемъ, не послѣдовало, такъ какъ государь написалъ на докладѣ:

—Оставить старика въ покоѣ; мы ему и такъ насолили.

Когда въ 1843 году Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Кіевъ въ лавру, то митрополитъ Филаретъ послѣ обычной литіи указавъ въ соборной лаврской церкви на группу монаховъ, сказалъ:

—Вотъ, ваше величество, художники, расписывавшіе храмъ.

—Кто ихъ училъ? спросилъ государь.

—Матерь Божія, отвѣчалъ владыка.

—А, въ такомъ случаѣ и говорить нечего, замѣтилъ Николай Павловичъ.

Вообще государь относился къ владыкѣ весьма милостиво, и если когда-либо въ отношеніяхъ Николая Павловича къ митрополиту проглядывала тѣнь неудовольствія, то въ этомъ больше всего былъ ви-

новать Бибиковъ, постоянно интриговавшій противъ митрополита. Гнѣвался-же всесильный генералъ-губернаторъ на почтеннаго старца-владыку по слѣдующему поводу.

Однажды Бибиковъ пріѣхалъ въ лавру въ высокоторжественный день, когда литургія еще не начиналась, а шелъ царскій молебенъ, который, по обычаю того времени, отправлялся до литургіи. Митрополитъ стоялъ посреди церкви на амвонѣ, а Бибиковъ сталъ у клироса на ковринѣ направо и, въ ожиданіи обѣдни, началъ болтать съ пріѣхавшими съ нимъ двумя сестрами-барышнями, графинями Палепъ. Филаретъ долго посматривалъ недовольно на Бибикова и, улучивъ минуту, когда тотъ оберпулся, съ строгимъ и укоризненнымъ видомъ погрозилъ ему пальцемъ. Бибиковъ пересталъ болтать, но съ того времени не взлюбилъ митрополита, хотя въ присутствіи его всегда юлилъ и заискивалъ передъ нимъ. Кроткій и незлобивый Филаретъ и не подозрѣвалъ о настоящемъ отношеніи къ нему генералъ-губернатора и всегда прекрасно о немъ отзывался, приписывая всѣ случавшіяся недоразумѣнія и непріятности интригамъ вліятельнаго тогда правителя

канцеляріи Бибикова, извѣстнаго Писарева*).

Нельзя не признать однако, что и владыка Филаретъ, несмотря на всю свою кротость и истинно христіанское смиреніе, любилъ иногда выказать самостоятельность. Такъ извѣстно, что въ 1853 году онъ рѣшительно отказался освящать памятникъ св. князю Владиміру, сказавъ, что св. князь Владиміръ ниспровергалъ идоловъ, а ему сооружаютъ новый истуканъ. Менѣе извѣстенъ отвѣтъ, данный имъ императору Николаю Павловичу по поводу сооруженія кіевской крѣпости и слышанный нами отъ покойнаго редактора «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцева.

Когда была закончена постройкой крѣпость, государь въ первый затѣмъ пріѣздъ въ Кіевъ подробно осматривалъ укрѣпленія и остался очень доволенъ всѣми сооруженіями. Посѣтивъ, затѣмъ въ лаврѣ митрополита, онъ въ разговорѣ между прочимъ сказалъ:

—Ну, теперь я надѣюсь, что ваши святыни достаточно охраняются нашими твердынями.

*) Слышано отъ одного весьма почтеннаго кіевскаго старожила.

—А я, ваше величество, думаю, возразилъ митрополитъ, что наши святыни будутъ охранять ваши твердыни.

Государь ничего не сказалъ на этотъ рискованный, хотя остроумный отвѣтъ старца-владыки, но видимо остался недоволенъ.

Возвращаясь къ возобновленію живописи въ Софійскомъ соборѣ, отмѣтимъ, что государь, повелѣвъ открыть древнія фрески повсемѣстно, гдѣ онѣ окажутся, каждый разъ послѣ того, посѣщая Кіевъ, бывалъ въ соборѣ и подробно осматривалъ всѣ работы. Такъ въ 1850 г., когда работы по возобновленію собора уже значительно подвинулись впередъ, государь одобрилъ все сдѣланное и повелѣлъ во всѣхъ поправкахъ фресокъ и другихъ изображеній стараться держаться живописи того вѣка, въ которомъ они были писаны, а въ придѣлѣ Трехсвятительскомъ на память будущимъ вѣкамъ сохранить фрески святителей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были открыты. Въ слѣдующемъ году государь вновь посѣтилъ соборъ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами и, обозрѣвая работы, нашелъ ихъ вполнѣ удовлетворительными, выразивъ свое высочайшее одобре-

ніе и совершенное удовольствіе *). Въ сентябрѣ 1853 г. всѣ работы были окончены, и 4 октября того-же года совершена митрополитомъ Филаретомъ въ первый разъ по возобновленіи собора торжественная литургія. Возобновленіе обошлось въ 114 слишкомъ тысячъ рублей, изъ которыхъ 50,000 было пожертвовано извѣстною графиней А. А. Орловой-Чесменской.

Въ посѣщеніе 1843 года императоръ Николай Павловичъ былъ и въ университетѣ. Въ залѣ университета были собраны всѣ студенты и ученики гимназіи, и первые были выстроены по правую сторону, а вторые по лѣвую. Въ переднія линіи и во фланги были поставлены болѣе красивые, умѣющіе держать себя и нарядно одѣтые; кто былъ похуже, того удалили въ заднія шеренги. Ученіе танцамъ, фехтованію и верховой ѣздѣ, заведенное въ университетѣ послѣ памятнаго посѣщенія 1840 года, какъ видно, повліяло на студентовъ въ смыслѣ приданія имъ болѣе ловкаго и изящнаго внѣшняго вида, такъ какъ государь остался ими въ общемъ доволенъ, хо-

*) Прот. П. Лебединцевъ. Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора, стр. 29.

тя обходилъ и задніе ряды *). Хорошее впечатлѣніе произвели на государя и ученики 1 гимназіи, чистенькіе, умѣвшіе себя прилично держать, и съ манерами свѣтскаго общества; въ 1 гимназію въ то время поступали по преимуществу дѣти мѣстныхъ дворянъ. Взглянувъ на учениковъ 1 и 2 гимназій, изъ которыхъ послѣдняя комплектовалась по преимуществу сыновьями бѣдныхъ чиновниковъ, государь сказалъ:

—Какая однако разница между тѣми и другими!

Тогда-же, при представленіи государю профессоровъ, когда, по дошедшей очереди, попечитель назвалъ профессора химіи Фонберга, Николай Павловичъ спросилъ, не родня-ли онъ фонъ-Бергу **)! Фонбергъ спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

—Нѣтъ, ваше императорское величество, я сынъ виленскаго кузнеца.

Тогда государь немедленно подалъ ему руку въ знакъ своего державнаго уваже-

---

*) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Исторія Императорскаго университета св. Владиміра, 523.

**) Впослѣдствіи намѣстникъ Царства Польскаго.

нія *). Нужно замѣтить, что это была милость, которой императоръ Николай Павловичъ удостоивалъ своихъ подданныхъ крайне рѣдко и лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Фонбергъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кіевѣ почти столѣтнимъ старикомъ.

Въ 1845 году императоръ Николай Павловичъ былъ дважды въ Кіевѣ**). Первый разъ онъ прибылъ 22 мая, во вторникъ, въ 3 часа пополуночи и за позднимъ временемъ прослѣдовалъ прямо на квартиру въ домъ военнаго губернатора. Утромъ въ $10^1/_2$ часовъ государь, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, который пріѣхалъ въ Кіевъ еще 18 мая, отправился въ лавру, гдѣ ему устроена была обычная царская встрѣча митрополитомъ Филаретомъ съ монастырскою братіей. Изъ лавры государь прошелъ въ арсеналъ; затѣмъ состоялся смотръ войскамъ на Печерскѣ, на нынѣшней Эспланадной площа-

*) Біографическій словарь профессоровъ университета св. Влад., 520.

**) Свѣдѣнія о посѣщеніяхъ 1845 года извлечены нами изъ архивовъ лаврскаго и консисторскаго.

ди. Въ три часа онъ посѣтилъ съ великимъ княземъ Софійскій соборъ, гдѣ, въ присутствіи митрополита въ мантіи, встрѣчу дѣлалъ ректоръ академіи, архимандритъ Димитрій (Муретовъ), впослѣдствіи извѣстный архіепископъ херсонскій*), затѣмъ государь былъ въ Михайловскомъ монастырѣ; тутъ встрѣчалъ никольскій архимандритъ Петръ.

23 мая Николай Павловичъ посѣщалъ институтъ и университетъ. Въ институтѣ государь прошелъ по всему заведенію и остался очень доволенъ замѣчеппымъ благоустройствомъ и порядкомъ. Въ университетѣ онъ былъ въ церкви, о которой отозвался:

—Церковь у васъ прекраспая.

Въ тотъ-же день митрополитъ удостоился приглашенія къ высочайшему столу.

24 мая былъ день праздника Вознесенія. Въ 10 часовъ государь и великій князь

*) Димитрій, высокаго роста, брюнетъ, имѣлъ очень представительный видъ. Говорятъ, что государь, идя отъ колокольни въ соборъ, обратилъ на Димитрія вниманіе и спросилъ Бибикова, кто это. Бибиковъ отвѣчалъ, что это ректоръ мѣстной академіи. „Бравый архимандритъ", произнесъ государь.

прибыли въ Софійскій соборъ къ литургіи, которую совершалъ митрополитъ, оттуда заѣхали на квартиру, а затѣмъ въ лавру, куда прибыли въ половинѣ перваго. Такъ какъ государь никого не предупредилъ о своемъ посѣщеніи, то неожиданный пріѣздъ его немало всполошилъ братію, которая въ ту пору трапезовала, и митрополита, успѣвшаго войти въ соборную церковь только вслѣдъ за государемъ и великимъ княземъ. Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, государь взялъ благословеніе у митрополита и прямо изъ лавры отбылъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петербургъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ выѣхалъ на слѣдующій день въ Одессу.

Повидимому, къ посѣщенію императоромъ Николаемъ Павловичемъ лавры 24 мая 1845 года относится разсказъ, сообщаемый г. Листовскимъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. (X, 258). Описывая сумятоху, происшедшую въ лаврѣ вслѣдствіе неожиданнаго пріѣзда государя, г. Листовскій продолжаетъ: «Все засуетилось: кто застилаетъ ковры, кто облачается, кто зажигаетъ свѣчи. Императоръ входитъ въ храмъ, старикъ-монахъ зажигаетъ паника-

дило. Государь, взявъ старика за локоть, сказалъ:

—Оставь, не надо.

Монахъ, не оборачиваясь и полагая, что ему говоритъ кто-нибудь изъ послушниковъ, не знающихъ еще о пріѣздѣ государя, толкнулъ локтемъ, проговоривъ:

—Тебе никто не пытае, иды прочь; самъ знаю, що треба.

Государь улыбнулся и пошелъ далѣе. Старикъ пришелъ потомъ въ ужасъ, когда ему сказали, что отвѣтъ его былъ обращенъ къ царю».

Сообщенныя нами скудныя свѣдѣнія о посѣщеніи Кіева императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ маѣ 1845 года отчасти могутъ быть восполнены изъ записокъ А. А. Солтановскаго, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» 1892 года, гдѣ подробно описывается надѣлавшій въ свое время много шуму инцидентъ на царскомъ смотру съ графомъ Потоцкимъ, владѣльцемъ Тульчина. Приводимъ въ сокращеніи разсказъ А. А. Солтановскаго.

«Графъ Мечиславъ Потоцкій былъ высокаго роста, но лицо имѣлъ некрасивое, изрытое оспой, и страшно злые глаза. Мо-

лодую красавицу-жену графъ Мечиславъ держалъ взаперти въ Тульчинѣ, въ своемъ великолѣпномъ палаццо, самъ былъ съ нею почти безотлучно, въ костелъ возилъ ее и гулялъ съ нею въ своемъ роскошномъ саду не иначе, какъ надѣвъ на нее полумаску. Никого у себя не принималъ, отказавшись участвовать даже на вечерахъ у квартировавшаго во флигелѣ его палаццо генерала. Молодая жена скучала; она привыкла къ свѣтской жизни, къ постояннымъ развлеченіямъ, шуму, къ новымъ лицамъ. Мужъ не давалъ ей ничего этого, постоянными сценами и жестокимъ обращеніемъ съ бывшимъ у нихъ ребенкомъ дѣлая жизнь жены невыносимой. Дѣло дошло до того, что графъ однажды ночью сдѣлалъ попытку отравить ребенка, вливъ ему въ ротъ какой-то жидкости. Графиня въ ужасѣ рѣшила бѣжать во что-бы то ни стало въ Кіевъ. Вскорѣ ночью, въ отсутствіе графа, съ ребенкомъ и кормилицей она отправилась въ дорогу и на слѣдующій день по пріѣздѣ въ Кіевъ поручила себя и сына покровительству Бибикова. Тогда въ Кіевѣ ожидали императора Николая Павловича. Бибиковъ, желая совсѣмъ оградить графиню отъ ея

мужа, посовѣтовалъ ей составить прошеніе на имя государя. Въ прошеніи, сверхъ указанія на безчеловѣчное обращеніе мужа съ женою и сыномъ, перечислено было еще нѣсколько сотъ уголовныхъ преступленій, слѣдствія по которымъ еще не были закончены.

Между тѣмъ графъ, узнавши о побѣгѣ жены, сейчасъ-же помчался вслѣдъ за нею, прибылъ въ Кіевъ ночью, часа два спустя послѣ пріѣзда государя, и остановился въ гостинницѣ противъ крѣпости, подлѣ плацпараднаго поля. На другой день государь показался изъ воротъ крѣпости, на прекраспомъ бѣломъ конѣ, съ многочисленной блестящей свитой и стрѣлою помчался къ войскамъ, расположеннымъ на плацпарадпомъ полѣ. Государь съ своимъ конемъ, казалось, срослись, слились въ одно. Прекраснѣе картины скачущаго всадника, какую изображалъ собою государь, трудно себѣ и представить. Вся свита теряла при немъ. Никто не умѣлъ такъ ѣздить верхомъ, какъ государь Николай Павловичъ. Войска встрѣтили государя генералъ-маршемъ и громкимъ продолжительнымъ «ура».

Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ

ними, государь со свитой остановился подъ самымъ балкономъ гостинницы, гдѣ остановился Потоцкій. Войска стали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Разбуженный музыкой и «ура», графъ Потоцкій, накинувъ на себя халатъ, надѣлъ свой классическій свѣтлаго цвѣта цилиндръ на голову, закурилъ крѣпкую американскую сигару и расположился на балконѣ, опираясь на перила и сверху разсматривая государя и сопровождавшую свиту, находившуюся у его ногъ. Былъ вѣтеръ, который дулъ прямо съ крыши гостинницы на государя и свиту. Ѣдкій дымъ американской сигары прямо несся въ носъ и глаза Николая Павловича. Государь оглянулся во всѣ стороны, ища дерзкаго, осмѣлившагося курить подлѣ него. Оглянулся государь разъ, оглянулся нетерпѣливо другой, наконецъ взглянулъ наверхъ.

—Это что за мерзавецъ?—указалъ онъ на Потоцкаго Бибикову.

Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ:

—Это, ваше величество, владѣлецъ Тульчина, графъ Потоцкій. Онъ не повинуется закону, не признаетъ надъ собою никакой власти.

—Посадить его, какъ онъ есть сейчасъ, въ крѣпость!—повелѣлъ государь.

Бибиковъ распорядился. Засуетились жандармы и Потоцкаго въ халатѣ, въ открытыхъ дрожкахъ, жандармъ повезъ въ крѣпость.

Государь послѣ смотра посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, университетъ, университетскую оранжерею, госпиталь и Софійскій соборъ. Посѣтилъ государь и мощи святой Варвары въ Михайловскомъ монастырѣ и духовную академію при Братскомъ монастырѣ на Подолѣ *) и, наконецъ, съ шефомъ жандармовъ, графомъ Орловымъ, отправился на обѣдъ къ генералъ-губернатору. При подъемѣ на лѣстницу государь встрѣтилъ необыкновенную красавицу въ роскошномъ костюмѣ, стоявшую на колѣняхъ и державшую въ протянутой рукѣ прошеніе. Государь спросилъ Бибикова.

—Кто это?

—Это несчастная жена того графа Потоцкаго, котораго ваше величество повелѣли во время смотра отправить въ крѣпость. Она ищетъ у вашего величества защиты

*) Это невѣрно; государь не былъ въ академіи.

отъ своего изверга-мужа, который покусился на ея личную свободу и покушается на жизнь ея и ея ребенка, своего сына.

Государь принялъ прошеніе, собственноручно поднялъ съ колѣнъ графиню Потоцкую и далъ ей царское слово, что серьезно разсмотритъ ея жалобу. Послѣ обѣда государь, разсмотрѣвъ съ Бибиковымъ и Орловымъ прошеніе графини, повелѣлъ немедленно сослать графа Потоцкаго на жительство въ одинъ изъ восточныхъ городовъ, надъ имѣніемъ его учредить администрацію и строжайше изслѣдовать всѣ преступленія графа, а о послѣдствіяхъ ему донести.

По выѣздѣ государя изъ Кіева увезли и графа Потоцкаго, не помню, куда именно, въ Астрахань или Пермь. Женѣ и ребенку было назначено съ доходовъ огромное содержаніе. Вскорѣ графъ Потоцкій сталъ просить объ отпускѣ за границу для поправленія здоровья, но ему отказали, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ запретилъ разъ навсегда ходатайствовать передъ нимъ о смягченіи участи Потоцкаго. Лишь спустя нѣсколько лѣтъ, по ходатайству министра двора графа Адлерберга, го-

сударь разрѣшилъ Потоцкому продать его имѣнія и выѣхать заграницу».

Въ томъ-же 1845 году, 25 сентября, императоръ Николай Павловичъ опять посѣтилъ Кіевъ, на этотъ разъ только проѣздомъ, послѣ осмотра военныхъ поселеній въ Херсонской и Харьковской губерніяхъ *). Государь прибылъ въ Кіевъ въ $9^1/_2$ часовъ утра, какъ всегда, не заѣзжая на квартиру, прямо въ лавру, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ съ братіей. Изъ лавры онъ отправился осматривать крѣпостныя сооруженія, а затѣмъ по Александровской Печерской, нынѣ Никольской улицѣ, прослѣдовалъ въ домъ военнаго губернатора. Въ тотъ-же день онъ посѣтилъ Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь, Андреевскую церковь и университетъ, а въ 3 часа выѣхалъ изъ Кіева для слѣдованія въ дальнѣйшій путь по житомирскому тракту.

Слѣдующій пріѣздъ императора Николая Павловича въ Кіевъ состоялся въ 1847 году, 8 сентября **). Согласно сдѣланному пред-

*) Лаврскій архивъ. Дѣла о высочайшихъ посѣщеніяхъ.

**) Ibidem.

варительному оповѣщенію, прибытіе государя предполагалось къ 6 часамъ вечера, но совершенно неожиданно онъ пріѣхалъ рано утромъ, около 6 часовъ. Подъѣхавъ къ святымъ лаврскимъ вратамъ, Николай Павловичъ вышелъ изъ экипажа и направился съ сопровождавшимъ его генералъ-адъютантомъ Орловымъ къ великой церкви. Двери послѣдней оказались по случаю ранняго времени запертыми. Обширный дворъ лаврскій и особенно преддверіе церкви были переполнены спящими богомольцами, пришедшими сюда во множествѣ по случаю наступившаго большого праздника Рождества Богородицы. Государь остановился передъ церковью, разсматривалъ нѣкоторое время изображенія святыхъ при входѣ въ храмъ и читалъ начертанные золотыми буквами по обѣимъ сторонамъ церковныхъ дверей тропарь и кондакъ храмовому празднику лаврскому, Успенію Богородицы. Вскорѣ во дворѣ показался монахъ. Государь окликнулъ его. Оказалось, что это былъ іеродіаконъ, шедшій служить раннюю обѣдню въ церковь при митрополичьихъ покояхъ. Государь спросилъ его о времени служенія въ лаврѣ раннихъ и позднихъ литургій и

потребовалъ отворить церковныя двери. Войдя туда, онъ приложился по обычаю къ св. мощамъ и иконамъ и уже собирался оставить церковь, когда явился извѣщенный о царскомъ прибытіи намѣстникъ лавры, архимандритъ Лаврентій. По пути къ святымъ вратамъ государь сказалъ ему:

—Доложите преосвященному митрополиту, если ему угодно, пусть встрѣтитъ меня въ Софійскомъ соборѣ въ часъ.

Пріѣзда государя, по случаю очень ранняго времени, не замѣтилъ почти никто, ни изъ монастырской братіи, ни изъ жителей Печерска.

Изъ лавры государь прослѣдовалъ на свою обычную квартиру въ домѣ военнаго губернатора.

Въ часъ дня Николай Павловичъ былъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ его ожидалъ митрополитъ и гдѣ на этотъ разъ произошла первая торжественная встрѣча. Изъ Софійскаго собора онъ проѣхалъ въ Михайловскій монастырь; тутъ встрѣчалъ викарій, епископъ чигиринскій Аполлинарій, съ монастырскою братіей. Затѣмъ ѣздилъ по городу, осматривалъ строющееся зданіе

2-й (губернской) гимназіи *), утвердилъ на Старомъ Кіевѣ новую (нынѣ Софійскую) площадь и мѣсто для присутственныхъ мѣстъ и отправился осматривать арсеналъ.

9 сентября, во вторникъ, въ 10 часовъ утра государь, въ сопровожденіи фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Паскевича и генералъ-адъютанта Орлова, прибылъ въ лавру для слушанія литургіи. Послѣ обѣдни состоялся въ высочайшемъ присутствіи смотръ войскамъ на площади передъ крѣпостью (Эспланадной). Подъ вечеръ государь посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ и осматривалъ работы по укрѣпленію откосовъ Александровской горы.

10-го государь объѣзжалъ мѣстности при спускахъ къ Днѣпру, гдѣ предполагалась постройка постояннаго моста, посѣтилъ крѣпостныя работы, въ часъ пополудни былъ въ госпиталѣ, а затѣмъ въ университетѣ, гдѣ студенты были собраны въ полной парадной формѣ съ 8 часовъ утра. Въ университетѣ на этотъ разъ все обошлось благополучно; государь осматривалъ между прочимъ незадолго предъ тѣмъ

*) Въ этомъ зданіи, по его возведеніи, помѣстили не 2-ю, а 1-ю гимназію.

учрежденный ботанический садъ и оранжерею. Затѣмъ онъ проѣхалъ на Шулявщину, гдѣ выбралъ мѣсто для постройки зданія кадетскаго корпуса; въ 6 часовъ вечера осматривалъ пѣхотные бараки и мѣстность противъ нихъ.

11-го государь посѣтилъ утромъ саперный лагерь близъ Кіева, потомъ осматривалъ казармы военныхъ кантонистовъ, а въ 12 часовъ дня, собираясь въ этотъ день уѣзжать изъ Кіева, прибылъ для напутственныхъ молитвъ въ лавру. Послѣ обычнаго молебствія, митрополитъ направился провожать государя до святыхъ вратъ, но шелъ дождь, и Николай Павловичъ, не желая подвергать престарѣлаго святителя опасности простудиться, милостиво простился съ нимъ въ церкви и вышелъ оттуда въ сопровожденіи фельдмаршала Паскевича, генералъ-губернатора, комендантa и графа Орлова. Въ 4 часа пополудни Государь выѣхалъ въ Елисаветградъ.

Къ посѣщенію 1847 года относится слѣдующій разсказъ Д. Г. Бибикова въ изложеніи княжны В. Н. Репниной *).

*) „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 1006.

«Послѣдній разъ, когда государь былъ въ Кіевѣ, онъ останавливался въ моемъ домѣ и занималъ его главный этажъ. Я долженъ былъ ѣхать съ нимъ осматривать одно изъ учебныхъ заведеній. Только что мы вышли съ государемъ изъ дома, чтобы сѣсть въ поданную коляску, какъ ему бросилась въ ноги молодая дѣвушка, рыдая и прося помилованія матери, сосланной въ Березовъ, и въ истерикѣ упала подъ самую коляску. Государь поспѣшно вернулся въ домъ. Поручивъ молодую дѣвушку попеченію стоявшихъ тутъ, я также вошелъ въ домъ и прямо въ свой кабинетъ, гдѣ къ моему удивленію засталъ государя, стоящаго лицомъ къ окну. Я спросилъ его:

—Что вы тутъ дѣлаете, государь?

Государь быстро повернулся ко мнѣ; лицо его было орошено слезами. Онъ сказалъ съ волненіемъ:

—Скажи, скажи мнѣ, можно-ли ее простить?

Я отвѣчалъ, что можно, но что по моему мнѣнію, лучше для этого дождаться дня его ангела».

Въ 1850 году, 21 сентября, въ 3 часу пополудни, Кіевъ снова удостоился высо-

чайшаго посѣщенія. Государь, по обычаю, слѣдовалъ съ дороги въ лавру, гдѣ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ съ братіей. Изъ лавры Николай Павловичъ прошелъ въ арсеналъ, а оттуда отправился на квартиру.

На слѣдующій день, 22 числа, государь посѣтилъ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь. Въ 12 часовъ былъ смотръ войскамъ, которыя, какъ гласитъ оффиціальный отчетъ, были найдены въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи. Подъ вечеръ государь осматривалъ баталіоны военныхъ кантонистовъ, крѣпость и военный госпиталь.

23 числа въ 10 часу утра состоялся въ высочайшемъ присутствіи смотръ кіевскому внутреннему гарнизонному баталіону, который также «былъ найденъ въ отличномъ состояніи». Затѣмъ государь былъ занятъ выборомъ людей въ гвардію, послѣ чего осматривалъ вторую гимназію, университетъ, мѣсто, гдѣ тогда возводилось громадное зданіе кадетскаго корпуса, строившееся набережное шоссе и цѣпной мостъ, тоже уже начатый постройкой.

24 сентября былъ воскресный день.

Утромъ Николай Павловичъ слушалъ въ лаврѣ литургію, которую служилъ митрополитъ. По окончаніи обѣдни, государь милостиво бесѣдовалъ съ митрополитомъ и между прочимъ въ разговорѣ сказалъ:

—Служеніе ваше прекрасное; только прикажите діаконамъ не горланить.

Нужно замѣтить, что въ ту пору въ лаврѣ перводіакономъ былъ Антоній, и до сихъ поръ, вѣроятно, памятный многимъ кіевскимъ старожиламъ. Голосъ у Антонія былъ громовой, но нѣсколько рѣзкій. Про Антонія острили, что провозглашенное имъ въ лаврѣ многолѣтіе было слышно однажды на высочайшемъ смотру войскъ въ Бѣлой Церкви. Конечно, въ царскомъ присутствіи Антоній особенно постарался отличиться своимъ голосомъ, но рѣзкій тембръ его, какъ мы видѣли, не понравился государю. Чтобы предупредить повтореніе подобнаго случая на будущее время, митрополитъ сдѣлалъ духовному собору лавры предписаніе слѣдующаго содержанія: «Государь императоръ въ высочайшемъ присутствіи при совершеніи божественной литургіи 24 сентября изволилъ изъявить всемилостивѣйшее одобреніе соборнаго служенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его

величество, замѣтивъ весьма неприличный крикъ перводіакона Антонія, изволилъ приказать мнѣ удерживать вообще діаконовъ отъ неумѣреннаго возвышенія голоса при священнодѣйствіи. Духовный соборъ лавры имѣетъ объявить іеродіакопамъ сію высочайшую волю къ должному и непремѣнному исполненію». Вслѣдствіе такого предписанія митрополита, со всѣхъ іеродіаконовъ лавры взята подписка не возвышать при священнослуженіи голоса.

Послѣ посѣщенія лавры, государь Николай Павловичъ былъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и осматривалъ Подолъ.

25 сентября въ 10¼ часовъ государь съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами (великіе князья прибыли въ Кіевъ еще до пріѣзда государя, 18 сентября) пріѣхалъ для напутственныхъ молитвъ въ лавру. Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ и получивъ благословеніе отъ митрополита, государь вышелъ за святыя врата и въ половинѣ одиннадцатаго отбылъ въ Бѣлую Церковь. Государь поѣхалъ въ одной коляскѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, а Михаилъ Павло-

вичъ въ другой съ графомъ Орловымъ*).

Какъ кажется, къ посѣщенію 1850 года относится слѣдующій разсказъ умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсѣдателя кіевской археографической комиссіи М. В. Юзефовича, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г. (стр. 1007).

«Не помню, въ которомъ году, во время бытности въ Кіевѣ государя, генералъ-губернаторъ получилъ отъ намѣстника Галиціи графа Стадіона увѣдомленіе объ открытіи имъ слѣдовъ тайнаго общества, вѣтви котораго проникали и въ наши западныя области. Стадіонъ просилъ однакожъ преслѣдовать это дѣло тайно, потому что австрійское правительство рѣшило дать время обществу какъ можно болѣе развиться и привлечь къ себѣ какъ можно болѣе людей злонамѣренныхъ, чтобы потомъ разомъ покончить съ ними. Генералъ-губернаторъ доложилъ государю. Государь вскричалъ:

---

*) О пріѣздѣ 1850 года см. въ лаврскомъ архивѣ дѣла о высочайшихъ посѣщеніяхъ и „Кіевскія Губернскія Вѣдомости" 1850 г., № 42. Любопытно, что мѣстныя Губернскія Вѣдомости, основанныя еще въ 1838 году, до 1850 г. совершенно игнорируютъ такія важныя для города событія, какъ высочайшія посѣщенія.

—Боже тебя сохрани держаться этой подлой политики. Уничтожай зло въ самомъ началѣ, а не старайся увеличивать число жертвъ».

Съ тѣмъ же посѣщеніемъ 1850 года связанъ и другой любопытный разсказъ, заимствованный нами изъ «Историческаго Вѣстника» (1885, II, 359—361):

«Во время политическихъ волненій въ Австріи, въ 1848—1849 гг., дежурный штабъ-офицеръ управленія кіевскаго генералъ-губернатора, майоръ Михаилъ Дмитріевичъ Поздняковъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Бибикова неоднократно былъ командируемъ по дѣламъ службы на австрійскую границу.

Въ одну изъ такихъ командировокъ городничій представилъ ему заарестованнаго имъ страннаго арестанта. Это былъ приличный на видъ старикъ, съ длинною сѣдою бородой и отпущенными чуть не до плечъ волосами, въ пенснэ, въ ветхомъ крестьянскомъ армякѣ, въ карманѣ котораго найдена книга на англійскомъ языкѣ: Король Лиръ, Шекспира. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого вида и при допросѣ назвался бродягой, непомнящимъ родства.

На всѣ просьбы майора Поздняка открыть свое званіе и положеніе, старикъ отвѣчалъ отказомъ и просилъ въ видѣ особой милости отправить его въ Кіевъ, къ генералъ-губернатору, которому онъ откроетъ, кто онъ такой и съ какими намѣреніями сюда прибылъ.

Испросивъ разрѣшеніе, дежурный штабъ-офицеръ доставилъ старика въ Кіевъ и представилъ генералъ-адъютанту Бибикову. Бибиковъ обратился къ старику съ вопросомъ:

—Кто вы такой?

—Простите, ваше высокопревосходительство, если я вамъ не отвѣчу на вашъ вопросъ въ присутствіи постороннняго лица,— отвѣчалъ старикъ, намекая на присутствіе при свиданіи Поздняка.

Бибиковъ гордо возразилъ на это:

—У меня нѣтъ секретовъ отъ моего дежурнаго штабъ-офицера, отвѣчайте на мой вопросъ!

—Я Тизенгаузенъ.

—Какъ Тизенгаузенъ?—воскликнулъ Дмитрій Гавриловичъ, отступая въ изумленіи,— декабристъ?

—Да, декабристъ! Не вѣришь? Ощупай на

затылкѣ шрамъ отъ раны, полученной въ двѣнадцатомъ году въ сраженіи, гдѣ и ты участвовалъ.

Бибиковъ коснулся рукою головы старика и, удостовѣрившись въ справедливости его словъ, обнялъ и расцѣловалъ.

—Фома невѣрный! сказалъ, покачавъ головой, Тизенгаузенъ. Ну, что-жъ думаешь, —продолжалъ онъ,—отправляй въ тюрьму, закуй и бей кнутомъ, вѣдь я бѣглый каторжникъ.

—Садись-ка лучше вотъ здѣсь, со мною, на диванъ, любезный другъ,—успокаивалъ старика Дмитрій Гавриловичъ,—и разскажи, какими судьбами ты очутился здѣсь?

—Соскучился, тоска изгрызла сердце и душу изсушила... Вѣдь двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы уже тамъ... Пойми, терпѣнія не хватило, хотѣлось дѣтей увидѣть, а тамъ, что будетъ. Собрался и пошелъ... Что было, не спрашивай, хорошаго немного, вѣдь дочери мои, ты знаешь, при дворѣ, принять боялись, хоть видѣлъ я ихъ мелькомъ, невзначай... Узналъ, что имъ нехудо, рукой махнулъ, ну и пошелъ, пошелъ... Куда-жъ идти, какъ не къ тебѣ, товарищъ старый, родственникъ и другъ.

Прими и сдѣлай, что тебѣ Господь на умъ положитъ. Въ руки твои отдаю судьбу мою. казни иль милуй, мнѣ все равно, вѣдь жить осталось не долго.

—Но что мнѣ съ тобою дѣлать, что мнѣ съ тобою дѣлать, другъ,—повторялъ въ раздумьи Бибиковъ,—просить царя? Но, бѣжавъ изъ Сибири, ты совершилъ снова преступленіе и снова подлежишь наказанію. Кто знаетъ, какъ взглянетъ государь на это, тѣмъ болѣе, что онъ о васъ не хочетъ даже слышать. Лучше, я думаю, дождаться его пріѣзда сюда; здѣсь я лично могу просить его за тебя, а до того времени ты будешь жить у моего дежурнаго штабъ-офицера, ко мнѣ-же приходи по вечерамъ. Только знай, что передъ самымъ пріѣздомъ государя я долженъ буду посадить тебя въ крѣпость.

Тизенгаузенъ отъ всей души поблагодарилъ Бибикова, и старые друзья долго бесѣдовали, вспоминая о прошломъ, одинаково близкомъ обоимъ, о капризныхъ ударахъ судьбы, разъединившихъ ихъ такъ жестоко.

Спустя нѣсколько времени, императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Кіевъ.

Осмотрѣвъ войска и городъ, государь принялъ обѣдъ у генералъ-губернатора. Избравъ минуту, когда государь находился въ милостивомъ настроеніи духа, Бибиковъ разсказалъ ему о побѣгѣ и прибытіи въ Кіевъ Гизенгаузена и сталъ просить его о помилованіи старика.

—Развѣ ты не знаешь, что я запретилъ просить о помилованіи декабристовъ?—возразилъ гнѣвно монархъ.

—Государь,—сказалъ Бибиковъ,—я осмѣливаюсь просить васъ вопреки прямому вашему запрещенію и прошу потому, что бѣглый декабристъ—мой родственникъ. Я обѣщалъ ему ваше помилованіе, и если онъ недостоинъ его, то накажите меня, злоупотребившаго вашимъ именемъ. Руку мою я потерялъ за царя и отечество, а теперь преклоняю мою голову предъ вами, дѣлайте съ нею, что хотите. Я виноватъ, велите снять ее, но я дѣйствовалъ вашимъ именемъ, зная, что вы и въ гнѣвѣ справедливы и милостивы.

—Нѣтъ, Дмитрій Гавриловичъ, такую голову не снимаютъ, а цѣлуютъ,—сказалъ государь и поцѣловалъ его,—пусть будетъ по твоему. Если ты обѣщалъ ему помило-

ваніе моимъ именемъ, то пусть онъ и будетъ помилованъ! Завтра ты мнѣ покажешь его, гдѣ онъ у тебя.

—Въ крѣпости, государь.

—Ну, и прекрасно, въ крѣпости я и увижу его,—сказалъ, развеселившись, Николай Павловичъ,—а теперь пойдемъ къ хозяйкѣ.

На другой день императоръ, осматривая крѣпость, подошелъ къ каземату, гдѣ временно былъ помѣщенъ Тизенгаузенъ, взглянулъ на него въ отворенную дверь и, покачавъ головою, промолвилъ:

—Несчастный.

Выходя-же изъ каземата, спросилъ Бибикова:

—А что, никто объ немъ не знаетъ здѣсь?

Бибиковъ отвѣчалъ:

—Никто не знаетъ, ваше величество, кромѣ меня и дежурнаго штабъ-офицера.

—Смотри-же, чтобы и впредь никто не зналъ о немъ,—сказалъ вполголоса государь.

Бибиковъ молча поклонился.

По отъѣздѣ Николая Павловича, Тизенгаузенъ поселился въ Кіевѣ и жилъ на

средства Бибикова въ скромной квартиркѣ надъ Днѣпромъ, никому неизвѣстный, даже полиціи, которой было сообщено, что ему дозволяется жить, не объявляя своего имени. Спустя два года онъ умеръ на берегу Днѣпра съ англійской газетой въ рукахъ, взятой наканунѣ у генералъ-губернатора».

Въ слѣдующемъ 1851 году императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами 13 сентября, въ четвергъ, въ 7 часовъ вечера *). Такъ какъ было уже темно, и притомъ государь на этотъ разъ слѣдовалъ по житомирскому тракту (изъ Луцка), то заѣзжать въ лавру ему было поздно и не по дорогѣ, и онъ проѣхалъ прямо на квартиру, въ домъ военнаго губернатора.

На слѣдующій день, 14 сентября, по случаю праздника Воздвиженія, высокіе путешественники слушали въ лаврѣ литургію, совершенную митрополитомъ Филаретомъ. Затѣмъ, въ $10^{3}/_{4}$ часовъ былъ смотръ войскамъ на Эспланадной площади, откуда государь прослѣдовалъ въ Софійскій со-

*) Лаврскій архивъ, дѣло 2561.

боръ, гдѣ осматривалъ возобновленныя фрески, вновь вызолоченный иконостасъ и прочія работы. Объ этомъ посѣщеніи Софійскаго собора мы имѣли уже случай упоминать подробнѣе, излагая исторію открытія фресокъ. Изъ Софійскаго собора государь отправился въ Михайловскій монастырь, а затѣмъ осматривалъ городъ, вновь возводимыя крѣпостныя и другія постройки и арсеналъ.

15 сентября государь съ великими князьями выѣхалъ въ 12 часовъ дня на смотръ войскамъ въ Елисаветградъ.

19 числа, въ 12 часовъ дня, Николай Павловичъ вернулся въ Кіевъ одинъ, безъ великихъ князей. Въ $2^1/_2$ часа пополудни, въ сопровожденіи генералъ-губернатора и военныхъ инженеровъ, онъ осматривалъ крѣпостныя работы и отъ новыхъ, нынѣ Никольскихъ, воротъ прошелъ пѣшкомъ черезъ дворъ инженерной команды и мимо лаврскихъ конюшенъ, помѣщавшихся тогда подлѣ Никольскаго монастыря (такъ наз. малаго Николая), въ военный соборъ (большого Николая). Осмотрѣвъ соборъ, государь сказалъ встрѣчавшему его настоятелю:

—Хорошій соборъ, надобно его возобновить.

Затѣмъ, указавъ на почернѣвшій отъ времени иконостасъ, спросилъ, кто его строилъ, на что протоіерей отвѣчалъ:

—Гетманъ Мазепа, ваше величество, въ 1690 году.

Государь сказалъ:—Здѣсь его проклинаютъ, здѣсь-же за него и молятся, дабы Богъ простилъ его.

Потомъ, замѣтивъ протоіерею, что въ соборѣ на стѣнахъ находятся иконы, и народъ стоитъ къ нимъ тыломъ, велѣлъ снять ихъ оттуда и поставить ближе къ иконостасу и въ алтарѣ.

Изъ военнаго собора государь направился къ Аскольдовой могилѣ, которая по предположеніямъ мѣстнаго начальства, предназначалась къ срытію, такъ какъ чрезъ это мѣсто должны были проводить шоссейный спускъ къ мосту. Государь приказалъ провести шоссе мимо Аскольдовой могилы, сохранивъ существующее кладбище, изъ котораго начали было уже вывозить покойниковъ. Затѣмъ Николай Павловичъ продолжалъ осмотръ крѣпости и цитадели до половины четвертаго, когда отправился на квартиру.

20 сентября, въ $9^1/_2$ часовъ утра, го-

сударь неожиданно посѣтилъ лавру и безъ всякой встрѣчи вошелъ въ соборную церковь, гдѣ шла литургія и пѣли «Достойно есть». Къ окончанію литургіи явился въ церковь митрополитъ. Послѣ обычныхъ напутственныхъ молитвъ, государь, устранивъ торжественныя проводы отъ церкви до святыхъ вратъ, принялъ благословеніе отъ митрополита и отправился въ дальнѣйшій путь въ Петербургъ. По пути онъ осматривалъ строившійся въ то время цѣпной мостъ.

Въ 1852 году императоръ Николай Павловичъ послѣдній разъ посѣтилъ дорогой его сердцу Кіевъ, незадолго до начала войны съ Турціей, приведшей къ несчастной Крымской кампаніи, уложившей государя въ безвременную могилу. Николай Павловичъ прибылъ въ Кіевъ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. 5 октября, въ воскресенье, въ 11 часовъ утра по тракту изъ Николаева. Въ часъ пополудни государь былъ въ лаврѣ, затѣмъ посѣтилъ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь.

На слѣдующій день, выѣзжая изъ Кіева, Николай Павловичъ былъ снова въ лаврѣ,

гдѣ со слезами прощался съ митрополитомъ, какъ-бы въ предчувствіи, что въ послѣдній разъ видится съ нимъ.

—Желаю вамъ еще много лѣтъ служить, сказалъ государь престарѣлому владыкѣ Филарету на прощаніе. Въ 4 часа пополудни государь выѣхалъ въ Москву.

Къ одному изъ посѣщеній Николаемъ Павловичемъ Кіева относится любопытное воспоминаніе отставного военнаго фельдшера Я. П. Л—ко, записанное г. Лоначевскимъ и помѣщенное въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1887 года (III, 671—675). Разсказъ Л—ко врядъ-ли достовѣренъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; весьма возможно, что память измѣняла старому николаевскому служакѣ и онъ припуталъ въ своемъ разсказѣ къ тому, что было на самомъ дѣлѣ и кое-что слышанное въ другомъ мѣстѣ. Но для насъ этотъ разсказъ-преданіе интересенъ тѣмъ, что онъ живо рисуетъ, какъ самого императора Николая, такъ и тѣ злоупотребленія, которыя такъ часто и обильно совершались отъ его имени, съ которыми онъ энергично, но почти безплодно боролся всю свою жизнь и которыя набросили темныя пятна на свѣтлыя стороны его царствованія.

«Въ старину», разсказываетъ Л—ко, «въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ были совсѣмъ не тѣ порядки; не то что казеннаго добра не щадили:—у царя молъ много денегъ,—какъ разсуждали тогда, и тысячами загребали въ свои карманы казенныя денежки, а и солдатскимъ грошемъ не брезгали, ото рта больныхъ урывали... И все это у нихъ было шито-крыто, одинъ другого бережетъ и покрываетъ, потому извѣстно, всѣ однимъ муромъ мазаны.

Много-ли, долго-ли такія дѣла творились, только и попадись въ госпиталь какой-то докторишка, самая, знаете, что ни на есть мелюзга. Назначили его какимъ-то, какъ говорится, исправляющимъ должность наимладшаго помощника при самомъ младшемъ докторѣ. Послужилъ онъ тамъ нѣкоторое время, потрудился, а на такихъ, знаете, всегда взваливаютъ наибольше работы. Скоро онъ до подлинности разузналъ всѣ эти ихніе порядки, и какъ только разузналъ, такъ и возмутился: «я», говоритъ «не могу, я царю присягалъ». И все, знаете, въ такомъ-же родѣ. Стали его урезонивать, да научать въ свою науку. А онъ ничего этого не принимаетъ, да все свое: «я», говоритъ,

не могу, я царю присягалъ». Тогда посмѣялись надъ нимъ и сказали: «коли не можешь, такъ и не надо». Вскорѣ послѣ этого они его и сплавили, это у нихъ дѣлалось живо. Вотъ этотъ самый докторишка на свободѣ и описалъ все, что только творится въ госпиталѣ, до наименьшихъ подробностей описалъ. Не знаю уже какими путями, только это его описаніе и дошло до государя, до самого императора Николая Павловича. А государь въ это время собирался въ Кіевъ; такъ онъ никому ничего не сказалъ и держалъ все въ величайшей тайнѣ; хотѣлъ самъ все провѣрить, ни на кого не полагаясь.

Пріѣзжаетъ это государь въ Кіевъ. Вездѣ, во всѣхъ учрежденіяхъ приготовляются; всѣ трепещутъ; покойникъ, знаете, строгъ былъ ко всѣмъ этимъ неправдамъ. Такъ вотъ вездѣ и пошла такая чистка и переборка, что упаси Господи! Извѣстно, трепещутъ.

Больше всего было этой чистки въ госпиталѣ. Подкатилъ сюда государь. А здѣсь уже все такъ вычистили, что одинъ блескъ. Подъѣхалъ. Тротуары всѣ бѣлымъ песочкомъ высыпаны, двери настежь, предъ дверью все начальство тоже блеститъ, вытянулось

въ струнку, и не шевелится ни одинъ. Старшій докторъ подлетѣлъ съ рапортомъ. Государь выслушалъ молча, смотритъ на генерала такъ серьезно, строго. Затѣмъ вошелъ въ переднюю дверь и пошелъ по коридору, минуя всѣ двери, все прямо, прямо, да тамъ уже въ концѣ была лѣстница, а подъ лѣстницей чуланъ, запертый на ключъ. Государь остановился.

—Что здѣсь?—спросилъ.

Ему что-то тамъ лепечутъ.

—Отпереть.

Всѣ такъ и похолодѣли. Ищутъ ключа, да никто не вспомнитъ, у кого и гдѣ ключъ отъ чулана.

—Ну! молвилъ государь и бровью двинулъ.

Такъ сразу у всѣхъ и память явилась, вспомнили, у кого и гдѣ ключъ, мигомъ отперли. А тамъ было навалено кучами платье и бѣлье, въ которомъ обыкновенно держали больныхъ. Для ревизіи, знаете, у нихъ было все, какъ слѣдуетъ быть, хорошее и исправное. Къ пріѣзду государя все это повынимали изъ шкафовъ, а въ чуланъ свалили все, въ чемъ больные были обыкновенно.

Какъ посмотрѣлъ государь въ чуланъ...

—Что это?

Всѣ такъ и замерли,—лепечутъ:

—Обноски, грязное бѣлье...

А тамъ все это такое грязное, рваное, словомъ, одна мерзость.

—Когда это сняли?

—Позавчера... отвѣчаютъ.

Такъ сразу и признались. Покойному государю, коли онъ бывалъ въ грозѣ, никто не могъ солгать. Такая у него ужъ сила была, и въ глазахъ, и въ голосѣ такая сила: глаза были строгіе, строгіе, голосъ такой былъ могучій! Противъ своей волп повинишься, хоть-бы потомъ за это и на висѣлицу. Самолично осмотрѣлъ государь весь тотъ хламъ въ чуланѣ, а тамъ всякой этой нечисти, грязи! Осмотрѣлъ и хоть-бы слово! всѣ еще пуще ужаснулись: ужъ коли молчитъ, такъ быть грозѣ великой.

Приказалъ вести себя въ аптеку.

А тамъ-то всѣ эти бутылочки, ящички, ярлычки, просто заглядѣніе одно! И не посмотрѣлъ, а потребовалъ аптечныя книги. Подали.

—Покажите, сколько въ наличности хины.

Показали въ книгахъ итоги, а тамъ всѣ эти цифры выведены четко да красиво.

—Покажите хину.

Посмотрѣлъ, взялъ на ладонь, растеръ пальцами, попробовалъ на языкъ и процѣдилъ сквозь зубы:

—Не слишкомъ-же горька ваша хина

Всѣ и помертвѣли. А тамъ была не хина, а такъ какая-то дрянь, которую давали вмѣсто хины.

Изъ аптеки идетъ въ палаты къ больнымъ, и всѣ за нимъ, блѣдные такіе, какъ будто приговоренные уже. Всѣ больные въ чистомъ бѣльѣ, лежатъ на чистыхъ постеляхъ, какъ куколки; а которые выздоравливающіе, вытянулись въ струнку... Государь прошелъ и не взглянулъ, только уже у послѣдней койки вдругъ остановился. Тамъ стоялъ выздоравливающій. Государь къ нему и, говоритъ:

—Раздѣнься.

Тотъ раздѣлся и сталъ голый во фронтъ. А у него все тѣло исцарапано. Государь спросилъ:

—Вши искусали?

—Точно такъ, ваше императорское величество, такъ и отрапортовалъ.

—Когда чистое бѣлье надѣлъ?

—Третьяго дня, ваше императорское величество.

—А въ томъ долго былъ?

—Съ мѣсяцъ будетъ, в. и. в.

Государь ни слова, и не взглянулъ ни на кого, пошелъ дальше. А госпитальные то всѣ, что на смерть приговоренные, что на пороховомъ ящикѣ, коли огонь подкладываютъ: вотъ-вотъ взорветъ, и всему конецъ. Когда-бы хоть взрывало скорѣй, такъ нѣтъ, государь ходитъ не спѣша и все молчитъ; только видъ у него, знаете, такой строгій, строгій.

Вошли въ кухню. Тамъ тоже чистота и порядокъ во всемъ. Дѣло было къ обѣду. Все изготовили, что есть наилучшаго: супъ куриный для трудныхъ, хлѣбъ бѣлый, хлѣбъ черный, все хоть на выставку. Но ужъ видно пошло имъ на несчастье. Взялъ государь бѣлый хлѣбъ и разломалъ пополамъ. А тамъ таракапъ!.. Этакій, знаете, тараканище въ одной половинкѣ такъ и черпѣетъ весь. Государь строго взглянулъ на старшаго доктора, тотъ и онѣмѣлъ. Государь ткнулъ ему въ руки половинку съ тараканомъ и спросилъ:

—А это что?

А тотъ ни гласу ни послушанія; и глазами ужъ не хлопаетъ, а такъ въ безмыс-

лін пребываетъ. Государь смотритъ на него строго и ждетъ отвѣта. Старшій докторъ эту самую половинку и сунулъ въ руки помощнику своему; впалъ, знаете, въ полное безсмысліе. Помощникъ, какъ только увидѣлъ въ своихъ рукахъ таракана, такъ и самъ вдругъ задрожалъ и впалъ въ безсмысліе, да и сунулъ эту половинку хлѣба третьему, кто тамъ былъ у нихъ помладше. Третій, чуть только попалъ къ нему въ руки проклятый таракашъ, тоже задрожалъ и впалъ въ безсмысліе. Только и ходитъ тараканъ изъ рукъ въ руки, и всѣ отъ него, какъ шальные дѣлаются.

Государь Николай Павловичъ, видя такое ихъ всѣхъ безсмысліе и безгласіе, чего онъ терпѣть не могъ, поморщилъ лобъ и грянулъ:

—Да что же это такое?!

Всѣ такъ и окаменѣли, просто истуканами подѣлались, и не дышетъ никто, и сердце ужъ не бьется.

Но тутъ неожиданно вышелъ необычайный случай.

Въ кухнѣ былъ тамъ одинъ отставной фельдфебель, что порціи раздавалъ; этакій мущина могучій, огромный, усищи сѣдые,

вся грудь въ крестахъ, въ медаляхъ всякихъ, на лбу шрамъ отъ турецкой сабли. Такъ вотъ, когда тараканъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, отъ старшаго къ младшему, такъ попалъ послѣ всѣхъ и къ этому фельдфебелю. Государь въ это самое время и спросилъ:

—Да что-же это такое?!

Вотъ фельдфебель тотчасъ и отчеканилъ:

—Изюмъ, ваше императорское величество!

Да съ этими словами выковырнулъ пальцемъ таракана и прямо себѣ въ ротъ. Только и видѣли, какъ тараканъ мелькнулъ у всѣхъ передъ глазами, только и слышали, какъ тараканъ затрещалъ на зубахъ у фельдфебеля. Самъ государь Николай Павловичъ пришелъ въ удивленіе отъ такой его смѣлости, посмотрѣлъ на него пристально и спрашиваетъ, да уже безъ грозы:

—Какой-же это изюмъ?

—Сладкій, ваше императорское величество, громко и отчетливо отрапортовалъ фельдфебель, проглотивъ изюмъ.

И что же вы думаете? Всѣ замѣтили, какъ гроза у государя стала проходить. Вскорѣ послѣ этого онъ вышелъ садиться въ экипажъ. Начальство выстроилось на

улицѣ, ждетъ своей участи. Государь посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ строго:

—Скверно, гадко!

Сѣлъ въ коляску и тогда спросилъ:

—А старикъ этотъ гдѣ?

—Я здѣсь, ваше императорское величество,—отвѣтилъ фельдфебель, выскакивая изъ-за начальническихъ спинъ.

—А ты у меня смотри,—сказалъ государь, погрозивъ пальцемъ,—смотри, чтобы впредь хлѣбъ былъ безъ сладкаго изюма: можетъ и повредить...

—Радъ стараться, ваше императорское величество!

Разсказываютъ еще, что послѣ этого государь потребовалъ къ себѣ и того докторишку и сказалъ ему царское спасибо, да еще прибавилъ и царское слово:

—Знай же и помни, что одинъ маленькій, честный человѣкъ въ силахъ ниспровергнуть въ прахъ сотню наибольшихъ негодяевъ».

Императоръ Александръ II.

VII.

Императоръ Александръ II пріѣзжалъ въ Кіевъ неоднократно еще при жизни своего державнаго родителя. Впервые цесаревичъ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Кіевъ въ 1837 году, совершая свое извѣстное образовательное путешествіе по Россіи, предпринятое имъ по мысли своего воспитателя В. А. Жуковскаго *).

Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ обставить путешествіе своего порфиророднаго первенца со всею пышностью и великолѣпіемъ, и церковныя встрѣчи наслѣднику цесаревичу было повелѣно устраи-

*) См. современное печатное „Извѣстіе" и „Дорожныя письма С. А. Юрьевича" въ „Русскомъ Архивѣ" (1887, II, 210).

вать такъ, какъ это дѣлается при встрѣчахъ самого государя. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода графъ Протасовъ, увѣдомляя объ этомъ митрополита Филарета, вмѣстѣ съ тѣмъ добавляетъ, что государю императору угодно было повелѣть ни въ какомъ случаѣ не утомлять цесаревича излишними церковными церемоніями, а для того, при проѣздѣ «не токмо ночью, но и днемъ не останавливать его высочество съ крестомъ, кромѣ только у такихъ монастырей, гдѣ хранятся предметы особаго богомолія».

5 октября 1837 года, въ 5 часовъ пополудни, давно ожидаемый августѣйшій путешественникъ прибылъ въ Кіевъ. У святыхъ вратъ лавры, куда онъ прежде всего направился, его встрѣтилъ митрополитъ Филаретъ со всей монастырской братіей. «Не мы одни», воскликнулъ владыка въ произнесенной имъ трогательной привѣтственной рѣчи, «не мы одни срѣтаемъ тебя на сихъ священныхъ мѣстахъ; соборъ многъ святыхъ подвижниковъ вѣры и благочестія, прославленныхъ отъ Бога нетлѣніемъ и чудесами, свыше призираетъ на тебя, первородный сыне царевъ». Приложившись въ

великой церкви лаврской къ св. иконамъ и мощамъ, высокій гость прослѣдовалъ на квартиру, въ домъ военнаго губернатора.

На слѣдующій день, 6 октября, наслѣдникъ цесаревичъ былъ разбуженъ рано утромъ фельдъегеремъ съ добрыми вѣстями отъ государя и императрицы, выѣхавшей 1 октября изъ Алупки. Государь благополучно совершилъ свое плаваніе по Черному морю, хотя не безъ бури, которая порядочно покачала царскій корабль. Императрица прислала великому князю въ подлинникѣ письмо государя. Великій князь цѣловалъ это письмо и благодарилъ Бога, что государь уже на сушѣ.

Въ 9 часовъ утра наслѣдникъ цесаревичъ былъ у обѣдни въ Софійскомъ соборѣ, по окончаніи которой осматривалъ ризницу, гробницу великаго князя Ярослава и прочія соборныя достопримѣчательности. Изъ Софійскаго собора онъ направился въ Михайловскій монастырь, гдѣ поклонился мощамъ св. великомученицы Варвары и благосклонно принялъ отъ настоятеля монастыря епископа чигиринскаго Иннокентія, извѣстнаго впослѣдствіи архіепископа херсонскаго, икону архистратига

Михаила и нѣсколько колецъ и крестовъ отъ гроба великомученицы Варвары. Затѣмъ на квартирѣ у великаго князя былъ пріемъ главнѣйшаго духовенства, генераловъ расположенныхъ въ Кіевѣ частей, высшихъ гражданскихъ чиновъ, дворянства и купечества. Послѣ пріема, наслѣдникъ цесаревичъ ѣздилъ осматривать богоугодныя заведенія, арсеналъ, незадолго передъ тѣмъ открытый военный госпиталь и выставку. На выставкѣ великій князь похвалилъ выставленныя кожи и сукна, но особенное его вниманіе привлекли сухое варенье кіевскаго издѣлія и превосходный фаянсъ Межигорской фабрики, бывшей тогда въ вѣдѣніи министерства императорскаго двора. Къ обѣденному столу было приглашено болѣе 50 особъ; вечеромъ состоялся балъ у военнаго губернатора графа Гурьева.

7 октября, въ 9-мъ часу утра, наслѣдникъ цесаревичъ опять посѣтилъ лавру. Прибывъ прямо къ митрополиту, въ его покои, великій князь удостоилъ архипастыря довольно продолжительной бесѣды и благосклонно принялъ отъ него нѣсколько книгъ лаврскаго изданія, касающихся житія святыхъ угодниковъ печерскихъ и исто-

ріи лавры. Затѣмъ, въ сопровожденіи митрополита онъ прошелъ въ соборную церковь, гдѣ осматривалъ богатую лаврскую ризницу и другія достопримѣчательности храма. Отсюда, обыкновеннымъ путемъ богомольцевъ великій князь спустился вмѣстѣ съ митрополитомъ, внизъ, въ ближнія, а затѣмъ и дальнія пещеры, гдѣ благоговѣйно поклонялся мощамъ св. угодниковъ. Послѣ посѣщенія лавры, весь остальной день наслѣдникъ цесаревичъ продолжалъ осмотръ города и его учрежденій. Послѣ обѣда митрополитъ получилъ отъ него извѣщеніе, что на другой день, предъ отъѣздомъ изъ Кіева, великому князю угодно выслушать литургію въ пещерахъ, въ небольшой подземной церкви преп. Антонія, той самой, гдѣ въ 1816 г. слушалъ и пѣлъ литургію императоръ Александръ Павловичъ. Вечеромъ этого дня была иллюминація царскаго сада и большой фейерверкъ.

8 октября, въ день выѣзда, великій князь, согласно данному обѣщанію, явился утромъ ко входу въ галлерею, ведущую въ ближнія пещеры. Войдя въ сопровожденіи митрополита въ пещерную церковь, наслѣдникъ цесаревичъ съ благоговѣйнымъ

вниманіемъ слушалъ литургію, которую совершалъ одинъ изъ соборныхъ старцевъ-іеромонаховъ.

«Немного свидѣтелей», пишетъ лаврскій лѣтописецъ, «могло помѣститься въ малой храминѣ, гдѣ молился за себя и Россію будущій ангелъ-хранитель Россіи; но если гдѣ и когда, то теперь и здѣсь невидимо сопри-сутствовалъ ему и осѣнялъ его своимъ предстательствомъ у Господа соборъ многъ святыхъ Божіихъ, на сихъ мѣстахъ почивающихъ нетлѣнными тѣлесами своими. Подобные молитвенные часы оставляютъ нерѣдко благословенные слѣды на всю жизнь; думаемъ и вѣримъ, что не одно дѣяніе даретвенной доблести будетъ нѣкогда плодомъ молитвъ, изліянныхъ теперь предъ Всемогущимъ въ тѣсной храминѣ пещерной». По окончаніи литургіи, великій князь тѣмъ-же путемъ богомольцевъ возвратился въ лавру пѣшкомъ, въ сопровожденіи митрополита. Бесѣдуя по дорогѣ съ послѣднимъ, наслѣдникъ цесаревичъ замѣтилъ, какъ глубоко и прочно подвигами святыхъ утверждены величіе, сила и благоденствіе Россіи. На вопросъ митрополита, не чувствуетъ-ли его высочество послѣ ускореннаго движенія

усталости, великій князь съ чувствомъ набожнаго смиренія отвѣчалъ:

—Святые потрудились гораздо болѣе насъ.

Въ великой церкви наслѣдникъ цесаревичъ выслушалъ краткое напутственное молебствіе, послѣ котораго, приложившись къ чудотворной иконѣ Успенія и св. мощамъ, и сопровождаемый всѣмъ духовенствомъ до святыхъ вратъ, благополучно отбылъ въ дальнѣйшій путь, оставшись вполнѣ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Кіевѣ и изъявивъ желаніе когда-нибудь снова поклониться кіевскимъ святынямъ.

Въ 1840 году, въ августѣ мѣсяцѣ, великій князь снова былъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ вѣнценоснымъ отцомъ своимъ, императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Объ этомъ пріѣздѣ цесаревича мы уже подробно упоминали въ предъидущей главѣ

Въ третій разъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Кіевъ уже незадолго до своего вступленія на престолъ, въ 1853 году, 1-го сентября. Пріѣзда высокаго гостя ожидали къ 6 часамъ вечера, но онъ совершенно неожиданно прибылъ въ $2^1/_2$ часа пополудни. Въ лаврѣ однако успѣли подготовиться къ обычной встрѣчѣ, благодаря

предусмотрительности, выказанной митрополитомъ Филаретомъ, который, «дабы не упустить вожделѣннаго посѣтителя лавры проѣхать по мосту незамѣченнымъ», велѣлъ съ утра поставить у себя на квартирѣ въ окнѣ и на балконѣ лаврской типографіи по подзорной трубѣ. Въ началѣ третьяго часа въ обѣ трубы было замѣчено два большихъ экипажа, подъѣзжавшихъ къ мосту. Въ первомъ экипажѣ тотчасъ узнали наслѣдника, и митрополитъ, велѣвъ звонить въ большой колоколъ, самъ пошелъ въ церковь. Ровно въ половинѣ третьяго коляска цесаревича подъѣхала къ лаврѣ. Послѣ торжественной встрѣчи и краткаго благодарственнаго молебствія за благополучно совершенное путешествіе, великій князь по обычаю прикладывался въ великой церкви къ св. иконамъ и мощамъ и въ исходѣ третьяго часа прослѣдовалъ на квартиру, въ домъ военнаго губернатора.

На слѣдующій день, 2-го сентября, наслѣдникъ цесаревичъ подробно осматривалъ возобновленный Софійскій соборъ; митрополитъ давалъ при этомъ подробныя объясненія о ходѣ работъ по открытію и возобновленію древнихъ фресокъ. Въ тотъ

же день великій князь посѣтилъ Михайловскій монастырь, гдѣ поклонился мощамъ св. великомученицы Варвары, и осматривалъ разныя общественныя учрежденія. Къ обѣденному столу, въ числѣ немногихъ почетныхъ гостей, былъ приглашенъ митрополитъ.

3 сентября цесаревичъ подробно осматривалъ незадолго до его пріѣзда окончепный сооруженіемъ цѣпной мостъ, нѣкоторыя казенныя заведенія, городъ и крѣпость. 4 сентября, въ пятницу, онъ выѣхалъ въ 7 часовъ утра на Житомиръ и Брестъ въ Варшаву.

По вступленіи на престолъ, императоръ Александръ II собирался посѣтить Кіевъ тотчасъ послѣ коронаціонныхъ празднествъ 1856 года. Были уже сдѣланы къ высочайшему посѣщенію всѣ приготовленія. Выѣздъ изъ Москвы былъ назначенъ на 21 сентября, а прибытіе въ Кіевъ на 25. Въ Кіевѣ предполагалось пробыть 4 дня, съ 25 по 28.

Но за нѣсколько дней до отъѣзда все измѣнилось. Началась отвратительная сентябрьская погода съ непрерывными дождями, образовавшими совершенную распутицу. При тогдашнихъ дорогахъ и средствахъ пе-

редвиженія нечего было и думать о тысячеверстномъ путешествіи. Вдобавокъ, государыня почувствовала себя слишкомъ утомленною послѣ ряда коронаціонныхъ торжествъ, продолжавшихся почти цѣлый мѣсяцъ. Уже 13 сентября министръ императорскаго двора извѣстилъ кіевскія власти, что высочайшее путешествіе въ Кіевъ отложено до болѣе удобнаго времени, «по случаю утомленія государыни императрицы и установившейся дурной погоды». 14 сентября состоявшій при государынѣ графъ Олсуфьевъ писалъ по ея повелѣнію митрополиту Филарету объ отмѣнѣ путешествія. «Государынѣ императрицѣ», добавлялъ при этомъ гр. Олсуфьевъ, «тѣмъ это прискорбнѣе, что ея величество уже съ давнихъ поръ имѣетъ благоговѣйное желаніе поклониться кіевскимъ святынямъ и принять ваше благословеніе *), что доставило-бы ей особенное духовное наслажденіе нынѣ, послѣ совершившагося священнѣйшаго торжества коронованія». Наконецъ, 27 сентября по-

*) Митрополитъ Филаретъ, по глубокой старости, не присутствовалъ въ Москвѣ во время коронаціи

слѣдовалъ на имя кіевскаго генералъ-губернатора, князя П. П. Васильчикова, высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь выражалъ сожалѣніе, что неблагопріятствующая здоровью государыни погода воспрепятствовала посѣтить Кіевъ. «При первой возможности», говорится въ рескриптѣ далѣе. «мы надѣемся исполнить оное намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ лично возблагодарить обитателей ввѣреннаго вамъ края за принесенныя поздравленія» *).

Дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ 1857 году императоръ Александръ II сдержалъ свое обѣщаніе. Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній объ этомъ посѣщеніи. 3 октября государь съ государыней прибыли въ Кіевъ. Въ тотъ-же день былъ произведенъ большой смотръ войскамъ въ высочайшемъ присутствіи. На слѣдующій день государь былъ въ Софійскомъ соборѣ. Пребываніе государя въ Кіевѣ ознаменовалось необыкновенною гуманностью и милостивымъ обращеніемъ. Въ цитированныхъ уже нами однажды запискахъ А. А. Солтановскаго говорится: «Государь овладѣлъ сердцами всѣхъ. Онъ возбуждалъ общую симпатію. Всѣ безбоязнен-

*) Лаврскій архивъ, дѣло 2670.

но стремились увидѣть его, всѣ по внутреннему побужденію привѣтствовали его восторженно. Въ присутствіи его не чувствовалось страха. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда государя въ Кіевъ случилась скандальная исторія. Командиръ полка, нѣмецъ полковникъ Б—ъ, который ожидалъ скораго производства въ генералы, шелъ по тротуару съ женою и ея комнатной собачкой. Повстрѣчался имъ студентъ съ тросточкой въ рукахъ. Собаченка кинулась на студента и разорвала ему брюки. Студентъ ударилъ ее тросточкой Собаченка взвизгнула. Б—ъ наговорилъ студенту дерзостей. Товарищи студента явились къ попечителю съ жалобой на Б—на, требуя, чтобы онъ извинился. на что тотъ однако не согласился. Черезъ нѣсколько дней, при разъѣздѣ изъ театра, когда Б—нъ вышелъ въ подъѣздъ, толпа студентовъ мгновенно его окружила, повалила его на землю и избила палками. Пока опомнилась полиція и жандармы, студенты успѣли всѣ скрыться. Никто не былъ арестованъ. Избитаго Б—на на рукахъ перенесли въ сани и отвезли на квартиру. Князь Васильчиковъ назначилъ строгое слѣдствіе. Арестовали обиженнаго студента

и депутатовъ, требовавшихъ отъ Б—на извиненія. По подозрѣнію арестовали еще нѣсколько человѣкъ. Наконецъ, кн. Васильчиковъ предалъ арестованныхъ военному суду. Двое приговорены были въ солдаты, а нѣсколько человѣкъ въ арестантскія роты. Государь приказалъ вмѣнить имъ въ наказаніе сидѣнье подъ арестомъ и всѣхъ простилъ, сдѣлавъ выговоръ вообще студентамъ за дѣйствіе скопомъ. Студенты въ радости чуть не носили государя на рукахъ въ его переѣздахъ по Кіеву. *)».

Къ посѣщенію 1857 года была сооружена большая деревянная тріумфальная арка на Бульварѣ, стоявшая до 1880-хъ годовъ. Послѣ посѣщенія государя, кіевское купечество предполагало въ память этого событія воздвигнуть каменную постоянную арку и даже собрало необходимый для этой цѣли капиталъ, но государь повелѣлъ употребить собранныя суммы на дѣла благотворительности.

Въ 1859 году императоръ Александръ II опять посѣтилъ Кіевъ Государь прибылъ 22 сентября около полуночи и за поздним

*) „Кіевская Старина" 1892. IX. 401.

временемъ прослѣдовалъ прямо на квартиру, въ генералъ-губернаторскій домъ. На слѣдующій день утромъ былъ пріемъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, послѣ котораго государь отправился въ 11 часовъ въ лавру, а затѣмъ осматривалъ на Эспланадной площади войска. Отсюда онъ прослѣдовалъ въ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь, послѣ чего осматривалъ присутственныя мѣста, кадетскій корпусъ, обѣ гимназіи, богоугодное заведеніе и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Митрополитъ Исидоръ былъ удостоенъ приглашенія къ высочайшему обѣденному столу. Вслѣдствіе выраженнаго государемъ желанія, владыка прибылъ за 20 минутъ до обѣда. Государь встрѣтилъ его въ кабинетѣ словами:

—Поздравляю васъ съ славною побѣдою на Кавказѣ. Я увѣренъ, что вамъ это очень пріятно слышать. *)

Затѣмъ государь удостоилъ митрополита милостивой бесѣды, касавшейся преимущественно послѣднихъ кавказскихъ событій и

*) Въ ту пору было только-что получено извѣстіе о сдачѣ Шамиля. Для митрополита Исидора, недавняго экзарха Грузіи, кавказскія дѣла были, конечно, наиболѣе интересны.

нарождавшагося тогда по мысли владыки общества распространенія православія на Кавказѣ, въ память св. Нины, просвѣтительницы Грузіи.

Вечеромъ генералъ-губернаторъ далъ блестящій балъ. Послѣ бала, государь въ 12 часовъ ночи выѣхалъ въ Бѣлую Церковь, гдѣ Браницкіе приготовили для него охоту.*)

Къ посѣщенію 1859 г. относится слѣдующій разсказъ въ дневникѣ А. В. Никитенко («Русская Старина», 1890, VIII, 370):

«Въ Москвѣ нѣсколько студентовъ праздновали именины своего товарища. Между студентами было человѣкъ 5—6 поляковъ. Вдругъ къ нимъ явился квартальный надзиратель съ требованіемъ выдачи мошенника, который будто-бы между ними находился. Молодые люди скромно замѣтили, что онъ, вѣроятно, ошибается, что между ними такого не имѣется, и просили его удалиться. Онъ ушелъ, но скоро вернулся, приведя съ собою человѣкъ 20 полицейскихъ. Одни изъ нихъ сломали дверп, другіе полѣзли въ окна; стали всѣхъ вязать съ криками, что тутъ

*) См. письма митрополита Исидора къ кн. А. П. Барятинскому („Русскій Архивъ". 1893, IV, 407).

все изменники, ляхи. Произошла кровавая драка. Студенты были отведены на съѣзжую. Четверо такъ пострадало, что опасались за ихъ жизнь. Генералъ-губернаторъ Закревскій далъ знать телеграммою государю въ Кіевъ, что въ университетѣ бунтъ. Государь отвѣчалъ: «не вѣрю».

10 лѣтъ ждалъ Кіевъ новаго царскаго посѣщенія. Наконецъ, въ 1869 г., 30 іюля, императоръ Александръ II съ супругою своею, императрицею Маріей Александровной, великою княжною Маріей Александровной и великими князьями Сергіемъ Александровичемъ и Николаемъ Николаевичемъ младшимъ проѣздомъ въ Крымъ посѣтили Кіевъ. Въ 8 часовъ вечера августѣйшіе путешественники прибыли по Курско-Кіевской жел. дорогѣ къ берегу Днѣпра. Такъ какъ желѣзнодорожный мостъ въ то время не былъ еще оконченъ постройкой, то высокіе гости совершили дальнѣйшій свой путь на пароходѣ «Александръ II». У пристани ихъ величества встрѣчены были кіевскимъ губернаторомъ, предводителями дворянства юго-западныхъ губерній и высшими военными и гражданскими чинами. Замѣчательную картину, по описанію современнаго хроникера, представлялъ со-

бою царскій проѣздъ по Днѣпру и иллюминація обоихъ береговъ рѣки:

«Несмѣтныя толпы самой разнообразной публики и народа задолго предъ тѣмъ уже покрывали берегъ и вершины прибрежныхъ горъ. Пароходы, предложившіе свои услуги публикѣ, горѣвшей нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть обожаемыхъ монарха, монархиню и великихъ князей и княжну, стояли на назначенныхъ мѣстахъ.

Вечерѣло. По небу носились несплошныя черныя тучи, быстро гонимыя поднявшимся вѣтромъ, когда флотилія, принявъ высочайшихъ особъ, медленно и величественно тронулась отъ временнаго дебаркадера вверхъ по Днѣпру, къ подольской пароходной пристани. Берега освѣтились съ лѣвой стороны смоляными бочками, а съ правой бенгальскими огнями, плошками и фейерверками во впадинахъ и углубленіяхъ; беседки, разставленныя по обоимъ берегамъ Днѣпра, украшенныя флагами, гирляндами и разноцвѣтными фонарями, зажгли свои огни. Все вмѣстѣ составляло чудную картину.

Къ пристани стали доноситься издали клики «ура», становившіеся все сильнѣе и

сильнѣе по мѣрѣ приближенія флотиліи съ пароходомъ «Александръ» во главѣ. Какъ только «Александръ» показался въ виду пристани, разставленные въ разныхъ мѣстахъ хоры музыки заиграли «Боже, царя храни», а на лѣвомъ берегу рѣки, противъ пристани, зажгли великолѣпный фейерверкъ.

Когда «Александръ» причалилъ къ пристани, на которой была установлена великолѣпная, роскошно освѣщенная палатка, раздалось привѣтственное пѣніе хора музыкальнаго общества. Между пристанью и приготовленными экипажами стояли шпалерами дѣвицы, а по лѣстницѣ, ведущей на набережную, дѣти въ бѣлыхъ платьяхъ, съ букетами въ рукахъ. Ея величеству и ея высочеству великой княжнѣ двѣ дѣвицы подпесли по букету, а прочія цвѣтами своихъ букетовъ усыпали путь. Когда августѣйшіе гости заняли мѣста въ экипажѣ, и поѣздъ тронулся, усыпаніе пути цвѣтами продолжали дѣти всѣхъ сословій, бѣжавшіе за экипажами и впереди ихъ *)

Государь отозвался весьма благосклон-

*) „Кіевскій Телеграфъ", 1869, № 89. Прочія подробности заимствованы также изъ кіевскихъ газетъ того времени.

но и милостиво о сдѣланной ему встрѣчѣ и сердечно благодарилъ за радушный пріемъ генералъ-губернатора, князя А. М. Дондукова-Корсакова, еще на пристани. Высочайшій поѣздъ вплоть до генералъ-губернаторскаго дома конвоировали штабъ и оберъ-офицеры двухъ гусарскихъ полковъ. У подъѣзда государь принялъ почетный караулъ, а по вступленіи въ домъ городской голова и представители городского общества поднесли хлѣбъ-соль. Городъ, особенно улицы, прилегающія къ дому генералъ-губернатора, также Крещатикъ и спуски къ нему, были, по средствамъ времени, блистательно иллюминованы плошками, фонариками, вензелями и транспарантами. Время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ зажигались бенгальскіе огни, особенно привлекавшіе публику.

На слѣдующій день, въ четвергъ 31 іюля, въ 5 часовъ утра, великіе князья Сергій Александровичъ и Николай Николаевичъ, въ сопровожденіи шталмейстера Озерова и своихъ воспитателей, посѣтили Софійскій соборъ, гдѣ были встрѣчены каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ; въ соборѣ великіе князья обратили осо-

бенное вниманіе на гробницу Ярослава Мудраго, на Нерушимую стѣну и образъ Богоматери прядущей. Отсюда ихъ высочества прослѣдовали въ Михайловскій монастырь, гдѣ преосвященный Порфирій удостоился поднести имъ нѣсколько колецъ отъ мощей великомученицы Варвары, а затѣмъ въ Андреевскую церковь и, наконецъ, въ лавру. Туда-же, въ лавру, въ $8^1/_2$ час. утра прибыли государь и государыня. На Шелковичной улицѣ ихъ привѣтствовали городскіе цехи. Одѣтыя въ бѣлыя платья дѣти усыпали здѣсь царскій путь цвѣтами, а хоръ музыкальнаго общества пѣлъ народный гимнъ. Въ лаврѣ митрополитъ Арсеній произнесъ краткое привѣтствіе. Тутъ-же были собраны служащіе всѣхъ вѣдомствъ, предводители и представители дворянства и городского общества и сельскіе старшины и старосты, въ числѣ 104 человѣкъ, возлѣ которыхъ стояли мировые посредники. Обратившись къ посредникамъ, государь милостиво поздоровался съ ними: «здравствуйте, гг. посредники».

Изъ лавры ихъ величества отправились на вокзалъ Кіево-Балтской желѣзной дороги. По пути слѣдованія, у института благород-

ныхъ дѣвицъ царственныхъ гостей привѣтствовали, стоя у ограды, воспитанницы заведенія съ воспитательницами, начальницею и членами совѣта. Ихъ величества шагомъ проѣхали мимо воспитанницъ и милостиво отвѣчали изъ экипажа на привѣтъ дѣтей. По бульвару и до вокзала стояли шпалерами войска.

На вокзалѣ государь выразилъ стоявшимъ офицерамъ сожалѣніе, что нездоровье помѣшало на этотъ разъ болѣе продолжительному пребыванію его въ Кіевѣ и обрадовалъ обѣщаніемъ осчастливить на возвратномъ пути войска высочайшимъ смотромъ. Въ $9^{1}/_{4}$ часовъ высокіе путешественники, въ сопровожденіи генералъ-губернатора, командующаго войсками и многочисленной свиты, вошли въ роскошно отдѣланные царскіе покои. Тутъ, передъ самымъ отъѣздомъ, государыня въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ простилась съ княгинею Н. А. Дондуковой-Корсаковой и благодарила ее за радушный пріемъ. Въ $9^{1}/_{2}$ часовъ императорскій поѣздъ отходилъ уже отъ вокзала при громкихъ напутственныхъ привѣтствіяхъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ. Государь и государыня стояли у открытаго окна и

сердечными поклонами отвѣчали на восторженныя привѣтствія народа.

Во время слѣдованія поѣзда изъ Кіева въ Одессу, между завтракомъ и обѣдомъ государь почувствовалъ себя гораздо лучше и могъ принять отъ генералъ-губернатора всеподданнѣйшій отчетъ по управленію юго-западнымъ краемъ. Тогда-же, по случаю своего пребыванія въ Кіевѣ, онъ пожаловалъ въ распоряженіе генералъ-губернатора 1000 рублей для раздачи бѣднымъ.

9 октября того-же года, на возвратномъ пути изъ Крыма, императоръ Александръ II прибылъ въ Кіевъ съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, въ $3^1/_2$ часа пополудни. Отъ ст. Бирзулы государя сопровождалъ генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ Корсаковъ. Принявъ почетный караулъ, представлявшихся высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и городского голову съ хлѣбомъ-солью, государь обѣдалъ на вокзалѣ, въ царскихъ покояхъ. Послѣ обѣда, въ началѣ 5 часа онъ прослѣдовалъ въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ Арсеніемъ съ соборнымъ духовенствомъ, а затѣмъ въ Михайловскій мо-

настырь, гдѣ встрѣчалъ викарій, епископъ чигиринскій Порфирій. Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ и выслушавъ въ каждомъ храмѣ по краткой литіи, высокіе гости проѣхали къ подольской пристани, гдѣ сѣли на пароходъ «Александръ II». По всему пути проѣзда государя городъ и оба берега рѣки были иллюминованы. На горахъ, по мѣрѣ слѣдованія царскаго парохода зажигались бенгальскіе огни. Толпы народа, особенно у пристани и на шоссейной набережной, стояли сплошной стѣной, сопровождая плывшій пароходъ несмолкаемымъ «ура».

Въ 6 часовъ вечера «Александръ II» прибылъ къ временной станціи Курско-Кіевской желѣзной дороги. Привѣтливо простившись со всѣми, государь, когда поѣздъ уже трогался, вышелъ на площадку вагона, подозвалъ генералъ-губернатора и милостиво благодарилъ его за радушный пріемъ, подавъ ему руку.

Императрица съ августѣйшими дѣтьми своими, великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и великой княжной Маріей Александровной, возвращалась изъ Крыма позднѣе: 31 октября въ $6^1/_2$ часовъ

вечера она прибыла по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ въ Кіевъ и съ вокзала прослѣдовала прямо въ приготовленное для нея помѣщеніе въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

На слѣдующій день, 1 ноября, великій князь Сергій Александровичъ и великая княжна Марія Александровна посѣтили Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь и Десятинную церковь, а затѣмъ, заѣхавъ домой, прослѣдовали съ великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ въ лавру, гдѣ посѣтили великую церковь и пещеры, ближнія и дальнія. Государыня, по состоянію своего здоровья и неблагопріятной въ этотъ день погодѣ, оставалась на квартирѣ.

Во 2 часу по полудни она принимала у себя митрополита Арсенія, а затѣмъ памятнаго кіевлянамъ Андрея Николаевича Муравьева, который съ большимъ чувствомъ передавалъ послѣ объ особо милостивомъ пріемѣ, котораго онъ удостоился. Въ свитѣ императрицы въ этотъ проѣздъ находился, въ числѣ прочихъ, старецъ поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ *).

2 ноября, въ 10 часовъ утра, импе-

*) Воспоминанія объ А. И. Муравьевѣ М. О. Семенова („Русскій Архивъ“ 1895 г.).

ратрица отбыла по Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ въ дальнѣйшій путь.

Въ слѣдующемъ 1870 году Кіевъ снова удостоился посѣщенія государыни Маріи Александровны. Императрица прибыла съ августѣйшими дѣтьми своими, великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и великой княжной Маріей Александровной 24 ноября, въ $1\frac{3}{4}$ ч. пополудни. Многочисленная публика и толпы народа ожидали прибытія императорскаго поѣзда съ 10 часовъ утра, и не безъ нѣкотораго безпокойства, потому что поѣздъ опоздалъ. Вскорѣ разъяснилось однако, что на ст. Бирзула, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ, три заднихъ служебныхъ вагона сошли у стрѣлки, при самомъ тихомъ ходѣ, съ рельсовъ. Несчастья при этомъ не произошло никакого, и пока государыня кушала, вагоны были снова поставлены на путь. Дальнѣйшая же задержка произошла отъ выпавшаго обильнаго снѣга съ мятелью и морозомъ.

Такъ какъ императрица пожелала, чтобы никакихъ встрѣчъ и почетнаго караула не было, то на вокзалѣ ее ожидали только главныя должностныя лица, чины двора и

городской голова съ хлѣбомъ-солью. Прямо со станціи государыня направилась съ августѣйшими дѣтьми въ лавру, гдѣ была встрѣчена митрополитомъ Арсеніемъ. Около 3 часовъ она прибыла въ генералъ-губернаторскій домъ, въ приготовленные для нея покои. Въ 6 часовъ состоялся обѣденный столъ, въ которомъ, кромѣ лицъ свиты, участвовалъ только генералъ-губернаторъ съ супругою.

На слѣдующій день, 25 ноября, послѣ завтрака, въ первомъ часу пополудни императрица посѣтила съ августѣйшими дѣтьми своими, свитою и министромъ путей сообщенія графомъ Бобринскимъ вновь отстроенный и почти уже готовый и внутри императорскій дворецъ, который произвелъ на нее самое пріятное впечатлѣніе. Особенное вниманіе государыня обратила на изящество отдѣлку и на простоту и вкусъ орнаментаціи и неоднократно благодарила за это строителя дворца, архитектора Маевскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица выразила желаніе прислать для украшенія дворца картины и нѣкоторыя другія художественныя произведенія. Послѣ подробнаго осмотра всей отдѣланной части дворца, государыня проѣхала

по дворцовому саду, гдѣ выходила у бесѣдки и любовалась великолѣпнымъ видомъ, открывающимся отсюда на Старый Кіевъ, Подолъ и Заднѣпровье. Изъ дворцоваго сада императрица прослѣдовала въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ у входа ее встрѣтила княгиня Н. А. Допдукова-Корсакова и члены совѣта института. Въ актовомъ залѣ собранныя воспитанницы пропѣли народный гимнъ, послѣ чего государыня милостиво бесѣдовала съ нѣкоторыми воспитанницами и членами совѣта, которыхъ распрашивала о состояніи заведенія. Изъ актоваго зала императрица прошла въ православную и католическую церкви института, а затѣмъ осматривала классы, столовую, дортуары, больницу и гардеробъ.

Въ 6 часовъ состоялся обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ, были приглашены митрополитъ, генералъ-губернаторъ съ супругою, временно-командующій войсками генералъ-лейтенантъ П. С. Ванновскій и знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ. Пироговъ прибылъ въ Кіевъ по приглашенію государыни, послѣ своего возвращенія съ театра войны (франко-прусской), куда онъ ѣздилъ по порученію Общества попеченія о

раненыхъ и больныхъ воинахъ. По окончаніи обѣда, государыня милостиво бесѣдовала отдѣльно съ каждымъ изъ приглашенныхъ.

Въ 8 часовъ вечера она удалилась во внутреніе покои, а великіе князья съ великою княжною отправились въ оперный театръ, гдѣ, при входѣ въ генералъ-губернаторскую ложу, ихъ встрѣтило восторженное «ура» публики и народный гимнъ, троекратно исполненный оркестромъ и хоромъ оперной труппы. Шла опера «Норма», исполненіе которой очень понравилось высокимъ посѣтителямъ. Въ антрактѣ, въ ложѣ былъ сервированъ чай. Ихъ высочества потребовали сюда завѣдующаго театромъ Кологривова и въ лестныхъ выраженіяхъ благодарили за доставленное удовольствіе.

На Крещатикѣ вечеромъ играла музыка. Улицы были иллюминованы бенгальскими огнями, при чемъ особенно эффектно былъ освѣщенъ крещатицкій фонтанъ, вокругъ котораго народъ стоялъ сплошною массою.

26 ноября государыня съ августѣйшими дѣтьми посѣтила около 11 часовъ утра Михайловскій монастырь, гдѣ прикладыва-

лась къ мощамъ св. великомученицы Варвары, и Софійскій соборъ. Въ соборѣ она осматривала мозаику и гробницу Ярослава Мудраго и довольно долго бесѣдовала съ жившимъ тогда въ Кіевѣ на покоѣ преосвященнымъ Александромъ, бывшимъ полтавскимъ, извѣстнымъ по геройской защитѣ Соловецкаго монастыря въ 1854 году. Изъ Софійскаго собора императрица направилась на вокзалъ. Милостиво простясь съ ожидавшими уже тамъ главными должностными лицами, государыня взошла въ вагонъ и пригласила туда генералъ-губернатора съ супругою, которыхъ благодарила за оказанный пріемъ. Государыня прибавила при этомъ, что пребываніе въ Кіевѣ производитъ на нее всегда самое пріятное впечатлѣніе. Пожеланія здоровья и благоденствія и восторженные клики народа сопровождали тронувшійся императорскій поѣздъ.

Въ слѣдующемъ 1871 году Кіевъ снова удостоился царскаго посѣщенія, хотя весьма кратковременнаго. Государь прибылъ по Курско-Кіевской жел. дорогѣ 25 октября, въ 12^{1}_{2} часовъ пополудни, съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ сопровожденіи министра двора графа Адлерберга и

министра путей сообщенія, графа Бобринскаго. На вокзалѣ царскій поѣздъ ожидали командующіе войсками кіевскаго и харьковскаго военныхъ округовъ генералъ-адъютанты Козлянинновъ и Карцевъ, губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители дворянства, дамы высшаго общества, высшіе гражданскіе чины и городской голова П. П. Демидовъ князь Сапъ-Донато съ хлѣбомъ-солью.

Съ вокзала государь направился прямо въ лавру, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ Арсеніемъ. Приложившись къ св. мощамъ и иконамъ и выслушавъ обычную литію, онъ прослѣдовалъ во дворецъ. Во дворцѣ представлялись высшіе военные чины. Милостиво поздоровавшись съ ними, государь подробно осматривалъ дворецъ, незадолго передъ тѣмъ заново отремонтированный и отдѣланный. Оставшись вполнѣ доволенъ осмотромъ дворца, государь посѣтилъ затѣмъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Во время обхода заведенія воспитанницы веселой толпою окружали и привѣтствовали державнаго гостя. Отсюда государь отправился на вокзалъ для слѣдованія въ дальнѣйшій путь. Проѣзжая по

городу, онъ замѣтилъ множество вновь строющихся домовъ и выразилъ свое удовольствіе по поводу быстраго роста города.

Въ 2½ часа пополудни, при громкихъ кликахъ народа и звукахъ народнаго гимна, императорскій поѣздъ тронулся въ путь.

Въ 1873 году, 21 августа, въ 10 часовъ вечера, императоръ Александръ II прибылъ въ Кіевъ въ сопровожденіи министра двора графа Адлерберга, путей сообщенія графа Бобринскаго и многочисленной свиты. На вокзалѣ государя ожидали: генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, командующій войсками генералъ-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ, предводитель дворянства П. Д. Селецкій и высшіе военные и гражданскіе чины. По выходѣ изъ вагона, государь принялъ хлѣбъ-соль, поднесенную на богатомъ серебряномъ блюдѣ городскимъ головою П. Ц. Демидовымъ, княземъ Санъ-Донато, и представителями городского общества. Съ вокзала государь прослѣдовалъ во дворецъ при громкомъ «ура» народа, стоявшаго, несмотря на поздній часъ, во множествѣ по всему пути слѣдованія царскаго экипажа.

На слѣдующій день, 22 числа, въ 10

часовъ утра, во дворцѣ представлялись высшіе гражданскіе чиновники, начальники отдѣльныхъ частей войскъ и проживавшіе въ Кіевѣ придворные чины. Затѣмъ государь, принявъ у подъѣзда дворца хлѣбъ-соль отъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ кіевской губерніи, отправился въ лавру, гдѣ митрополитъ Арсеній встрѣтилъ его краткимъ привѣтственнымъ словомъ. Приложившись въ великой церкви лаврской къ св. иконамъ и мощамъ, онъ послѣдовалъ на Эспланадную площадь, гдѣ состоялся въ высочайшемъ присутствіи смотръ войскамъ, послѣ котораго государь произвелъ особо ученіе уланской бригадѣ съ одной артиллерійской батареей. Въ тотъ-же день онъ посѣтилъ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь, а вечеромъ былъ въ театрѣ. Въ половинѣ десятаго государь оставилъ театръ и направился на вокзалъ, для встрѣчи императрицы, которая прибыла въ 10 часовъ вечера съ великой княжной Маріей Александровной и великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и Константиномъ Константиновичемъ.

23 августа, въ 10 часовъ утра, всѣмъ

войскамъ кіевскаго лагернаго сбора былъ въ высочайшемъ присутствіи произведенъ общій двухсторонній маневръ. Войска были раздѣлены на западный отрядъ, подступившій къ Кіеву по дорогамъ изъ Житомира, съ тѣмъ, чтобы занять городъ, опрокинувъ прикрывающія его войска,—и восточный, выдвинутый изъ Кіева для прикрытія его со стороны Житомира. Маневръ былъ вполнѣ удаченъ, и государь выразилъ по поводу него начальникамъ обоихъ отрядовъ свое удовольствіе. Погода стояла прекрасная, и великолѣпный видъ съ мѣста маневровъ на Кіевъ, живописно раскинувшійся на своихъ горахъ и ярко блиставшій золотыми куполами церквей, очень понравился государю, который долгое время имъ любовался.

Между тѣмъ государыня въ половинѣ второго отправилась съ августѣйшими дѣтьми въ лавру, а оттуда, въ началѣ третьяго часа, съ великою княжною въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, куда къ тому-же времени прибылъ съ маневровъ и государь. Институтки съ восторженною радостью встрѣтили высокихъ гостей. Осмотрѣвъ институтъ, государь сошелъ съ императрицей и

великой княжной въ садъ, гдѣ августѣйшіе посѣтители болѣе часу провели съ воспитанницами, милостиво бесѣдуя съ ними и любуясь ихъ дѣтскими играми. Въ 6 часовъ пополудни во дворцѣ былъ обѣденный столъ, къ которому, кромѣ лицъ свиты, удостоились приглашенія генералъ-губернаторъ и командующій войсками.

Вечеромъ, въ честь объявленной помолвки великой княжны Маріи Александровны съ принцемъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, была великолѣпная иллюминація, народное гуляпье въ городскомъ саду и фейерверкъ па обонхъ берегахъ Днѣпра. Государь со всѣми дѣтьми и свитою въ экипажахъ почтилъ праздникъ своимъ присутствіемъ и, выѣхавъ изъ дворцоваго сада въ прилегающій городской, проѣхалъ при восторженныхъ кликахъ народа кругомъ всего сада въ сопровожденіи слѣдовавшихъ верхами за царскимъ экипажемъ генералъ-губернатора и командующаго войсками. Затѣмъ государь возвратился въ бесѣдку дворцоваго сада, расположенную надъ Днѣпромъ. Сюда вскорѣ прибыла и государыня, послѣ чего начался фейерверкъ. Всѣ воспитанницы института были допущены въ дворцовый садъ и рас-

положились возлѣ бесѣдки. Здѣсь имъ были предложены конфекты, государь гулялъ между ними, а императрица собрала ихъ вокругъ себя предъ уходомъ во дворецъ.

Погода была великолѣпная. Стояла тихая южная ночь. Несмѣтныя толпы народа собрались въ городскомъ саду и на набережной Днѣпра. Восторженные клики при видѣ государя на балконѣ чередовались съ трескомъ лопавшихся бураковъ и ракетъ. Блестяще освѣщенные пароходы съ музыкою и пѣсенниками проходили по рѣкѣ. Противоположный берегъ былъ ярко освѣщенъ смоляными бочками. Подолъ и суда на рѣкѣ, ярко иллюминованныя, памятникъ св. Владиміру и высоты, смежныя съ садомъ, представляли великолѣпную картину. Когда зажглась фейерверочная картина съ царскимъ вензелемъ, нѣсколько оркестровъ музыки стали исполнять народный гимнъ и раздалось громкое оглушительное «ура» нѣсколькихъ десятковъ тысячъ голосовъ. Государь остался очень доволенъ праздникомъ и тѣми чувствами, съ которыми его встрѣчало населеніе.

24 числа, въ 9 часовъ утра, на Оболони была произведена въ высочайшемъ при-

сутствіи артиллерійская стрѣльба, послѣ чего государь въ 12 часу прослѣдовалъ прямо на вокзалъ, куда къ тому-же времени прибыла изъ дворца императрица. Въ 12 часовъ императорскій поѣздъ тронулся, увозя августѣйшихъ гостей въ Одессу, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Крымъ.

Черезъ два года императоръ Александръ II снова гостилъ въ Кіевѣ. Государь прибылъ сюда проѣздомъ въ Ливадію 3 сентября 1875 года въ 10 часовъ вечера, въ сопровожденіи военнаго министра графа Д. А. Милютина, шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Потапова и многочисленной свиты. На вокзалѣ къ приходу царскаго поѣзда, по обычаю, собрались генералъ-губернаторъ, командующій войсками, высшіе гражданскіе и военные чины и городской голова съ хлѣбомъ-солью отъ города. Принявъ почетный карауль, государь пригласилъ съ собою въ экипажъ генералъ-губернатора князя А. М. Дондукова-Корсакова и при громкомъ «ура» многочисленнаго народа направился во дворецъ по ярко иллюминованнымъ и украшеннымъ флагами и транспарантами улицамъ. На Бибиковскомъ бульварѣ, возлѣ зданія военно-окружнаго

суда, была воздвигнута большая тріумфальная арка, освѣщенная газомъ. На Крещатикѣ, противъ Фундуклеевской улицы, горѣлъ большой щитъ. Новое зданіе городской думы, еще не вполнѣ достроенное, было убрано зеленью, флагами и вензелями. Подлѣ дворянскаго дома горѣлъ газовый вензель съ рядомъ арокъ изъ разноцвѣтныхъ огней. Наконецъ, противъ дворца стоялъ огромный щитъ съ вензелемъ и гербомъ; когда государь подъѣхалъ ко дворцу, за щитомъ раздались звуки народнаго гимна. Во время проѣзда по всѣмъ улицамъ зажигали бенгальскіе огни.

На слѣдующій день, 4 числа, въ 10 часовъ утра, во дворцѣ состоялся пріемъ чиновъ двора, проживавшихъ въ Кіевѣ, и высшихъ гражданскихъ властей. Затѣмъ государь отправился въ лавру чрезъ вновь устроенный паркъ на площади предъ дворцомъ. Приложившись въ великой лаврской церкви къ св. иконамъ и мощамъ, онъ возвратился во дворецъ, откуда черезъ нѣсколько минутъ прослѣдовалъ на учебное поле пѣхотнаго лагеря на Сырцѣ, гдѣ былъ произведенъ смотръ всѣмъ войскамъ кіевскаго общаго сбора. По окончаніи смотра,

на обратномъ пути государь посѣтилъ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь, а затѣмъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ пробылъ болѣе часа, присутствуя при обѣдѣ дѣвицъ и гуляньи ихъ въ саду. Въ 6 часовъ во дворцѣ состоялся обѣдъ, на который были приглашены высшіе военные чины.

Вечеромъ государь былъ въ городскомъ театрѣ, гдѣ шла опера «Трубадуръ». Предъ театромъ, на терассѣ, былъ водруженъ громадный щитъ, освѣщавшій всю театральную площадь, покрытую сплошной массой народа. Государь остался вполнѣ доволенъ исполненіемъ оперы и пробылъ въ театрѣ почти до конца спектакля.

5 сентября, въ $9^1/_2$ часовъ утра, за городомъ былъ произведенъ въ высочайшемъ присутствіи двухсторонній маневръ всѣмъ войскамъ. Возвращаясь съ маневровъ, государь посѣтилъ военную гимназію, Левашевскій женскій пенсіонъ и Фундуклеевскую гимназію. Въ 6 часовъ во дворцѣ былъ обѣденный столъ, къ которому было приглашено избранное духовенство, высшіе гражданскіе чины и отставные военные генералы, проживавшіе въ Кіевѣ. Послѣ обѣда,

государь удостоилъ своимъ присутствіемъ дѣтскій танцовальный вечеръ въ институтѣ, устроенный генералъ-губернаторомъ для воспитанницъ заведенія.

6 числа утромъ на Оболони была произведена въ высочайшемъ присутствіи артиллерійская стрѣльба, послѣ которой государь, не заѣзжая уже во дворецъ, прослѣдовалъ прямо на вокзалъ, откуда въ часъ пополудни отбылъ въ Одессу.

Въ это посѣщеніе государемъ Кіева погода стояла всѣ дни прекрасная, что немало способствовало успѣху иллюминаціи и праздничному виду, который принялъ городъ для встрѣчи державнаго гостя.

Въ 1877 году, 21 апрѣля, императоръ Александръ II послѣдній разъ посѣтилъ Кіевъ. Въ это время турецкая война была только что объявлена, и государь пріѣхалъ въ Кіевъ помолиться и испросить у Господа Бога побѣды надъ врагомъ. Государь прибылъ въ Кіевъ ровно въ 12 часовъ дня, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ и княземъ Сергіемъ Максимиліановичемъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, впослѣдствіи несчастной жертвой войны.

На вокзалѣ встрѣчали: командующій войсками, губернаторъ, попечитель учебнаго округа, предводители дворянства кіевской губерніи, придворные чины, проживавшіе въ Кіевѣ, городской голова съ депутаціей отъ городского общества и депутація отъ университета съ ректоромъ во главѣ. По предварительно испрошенному высочайшему соизволенію, дворянство кіевской губерніи, городское общество и университетъ св. Владиміра поднесли вѣрноподданническіе адресы.

Губернскій предводитель дворянства, гофмейстеръ П. Д. Селецкій, сказалъ между прочимъ:

—Дворяне кіевской губерніи, движимые чувствами безпредѣльной любви и преданности къ тебѣ, возлюбленный монархъ, восторженно пріемля вѣсть объ объявленіи войны Турціи на защиту достоинства и чести дорогого, Промысломъ тебѣ ввѣреннаго отечества, съ благоговѣніемъ повергаютъ къ стопамъ твоимъ полную готовность жертвовать собою и своимъ достояніемъ по указанію державной твоей воли.

Принявъ адресъ, государь отвѣчалъ:

—Благодарю за участіе. Я со всѣхъ сторонъ получаю заявленія и увѣренъ, что

дворяне кіевской губерніи не отстанутъ отъ другихъ и на дѣлѣ докажутъ свою готовность, какъ Москва и Петербургъ.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе городского головы Н. К. Реннекампфа, удостоивъ принять хлѣбъ-соль, адресъ и приговоръ думы о пожертвованіи 100,000 рублей на санитарныя потребности арміи, государь сказалъ:

—Я пріѣхалъ помолиться съ вами и у васъ. Я всегда былъ увѣренъ въ преданности кіевлянъ и я вижу это. Благодарю за пожертвованіе.

Ректоръ университета А. П. Матвѣевъ прочелъ адресъ, въ которомъ отъ имени университета, его преподавателей и питомцевъ выражалась готовность отдать «всѣ помышленія, слова и дѣянія на служеніе Богомъ дарованному хранителю чести и славы родной Россіи».

Государь отвѣчалъ на это:

—Я увѣренъ, что ваша молодежь послужитъ отечеству, когда это потребуется. Благодарю.

Принявъ депутаціи, государь пригласилъ въ свой экипажъ генералъ-губернатора и по Безаковской, Бульвару, Крещатику и Александровской улицѣ прослѣдовалъ мимо дворца

чрезъ паркъ и Николаевскія ворота въ лавру. Все это пространство отъ вокзала до лавры на протяженіи 5 верстъ было залито сплошною массою народа, привѣтствовавшаго державнаго гостя громкимъ несмолкаемымъ «ура». Около памятника гр. Бобринскому къ народнымъ кликамъ присоединился народный гимнъ, который исполняли болѣе 2,000 воспитанниковъ гражданскихъ учебныхъ заведеній. На Бессарабкѣ была устроена тріумфальная арка, подлѣ которой стоялъ хоръ изъ типографскихъ рабочихъ и другихъ ремесленниковъ, который въ свою очередь встрѣтилъ государя народнымъ гимномъ. Хроникеръ «Кіевлянина» (1876 г., № 48) живо описываетъ встрѣчу государя на Крещатикѣ и далѣе:

«По всему Крещатику дома были украшены безчисленнымъ множествомъ флаговъ, бюстами, коврами, вензелями и цвѣтами; вверху, изъ открытыхъ оконъ и съ балконовъ, дамы и дѣти привѣтствовали государя воодушевленными кликами и махали платками; на улицѣ, въ массѣ народа, многіе падали на колѣна, благословляя монарха крестнымъ знаменіемъ. У прекрасно декорированнаго флагами и эмблемами и осѣ-

няемаго изображеніемъ патрона Кіева, св. архистратига Михаила, городского дома навстрѣчу его величеству раздался народный гимнъ, исполненный хоромъ и оркестромъ кіевскаго музыкальнаго общества, при чемъ видъ городского зданія обратилъ на себя на этотъ разъ особенное вниманіе государя императора. На Царской площади, украшенной изящной аркой съ флагами и гербами, воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, въ числѣ около 1,000 человѣкъ, еще разъ привѣтствовали государя народнымъ гимномъ. Встрѣченный на углу Александровской улицы, предъ дворцомъ, воспитанниками кіевскихъ ремесленныхъ школъ и благотворительныхъ заведеній, государь императоръ прослѣдовалъ чрезъ дворцовый паркъ, вновь удостоившійся высочайшей похвалы. Въ проѣздъ государя черезъ паркъ раздавались звуки народнаго гимна, исполняемаго оркестромъ и хоромъ кіевской оперной труппы».

У святыхъ вратъ Печерской лавры государь былъ встрѣченъ викаріями, Порфиріемъ, епископомъ чигиринскимъ, и Филаретомъ, епископомъ уманскимъ, съ соборомъ бѣлаго и чернаго духовенства. Во дворѣ,

по обѣимъ сторонамъ царскаго пути, стояло около 1,700 воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, усыпавшихъ дорогу цвѣтами. У самаго входа въ великую церковь государя встрѣчали всѣ служащіе гражданскіе и отставные военные чины, а въ самой церкви городскія дамы. Въ великой церкви государь выслушалъ краткое молебствіе и прикладывался къ св. мощамъ и иконамъ, послѣ чего епископъ Порфирій подпесъ ему и великимъ князьямъ по иконѣ Успенія Богоматери. Видимо растроганный, государь со слезами на глазахъ тутъ-же въ церкви обнялъ и поцѣловалъ наслѣдника цесаревича. На возвратномъ пути государь бесѣдовалъ съ нѣкоторыми воспитанницами учебныхъ заведеній и отъ одной изъ нихъ, родомъ болгарки, воспитывавшейся на царскій счетъ, принялъ букетъ цвѣтовъ.

Изъ лавры государь выѣхалъ чрезъ Васильковскія ворота на Эспланадную площадь, гдѣ состоялся смотръ войскамъ. Объѣхавъ войска и пропустивъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ баталіонными колоннами, государь собралъ вокругъ себя офицеровъ двухъ полковъ и саперной роты и въ обращенныхъ къ нимъ нѣсколькихъ сло-

вахъ напомнилъ имъ о славной службѣ полковъ въ прежнее время и выразилъ надежду, что и въ предстоящемъ имъ дѣлѣ они поддержатъ честь русскаго оружія. Затѣмъ государь проѣхалъ колонны войскъ насквозь и, обращаясь поочередно къ каждому баталіону, въ милостивыхъ словахъ напутствовалъ ихъ на предстоящіе подвиги. Выразивъ командующему войсками А. Р. Дрентельну благодарность за блестящее состояніе осмотрѣнныхъ войскъ, государь подъѣхалъ къ воспитанникамъ военной гимназіи, выстроившимся на плацу, и поздоровался съ ними. Послѣ смотра государь тѣмъ-же путемъ проѣхалъ на вокзалъ.

На вокзалѣ дамы высшаго общества поднесли нѣсколько букетовъ живыхъ цвѣтовъ; государь привѣтливо принималъ букеты и благодарилъ каждую даму отдѣльно. Затѣмъ, сопровождаемый дамами, депутаціями и чинами придворнаго, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, при кликахъ народа, стоявшаго сплошной массой на платформѣ, и звукахъ народнаго гимна, государь взошелъ въ вагонъ. Поѣздъ стоялъ еще нѣсколько минутъ, такъ какъ государь былъ занятъ чтеніемъ только-что полученныхъ телеграммъ и отвѣтомъ на нихъ.

Предъ самымъ отходомъ поѣзда государь явился у дверей вагона, желая что-то сказать. Но въ это время въ массѣ народа поднялось оглушительное «ура», которое не дало возможности разслышать царскія слова. Тогда государь передалъ черезъ генералъ-губернатора слѣдующее:

—Сейчасъ получилъ депешу отъ императрицы. Она поручаетъ мнѣ клапяться и благодарить кіевлянъ.

Съ этими словами императорскій поѣздъ тронулся, а вслѣдъ за нимъ понеслись горячія пожеланія и восторженные клики народа.

Императоръ Александръ III.

IX.

Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III посѣтилъ Кіевъ три раза, изъ нихъ дважды въ бытность свою наслѣдникомъ престола. 5 сентября 1869 года, въ 11 часовъ вечера, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ прибылъ въ Кіевъ по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, съ супругою своею, нынѣ благополучно здравствующею Императрицею-Матерью, тогда Цесаревною Маріей Ѳеодоровной, и принцами Ольденбургскими, Петромъ Георгіевичемъ и Александромъ Петровичемъ. На вокзалѣ высокихъ гостей, по обычаю, встрѣтили мѣстныя власти: командующій войсками, губернаторъ, комендантъ крѣпости, губернскій предводитель, гофмейстеръ П. Д. Селец-

кій, и уѣздные предводители съ дворянствомъ кіевской губерніи, чины двора, проживавшіе въ Кіевѣ, высшіе гражданскіе чиновники и городское общество съ хлѣбомъ-солью. Съ вокзала Государь Наслѣдникъ и Цесаревна прослѣдовали въ легкомъ открытомъ экипажѣ, запряженномъ тройкою лошадей въ разукрашенной русской сбруѣ, по ярко иллюминованнымъ улицамъ въ генералъ-губернаторскій домъ, въ приготовленные для нихъ покои. У сквера, на скатѣ Александровской горы, былъ освѣщенъ большой щитъ «напоминавшій», по выраженію газетнаго хроникера, «освобожденіе крестьянъ». Подлѣ щита стояли волостные старшины, сельскіе старосты и мировые посредники и передъ ними покрытый простою холстиной столикъ съ хлѣбомъ-солью. Ихъ Высочества подъѣхали къ этой группѣ, милостиво поздоровались съ представителями крестьянъ и приняли хлѣбъ-соль. Въ генералъ-губернаторскомъ домѣ высокіе гости приняли почетный караулъ, послѣ чего имъ были представлены завѣдующіе отдѣльными управленіями военнаго вѣдомства. Толпы народа, встрѣчавшія и провожавшія Наслѣдника и Цесаревну на всемъ пути ихъ слѣ-

дованія, особенно суетились возлѣ генералъ-губернаторскаго дома и тутъ громкимъ неумолкаемымъ «ура» побудили ихъ еще разъ показаться народу. Когда Наслѣдникъ съ непокрытой головой и Цесаревна появились на балконѣ и подошли къ рѣшеткѣ, поднялся цѣлый взрывъ единодушныхъ и восторженныхъ привѣтствій, на которыя Ихъ Высочества милостиво отвѣчали поклонами и ласковыми улыбками. При входѣ въ домъ генералъ-губернатора высокіе гости были встрѣчены супругою губернатора Катакази съ хлѣбомъ-солью и почетнымъ карауломъ отъ саперъ и донскихъ казаковъ. Пока Наслѣдникъ принималъ почетный караулъ, Ея Высочеству представлялись прибывшіе изъ Меджибожа полковой командиръ, командиръ 1 эскадрона и ординарцы отъ Чугуевскаго уланскаго Ея Высочества полка. Цесаревна очень милостиво распрашивала о состояніи полка.

На слѣдующій день Институтская улица возлѣ дома генералъ-губернатора съ утра наполнилась народомъ и множествомъ экипажей лицъ, ѣхавшихъ представляться высокимъ гостямъ. Пріемъ начался въ 11 часовъ утра. Представлялись высшіе граждан-

скіе и военные чины, дворяне кіевской губерніи, городской голова, нѣкоторые представители кіевскаго купечества, прибывшіе въ Кіевъ члены учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и множество дамъ высшаго общества, въ томъ числѣ начальница института благородныхъ дѣвицъ.

Въ началѣ 2 часа Ихъ Высочества въ сопровожденіи принцевъ Ольденбургскихъ прослѣдовали въ Лавру, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ Арсеніемъ и многочисленнымъ духовенствомъ и монастырскою братіей. Здѣсь высокіе поклонники посвятили болѣе 2 часовъ на поклоненіе лаврскимъ святынямъ, посѣщеніе ближнихъ и дальнихъ пещеръ и обозрѣніе разныхъ достопримѣчательностей, послѣ чего удостоили митрополита своимъ посѣщеніемъ.

Въ 4 часу Ихъ Высочества отправились изъ лавры къ подольской пристани для прогулки на пароходѣ въ Китаевъ, на устроенный въ честь ихъ народный праздникъ. Всѣ высоты кіевскія, съ которыхъ можно было видѣть пароходъ, вся пристань и набережная были запружены народомъ, встрѣчавшимъ высокихъ гостей громкимъ «ура». Когда Ихъ Высочества подъѣхали къ приста-

ни и взошли на приготовленный для нихъ пароходъ «Александръ II», раздался народный гимнъ, подъ звуки котораго пароходъ медленно и плавно тронулся внизъ по теченію.

Между тѣмъ въ Китаевъ уже съ самаго ранняго утра направилось множество горожанъ на пароходахъ, въ экипажахъ и пѣшкомъ. Туда же, на устроенный городомъ Кіевомъ въ честь пребыванія высокихъ гостей народный праздникъ вызваны были изъ сосѣднихъ селъ и деревень крестьяне, одѣтые въ лучшія праздничныя одежды. Толпа была громадна; насчитывали до 15,000 человѣкъ. Для увеселенія народа были приготовлены качели, мачты съ призами и нѣсколько хоровъ военной музыки. Около 5 часовъ «Александръ II» пристalъ при радостныхъ возгласахъ народа къ берегу. На пристани Ихъ Высочества встрѣчены были хозяиномъ праздника, городскимъ головою, и вице-губернаторомъ. Тутъ-же, въ числѣ 100 человѣкъ, стояли волостные старшины и сельскіе старосты. Сѣвъ въ экипажъ, высокіе гости направились прежде всего черезъ рощу въ монастырь, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ Арсеніемъ съ братіей; въ монастырь и обратно за коляской Ихъ

Высочествъ слѣдовали верхами командующій войсками съ чинами штаба, множество офицеровъ и вызванные на праздникъ донскіе казаки. Изъ монастыря Ихъ Высочества возвратились на площадь, гдѣ происходило гулянье. Войдя въ устроенный для нихъ роскошный павильонъ, они приняли предложенный отъ кіевскаго купечества чай и десертъ, во время котораго Наслѣдникъ и Цесаревна нѣсколько разъ подходили къ перилямъ балкона, милостиво отвѣчали поклонами на неумолкаемыя привѣтствія народа, окружавшаго тѣсною толпою павильонъ, и бросали въ народъ конфекты и фрукты. Изъ среды крестьянъ въ павильонъ было допущено до 30 дѣвушекъ и парней, а также часть бывшихъ на гуляньѣ старшинъ. Государь Наслѣдникъ ласково распрашивалъ нѣкоторыхъ изъ старшинъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, а Цесаревна раздавала дѣвушкамъ и парнямъ конфекты; одна изъ крестьянокъ упала при этомъ въ ноги Цесаревнѣ и поцѣловала край ея платья.

Около павильона устроились танцы. Крестьяне плясали подъ звуки своей-же музыки. Хроникеръ «Кіевскаго Телеграфа» такъ описываетъ этотъ праздникъ: «Ожи-

вленіе было чрезвычайное. Военныя и сельскія музыки, пѣсни, танцы, восторженные возгласы, громкій говоръ, все это сливалось въ общій гулъ ликованія. Качели не переставали подниматься и опускаться, мачты съ призами привлекали толпы охотниковъ, боровшихся за первенство. По данному сигналу, почти мгновенно исчезло заготовленное на множествѣ разставленныхъ столовъ угощеніе и распиты бочки съ пивомъ. Отъ чрезмѣрнаго избытка незванныхъ гостей-солдатъ, праздникъ этотъ вышелъ наполовину солдатскимъ. Крестьянамъ трудно было соперничать съ ловкими служивыми».

Въ 7 часовъ вечера Ихъ Высочества опять взошли на пароходъ, который затѣмъ и отбылъ въ сопровожденіи 6 или 7 другихъ пароходовъ, наполненныхъ публикою, прибывшею изъ Кіева. Громкіе крики «ура» провожали царственныхъ гостей, которые нѣсколько разъ отвѣчали поклонами оставшемуся на берегу народу.

По мѣрѣ слѣдованія парохода, на обоихъ берегахъ Днѣпра зажигалась такая-же иллюминація, какая была въ томъ-же году 30 іюля, въ вечеръ пріѣзда императора

Александра II, и которую государь назвалъ волшебною. «Также, какъ и въ прошлый разъ», пишетъ хроникеръ «Кіевлянина», «иллюминація была великолѣпна». Сначала показался мостъ (желѣзнодорожный), воздвигаемый г. Струве, освѣщенный плошками и разноцвѣтными бенгальскими огнями, затѣмъ временная станція и пристань Курско-Кіевской желѣзной дороги; далѣе величественно высились на высотахъ лѣвой стороны опоясанныя огнями зданія Кіево-Печерской лавры, *) Аскольдова могила, крѣпость; наконецъ, показались въ чудномъ свѣтѣ памятникъ св. Владиміру, Андреевская церковь и залитая огнями подольская часть города и пристань. Во время слѣдованія парохода былъ сожженъ прекрасный фейерверкъ. Весь вечеръ городъ былъ великолѣпно и разнообразно иллюминованъ».

*) Въ другой мѣстной газетѣ, „Кіевскомъ Телеграфѣ“, такъ описывается иллюминація лавры: „Зрители восхищались иллюминованными зданіями и оградой лавры и пещеръ, надъ которыми высилась и вѣнчала собою волшебную картину освѣщенная лаврская колокольня, представлявшаяся воображенію всероссійской свѣчей, пылавшей у подножія престола Всевышняго“.

Вернувшись съ прогулки въ Китаевъ, Ихъ Высочества присутствовали вечеромъ съ принцами Ольденбургскими на представленіи въ городскомъ театрѣ, гдѣ давались отрывки изъ «Жизни за Царя» и «Русалки». Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій подробно осматривалъ въ этотъ день подвѣдомственный ему институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Въ воскресенье, 7 сентября, Ихъ Высочества слушали утромъ обѣдню въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома, а затѣмъ, послѣ завтрака, отправились на Сырецъ, въ лагерь 12 пѣхотной дивизіи. Когда экипажъ подъѣхалъ къ роскошной палаткѣ, устроенной на правомъ флангѣ выстроившихся войскъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, встрѣченный командующимъ войсками, чинами штаба и начальниками отдѣльныхъ частей войскъ и военныхъ управленій, сѣлъ на копя и объѣхалъ лагерь. Цесаревна слѣдовала за нимъ въ экипажѣ съ княгиней Куракиной. Прекрасно устроенный лагерь, усаженный деревьями и представлявшій собою образецъ чистоты и порядка, очень понравился высокимъ посѣтителямъ. При обратномъ слѣдованіи по ла-

герю, солдаты, неудерживаемые уже дисциплиной, радостной толпою бѣжали за экипажемъ, провожая царственныхъ гостей. Пересѣвъ въ экипажъ, Государь Наслѣдникъ поѣхалъ съ Цесаревной обратно въ Кіевъ. Впереди экипажа скакали донцы, а сзади командующій войсками съ другими начальниками военнаго управленія и офицерами до самыхъ тріумфальныхъ воротъ, возлѣ которыхъ Его Высочеству угодно было отпустить провожавшихъ.

Возвратившись въ городъ, Ихъ Высочества посѣтили извѣстнаго Андрея Николаевича Муравьева. Вотъ какъ описываетъ это посѣщеніе жившій въ то время у А. Н. Муравьева М. О. Семеновъ («Русскій Архивъ» 1885 г.): «Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревной удостоили своимъ посѣщеніемъ Андрея Николаевича, въ подробности осмотрѣли его образную, затѣмъ прошли по саду, любовались съ вала видами и заходили въ хижину, гдѣ провели болѣе получаса. Такъ какъ работы наши по укрѣпленію горы заканчивались, то я дѣлалъ планъ всѣмъ работамъ, на который Его Высочество обратилъ вниманіе и подробно распрашивалъ меня о ходѣ работъ, а Ея Высочество съ

любопытствомъ разсматривала устройство хижины и даже снимала со стѣны нѣкоторые фотографическіе виды Кіева. Радушный хозяинъ угощалъ высокихъ посѣтителей виноградомъ и фруктами изъ своего сада, потомъ сопутствовалъ августѣйшимъ гостямъ по Кіеву и объяснялъ его исторію въ памятникахъ. Ея Высочеству, на память посѣщенія ею образной, Андрей Николаевичъ поднесъ древній крестъ съ Голгоѳою, въ которую были вставлены камни изъ св. мѣстъ». Съ А. Н. Муравьевымъ Ихъ Высочества посѣтили и подробно осматривали Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь, Десятинную и Андреевскую церкви, послѣ чего возвратились домой.

Въ 6 часовъ вечера состоялся обѣденный столъ, къ которому удостоились приглашенія митрополитъ Арсеній съ викарными епископами, высшіе гражданскіе и военные чины, предводители дворянства и нѣкоторые изъ мѣстныхъ дворянъ. Послѣ обѣда удостоился представленія прибывшій въ Кіевъ сынъ Шамиля съ женою, а въ 8 часовъ вечера Ихъ Высочества прослѣдовали въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ при входѣ были встрѣчены главноуправ-

ляющимъ IV Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи (по учрежденіямъ Императрицы Маріи), принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, начальницей института и членами совѣта. Воспитанницы ожидали высокихъ гостей въ актовой залѣ. Милостиво поздоровавшись съ ними, Ихъ Высочества осматривали институтское зданіе, а затѣмъ удостоили своимъ присутствіемъ вечерній чай воспитанницъ. Пробывъ въ институтѣ около часа, царственные посѣтители возвратились по ярко иллюминованнымъ улицамъ домой.

Въ этотъ вечеръ, какъ и въ оба предшествовавшіе, иллюминація была зажжена во всемъ городѣ. По улицамъ ходили густыя толпы народа, ожидавшаго, что Ихъ Высочества проѣдутъ въ театръ. Когда стало извѣстно, что высокіе гости прослѣдовали къ себѣ, то передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ собралась масса публики, которая стала кричать «ура» до тѣхъ поръ, пока Наслѣдникъ и Цесаревна не вышли на балконъ и не показались народу.

Въ понедѣльникъ, 8 сентября, въ день храмового праздника въ Софійскомъ соборѣ, Рождества Богородицы, Ихъ Высоче-

ства слушали въ Софійскомъ соборѣ литургію, совершенную митрополитомъ Арсеніемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, послѣ чего въ 11 часовъ выѣхали съ подольской пристани на пароходѣ «Александръ II» къ временному вокзалу Курско-Кіевской желѣзной дороги на лѣвой сторонѣ Днѣпра, для слѣдованія въ дальнѣйшій путь въ Петербургъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій остался еще на два дня въ Кіевѣ для подробнаго осмотра подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

Наслѣдникъ Цесаревичъ при отъѣздѣ передалъ въ распоряженіе кіевскаго губернатора 500 рублей въ пользу бѣдныхъ жителей города Кіева.

Въ послѣднее посѣщеніе Кіева императоромъ Александромъ II, 21 апрѣля 1877 года, вмѣстѣ съ державнымъ отцомъ своимъ въ Кіевѣ былъ и Цесаревичъ Александръ Александровичъ. Обстоятельства этого пріѣзда уже подробно изложены нами въ предъидущей главѣ, и потому намъ остается описать только послѣднее посѣщеніе Кіева въ Бозѣ почившимъ Государемъ Александромъ III, состоявшееся уже послѣ вступ-

ленія его на престолъ и послѣ Священнаго Коронованія, въ 1885 году.

Кто изъ кіевлянъ не помнитъ августовскихъ торжествъ 1885 года? Еще за нѣсколько дней до царскаго пріѣзда городъ началъ принимать праздничный видъ. Окна и балконы въ домахъ въ изобиліи украшались флагами, коврами, гирляндами изъ зелени. Среди прекрасныхъ драпировокъ виднѣлись бюсты и транспаранты съ иниціалами Ихъ Величествъ; улицы также покрылись флагами; словомъ, кіевляне собирались съ особой торжественностью встрѣтить своихъ Августѣйшихъ Гостей.

Ровно въ 6 часовъ по полудни 16 августа 1885 года императорскій поѣздъ благополучно достигъ Кіева. Вмѣстѣ съ Ихъ Величествами, Государемъ Императоромъ Александромъ III и Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной прибыли Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, и Великіе Князья Георгій Александровичъ (нынѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ) и Владиміръ Александровичъ съ супругою своею, Великой Княгиней Маріей Павловной. На вокзалѣ прибытія Высокихъ

Путешественниковъ ожидали Великій Князь Петръ Николаевичъ и высшія мѣстныя гражданскія и военныя власти.

При выходѣ изъ вагона Государь принялъ отъ кіевскаго губернатора камергера Л. П. Томара всеподданнѣйшій рапортъ и подъ руку съ Государыней прошелъ въ царскую палатку, устроенную въ русскомъ вкусѣ и всю убранную флагами и гирляндами изъ зелени. Здѣсь городской голова, привѣтствуя Августѣйшихъ Гостей отъ имени города съ благополучнымъ прибытіемъ, поднесъ имъ хлѣбъ-соль на великолѣпномъ рѣзномъ блюдѣ, милостиво принятую Государемъ; въ то-же время губернскій предводитель дворянства, камергеръ кн. Н. В. Репнинъ поднесъ Государынѣ букетъ цвѣтовъ изъ бѣлыхъ розъ. Почетный караулъ на вокзалѣ былъ отъ драгунскаго Чугуевскаго полка, шефомъ котораго и понынѣ состоитъ Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. При входѣ въ царскіе покои супруга генералъ-губернатора М. А. Дрентельнъ поднесла Государынѣ въ свою очередь великолѣпный букетъ, послѣ чего были представлены нѣкоторыя дамы высшаго мѣстнаго общества.

Затѣмъ Ихъ Величества сѣли въ открытую коляску и среди шумныхъ привѣтствій многочисленнаго народа отправились въ Софійскій соборъ. По пути слѣдованія царскаго экипажа буквально весь Кіевъ высыпалъ на встрѣчу. На Безаковской улицѣ отъ вокзала выстроились шпалерами кадеты, а по лѣвому тротуару Бибиковскаго бульвара и на Владимірской улицѣ стояли воспитанницы и воспитанники кіевскихъ женскихъ и мужскихъ гимназій; воспитанницы имѣли въ рукахъ букеты цвѣтовъ.

У колокольни Софійскаго собора Ихъ Величества были встрѣчены многочисленнымъ духовенствомъ, во главѣ котораго находились митрополиты Платонъ и Михаилъ (сербскій); митрополитъ Платонъ произнесъ при встрѣчѣ краткую привѣтственную рѣчь, послѣ которой Государь и Государыня съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и прочими лицами Августѣйшей Фамиліи прослѣдовали, предшествуемые духовенствомъ въ соборъ, гдѣ послѣ краткой литіи прикладывались къ мощамъ священномученика Макарія и осматривали гробницу Ярослава Мудраго и нѣкоторыя другія достопримѣчательности храма. Въ соборѣ во время

Высочайшаго посѣщенія находились воспитанницы института благородныхъ дѣвицъ съ начальницей во главѣ, а въ оградѣ соборной собралось до 100 человѣкъ дворянъ, представителей лучшихъ фамилій юго-западныхъ губерній.

Изъ собора Ихъ Величества прослѣдовали во дворецъ. Тѣ-же несмѣтныя толпы народа стояли на всемъ пути слѣдованія. Оживленіе народное достигло высшей степени на Думской площади, гдѣ у зданія городской думы, на особой эстрадѣ, находились воспитанницы и воспитанники городскихъ школъ, исполнявшіе при проѣздѣ Августѣйшихъ Гостей народный гимнъ; тутъ дѣтское пѣніе было совершенно заглушено громкимъ «ура» многотысячной толпы, покрывшей всю площадь.

Во дворцѣ Государь принялъ почетный караулъ отъ 5 сапернаго баталіона. Тутъ-же представлялись высшіе военные чины до полковыхъ командировъ включительно, послѣ чего Высокіе Путешественники посѣтили Великую Княгиню Александру Петровну, у которой пробыли около часу. Затѣмъ во дворцѣ состоялся обѣденный столъ, послѣ котораго на противоположной сторонѣ

Днѣпра былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, на который Ихъ Величества любовались изъ оконъ дворца.

Въ городѣ также вечеромъ повсюду зажглись тысячи огней. На площади возлѣ думы и въ увеселительныхъ садахъ играли оркестры музыки, и толпы несмѣтнаго народа гуляли по улицамъ до поздней ночи. На чистомъ небѣ, какое было въ началѣ ночи, взошла полная луна и, въ довершеніе волшебной иллюминаціи города, озарила своимъ мягкимъ и ровнымъ свѣтомъ картину праздника.

Но уже съ 3 часовъ ночи небо стало заволакиваться тучами. Въ 4 часа утра полилъ сильный дождь. Къ утру всѣ улицы были покрыты ручьями, а на Крещатикѣ цѣлыми рѣками воды, но дождь все не унимался. Вслѣдствіе такой ненастной погоды, предполагавшійся въ 11 часовъ утра въ Высочайшемъ присутствіи общій парадъ всѣмъ войскамъ на Сырцѣ былъ отложенъ до слѣдующаго дня.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра во дворецъ явились, въ числѣ 16 человѣкъ, выборные отъ артельщиковъ Курско-Кіевской желѣзной дороги съ хлѣбомъ-солью на богатомъ

серебряномъ блюдѣ. Артельщики были милостиво приняты Ихъ Величествами. Государь собственноручно принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль и сказалъ:

—Я очень радъ, что Богъ привелъ вамъ представиться Мнѣ здѣсь.

Государыня допустила артельщиковъ къ рукѣ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ они просили Государя удостоить ихъ счастья видѣть Наслѣдника Цесаревича. Государь повелѣлъ отвести ихъ въ покои Цесаревича, гдѣ Государь Наслѣдникъ ласково ихъ принялъ, распрашивая своихъ скромныхъ гостей объ ихъ житьѣ-бытьѣ.

Въ часъ пополудни во дворцѣ состоялся завтракъ, къ которому были удостоены приглашенія высшіе военные чины и командиры отдѣльныхъ частей. Во время завтрака Государь милостиво бесѣдовалъ со многими изъ приглашенныхъ, а въ заключеніе провозгласилъ тостъ за здоровье собранныхъ въ Кіевѣ войскъ кіевскаго военнаго округа.

Въ 2 часа 15 минутъ дня Государь съ Государыней, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и прочими Высочайшими Особами посѣтили институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ были

встрѣчены у подъѣзда членами совѣта института, а въ швейцарской — начальницей заведенія. Отсюда высокіе посѣтители поднялись во второй этажъ, гдѣ въ актовомъ залѣ были собраны воспитанницы. При входѣ въ залъ самая маленькая воспитанница поднесла Государынѣ букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ съ слѣдующими словами:

—Удостойте принять, Ваше Императорское Величество, эти цвѣты, а съ ними вмѣстѣ наши сердца и нашу любовь.

Въ залѣ хоръ воспитанницъ спѣлъ народный гимнъ, послѣ чего двѣ воспитанницы выпускнаго класса поднесли Государынѣ атласный коверъ работы воспитанницъ старшаго класса, темномалиноваго цвѣта съ палевыми полосами, вышитый розами. Кромѣ того, еще одна воспитанница поднесла своей работы копію съ Сикстинской Мадонны. Послѣ принятія подарковъ, Государь пожелалъ увидѣть свою пансіонерку, крестницу императора Александра II, дочь извѣстнаго Садыкъ-паши Чайковскаго, и милостиво ее распрашивалъ. Затѣмъ Августѣйшимъ Посѣтителямъ была представлена программа музыки и пѣнія. Ихъ Величества пожелали выслушать хоръ изъ «Евгенія Онѣгина»,

фортепіанную пьесу на мотивы изъ той-же оперы и романсъ Рубинштейна «L'aurore». Пѣніе воспитанницъ очень понравилось Ихъ Величествамъ, и Государь сказалъ начальницѣ, что воспитанницы поютъ очень мило и стройно. Въ то же время Государыня милостиво распрашивала классныхъ дамъ объ ихъ службѣ, а инспекторъ института представилъ Ея Величеству преподавателей института. Оставивъ актовый залъ, высокіе гости прошли въ сопровожденіи воспитанницъ въ церковь, гдѣ встрѣчены были настоятелемъ и прикладывались къ св. кресту, послѣ чего осматривали нѣкоторые классы и поднялись въ третій этажъ, въ дортуары. Ихъ Величества пожелали видѣть также больныхъ воспитанницъ, но таковыхъ не оказалось. Государь замѣтилъ при этомъ, что внѣшній видъ воспитанницъ вообще цвѣтущій и здоровый. Спускаясь во второй этажъ, Ихъ Величества были встрѣчены пѣніемъ «многая лѣта» и, сопровождаемые всѣми воспитанницами и служащими, оставили заведеніе, милостиво выразивъ начальницѣ свое удовольствіе по поводу блестящаго состоянія института.

Въ 3 часа дня Ихъ Величества прибы-

ли въ училище для слѣпыхъ дѣтей и убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ. При входѣ слѣпой мальчикъ подпесъ Государынѣ корзину цвѣтовъ, послѣ чего Высокіе Посѣтители прослѣдовали въ церковь, гдѣ, по обычаю, были встрѣчены священникомъ и прикладывались къ св. кресту; хоръ изъ малолѣтнихъ и взрослыхъ слѣпыхъ исполнялъ въ это время «Спаси, Господи, люди Твоя». Въ училищѣ Государь милостиво распрашивалъ о положеніи слѣпыхъ мальчиковъ, и въ особенности о слѣпорожденныхъ дѣтяхъ, а въ классной комнатѣ обратилъ вниманіе на чтеніе и письмо дѣтей выпуклыми точками и буквами и распрашивалъ учительницу о преимуществахъ того и другого способа обученія слѣпыхъ дѣтей грамотѣ. Изъ училища Ихъ Величества направились въ убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ и въ мастерской разсматривали нѣкоторыя работы призрѣваемыхъ. При выходѣ Августѣйшихъ Посѣтителей изъ убѣжища, ихъ привѣтствовали воспитанницы пріюта дѣтей павшихъ воиновъ, поднесшія Ея Величеству своей работы полотенце, вышитое въ русскомъ вкусѣ съ надписью: «Дѣти—сироты Царицѣ—матери»; хоръ воспитанницъ исполнилъ при

этомъ народный гимнъ. Оставляя убѣжище, Ихъ Величества выразились о важности и пользѣ заведеній, имѣющихъ цѣлью облегченіе и улучшеніе участи слѣпыхъ.

Послѣ убѣжища для слѣпыхъ царскаго посѣщенія удостоились Сулимовскія благотворительныя учрежденія, гдѣ высокіе гости были встрѣчены предсѣдательницей благотворительнаго общества, супругою генералъ-губернатора М. А. Дрентельнъ, и дамами-патронессами. Здѣсь Ихъ Величества посѣтили домовую церковь, послѣ чего осматривали ремесленную и рукодѣльную школы. Воспитанницы поднесли при этомъ Государынѣ вышитую подушку съ иниціалами А и М и государственнымъ гербомъ, а Государыня распрашивала ихъ объ ученіи и пребываніи въ школѣ. Напутствуемые гимномъ, Ихъ Величества отбыли отсюда въ Александровскую городскую больницу.

Осмотръ Александровской больницы начался съ тифознаго барака, откуда Ихъ Величества прошли въ женское хирургическое отдѣленіе, а затѣмъ во вновь выстроенный каменный двухъ-этажный павильонъ, отведенный подъ мужское терапевтическое отдѣленіе. Въ тифозномъ баракѣ Ихъ Вели-

чества удостоили милостивыхъ разспросовъ почти каждаго больнаго, подходя къ кроватямъ и освѣдомляясь у врачей о ходѣ болѣзни пацiентовъ. Одинъ больной изъ выздоравливающихъ припалъ къ ногамъ Государя, прося о припятiи его вновь на службу. Оказалось, что проспвшiй больной служилъ въ Добровольномъ флотѣ, но за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ выпуждепъ былъ оставить службу по семейнымъ обстоятельствамъ. Государь милостиво припялъ ходатайство и поручилъ генералъ-губернатору припять прошепiе. Директоръ Александровской больницы удостоился Высочайшей благодарности за отличное состояніе ввѣрепнаго ему учрежденiя. Благодаря директора, Государь спросилъ присутствовавшаго тутъже городского голову, намѣренъ-ли городъ расширять больницу, па что голова отвѣчалъ, что расширепiе этой больницы составляетъ одпу изъ главнѣйшихъ заботъ городского управленiя.

Изъ Александровской больницы Ихъ Величества прослѣдовали въ Маріинскую общину Краспаго Креста, гдѣ выразили полное свое удовольствiе по поводу пайденнаго порядка, чистоты и удобства. Государы-

ня Императрица, передавая на слѣдующій день послѣ посѣщенія Маріинской общины то пріятное впечатлѣніе, которое она вынесла изъ осмотра этого образцоваго учрежденія, выразила желаніе, чтобы кіевская Маріинская община послужила образцомъ и примѣромъ для вновь учреждаемыхъ общинъ Краснаго Креста.

Около 5 ч. пополудни Ихъ Величества отправились въ 1-ю гимназію. По дорогѣ, при поворотѣ царскаго экипажа съ Крещатика на Бибиковскій бульваръ, одна бѣдно одѣтая старушка, которая не надѣялась, что ее допустятъ во дворецъ подать просьбу дежурному флигель-адъютанту, подняла вверхъ прошеніе и замахала имъ. Государь обратилъ на нее вниманіе и, велѣвъ остановить экипажъ, милостиво принялъ ея прошеніе. Бѣдная старушка въ волненіи едва могла подойти къ экипажу.

Въ 1-й гимназіи Государь былъ встрѣченъ попечителемъ учебнаго округа тайнымъ совѣтникомъ С. П. Голубцовымъ съ всеподданнѣйшимъ рапортомъ. Въ актовой залѣ воспитанники пропѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя». Обходя воспитанниковъ, разставленныхъ по классамъ, Государь подо-

шелъ къ воспитанникамъ 8 класса и тутъ милостиво освѣдомился о сынѣ генералъ-губернатора, находившемся среди учениковъ. Ихъ Величества обратили вниманіе на многочисленность учащихся, которыхъ тогда въ 1-й гимназіи было до 800 человѣкъ, и спрашивали, сколько въ гимназіи параллельныхъ отдѣленій. Посѣтивъ затѣмъ церковь, на обратномъ пути въ залу Государь распрашивалъ директора, давно-ли помѣщается въ этомъ зданіи 1-я гимназія, на что директоръ отвѣчалъ, что зданіе выстроено въ 1853 году собственно для 2-й гимназіи, но до 1857 г., до постройки отдѣльнаго зданія для кадетскаго корпуса, здѣсь отведено было помѣщеніе для перапжированныхъ ротъ кадетскаго корпуса. По возвращеніи въ залу, Ихъ Величества прослушали исполненный хоромъ воспитанниковъ народный гимнъ, послѣ чего милостиво простились съ ними и отбыли изъ заведенія, сопровождаемые попечителемъ, директоромъ и прочими служащими. Толпа воспитанниковъ съ кликами «ура» бѣжала за царскимъ экипажемъ до самаго Крещатика.

Послѣ посѣщенія 1-й гимназіи Ихъ Ве-

личества прослѣдовали прямо во дворецъ, а Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ сперва посѣтили генералъ-губернатора, послѣ чего направились также во дворецъ. Въ этотъ день въ 6 часовъ вечера Ихъ Величества обѣдали у великой княгини Александры Петровны. Вечеромъ городъ былъ, какъ и въ предъидущій день, роскошно иллюминованъ.

18 августа, въ 10 ч. утра, Ихъ Величества отправились въ лавру, гдѣ слушали литургію, совершенную митрополитами Платономъ и Михаиломъ съ многочисленнымъ монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ. Послѣ литургіи митрополитъ Платонъ удостоился Высочайшаго посѣщенія. Государынѣ и Великой Княгинѣ въ митрополичьихъ покояхъ были подпесены букеты дѣтьми Демидова князя Санъ-Донато. Августѣйшіе гости пили у митрополита чай, который подавалъ намѣстникъ лавры, а затѣмъ вышли на балконъ, гдѣ нѣкоторое время любовались прекрасными видами на Днѣпръ и далекое Заднѣпровье.

Изъ лавры Ихъ Величества отправились на смотръ войскамъ на Сырцѣ. Хроникеръ «Кіевлянина» пишетъ: «Можно не преуве-

личивая сказать, что въ этотъ день весь Кіевъ вышелъ навстрѣчу Ихъ Величествамъ. Къ 12 ч. дня улицы отъ дворца по Александровской горѣ; Крещатику и Бульвару до кадетскаго корпуса и далѣе за городъ по Шулявкѣ, на протяженіи болѣе 5 верстъ, были окаймлены живой стѣной народа. За Шулявкою по полю народъ размѣстился живописными группами, все болѣе и болѣе сгущавшимися по мѣрѣ приближенія къ мѣсту смотра. На лагерномъ полѣ, противъ шулявскихъ дачъ, недалеко отъ Старожитомирской дороги былъ устроенъ императорскій павильонъ въ русскомъ стилѣ, изящно декорированный. Павильонъ былъ обитъ внутри свѣтло-голубою шелковою матеріею; навѣсъ балкона и колонны, поддерживающія его, украшены буфами изъ свѣтло-розоваго шелка, а лѣстница, ведущая въ павильонъ, покрыта коврами; перила обиты темно-малиновымъ бархатомъ». Слѣва предъ павильономъ выстроились кадеты, справа были устроены для публики двѣ эстрады, а передъ эстрадами стояли дворяне въ мундирахъ».

Въ $12^1/_2$ час. дня Ихъ Величества прибыли въ лагерь. Государь, принявъ отъ ко-

мандующаго войсками всеподданнѣйшій рапортъ, сѣлъ на коня и, сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями Владиміромъ Александровичемъ и Петромъ Николаевичемъ, сталъ объѣзжать войска. За Государемъ слѣдовала Государыня съ Великой Княгиней Маріей Павловной въ роскошномъ ландо à la Daumont. Объѣхавъ войска, Государь остановился предъ павильономъ, и начался церемоніальный маршъ, который Государыня съ Великой Княгиней наблюдали съ балкона павильона. Войска проходили молодецки и стройно, и Государь, оставшійся очень доволенъ смотромъ, хвалилъ при прохожденіи каждую часть отдѣльно.

По окончаніи смотра Государь собралъ вокругъ себя начальниковъ отдѣльныхъ частей и въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за усердную службу. Затѣмъ Его Величеству угодно было видѣть офицеровъ, бывшихъ въ рущукскомъ отрядѣ, которымъ командовалъ Государь въ минувшую турецкую кампанію. Когда офицеры были выстроены, Государь подъѣхалъ къ нимъ и благодарилъ, при чемъ выразилъ удовольствіе, что видитъ предъ собою такъ много

офицеровъ, дѣлившихъ съ нимъ труды боевой жизни. Государь указалъ при этомъ на свой Георгіевскій крестъ и присовокупилъ:

—Крестъ этотъ я получилъ при покойномъ моемъ батюшкѣ, благодаря вашимъ военнымъ заслугамъ. Спасибо вамъ, господа!

Раздалось громкое «ура», и офицеры обступили своего державнаго вождя. Простившись съ ними, Государь сѣлъ вмѣстѣ съ Государыней въ экипажъ и при громкихъ кликахъ «ура» отбылъ изъ лагеря прямо во дворецъ.

Въ $2^1/_2$ часа во дворцѣ состоялся пріемъ высшихъ духовныхъ особъ, гражданскихъ чиновъ, дворянства губерній Юго-Западнаго края и городского головы. Попечителю учебнаго округа Государь сказалъ при представленіи, что онъ остался очень доволенъ воспитанниками учебныхъ заведеній, имъ посѣщенныхъ, и приказалъ освободить ихъ на три дня отъ занятій. Городской голова поднесъ Ея Величеству изящный альбомъ съ фотографическими видами Кіева, при чемъ Государыня замѣтила, что Кіевъ ей очень нравится и благодарила за

альбомъ. Государь въ свою очередь сказалъ головѣ, что онъ очень доволенъ Кіевомъ и надѣется его еще посѣтить.

Въ $6^1/_2$ часовъ вечера была назначена наводка понтоннаго моста, а по окончаніи ея прогулка Ихъ Величествъ на пароходѣ по Днѣпру. Ихъ Величества, по прибытіи на набережную вошли въ палатку, приготовленную для нихъ противъ мѣста наводки моста. Наводка началась въ 6 часовъ 38 минутъ и въ 24 минуты была уже окончена. Въ числѣ понтоновъ, составившихъ мостъ, было не мало находившихся въ 1877 году во время зимницкой переправы на Дунаѣ. Государь, въ сопровожденіи многочисленной свиты и начальствующихъ лицъ, при громкихъ привѣтствіяхъ войскъ и собравшагося народа, прошелъ по мосту на противоположный берегъ Днѣпра, гдѣ благодарилъ понтонеровъ за скорую и отчетливую работу, а затѣмъ, возвратившись въ ставку, черезъ нѣсколько минутъ перешелъ вмѣстѣ съ Государыней на пароходъ «Ольга». Пароходъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ, прошелъ до желѣзнодорожнаго моста и обратно. Ихъ Величества высадились на той-же пристани и отсюда прослѣдовали прямо во дворецъ.

На берегахъ Днѣпра городомъ была приготовлена роскошная иллюминація и фейерверкъ. Въ числѣ картинъ фейерверка была, между прочимъ, изображавшая домикъ, гдѣ жилъ Государь въ Болгаріи. Но вслѣдствіе бывшаго проливнаго дождя съ вѣтромъ фейерверкъ не удался, и хотя былъ сожженъ, но представлялъ собою лишь слабое подобіе того, что должно было быть при хорошей погодѣ. Большинство ракетъ не поднималось, безсильно шипя на землѣ, а взлетавшія высоко исчезали въ облакахъ, озаряя ихъ тусклымъ свѣтомъ. Но горный, поросшій деревьями берегъ Днѣпра, освѣщенный бенгальскими огнями, представлялъ тѣмъ не менѣе волшебную картину, еще болѣе поражавшую своимъ контрастомъ съ непроглядною мглой и ненастьемъ. Несмотря на сильный дождь, съ обоихъ береговъ рѣки то и дѣло раздавались громкія «ура» многочисленнаго народа, собравшагося полюбоваться на фейерверкъ.

Въ послѣдній день своего пребыванія въ Кіевѣ, 19 августа, Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и великими князьями присутствовалъ на двухстороннемъ маневрѣ. Государь прибылъ на Сырецъ въ 9

часовъ утра. Тотчасъ, по данному сигнальному выстрѣлу, оба отряда, восточный и западный, принялись за исполненіе своихъ задачъ. Между тѣмъ къ мѣсту прибытія Государя были собраны отъ всѣхъ частей, входившихъ въ минувшую войну въ составъ рушукскаго отряда, раненые нижніе чины. Слѣдуя по фронту, Государь милостиво разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ, распрашивая о времени полученія раны и состояніи здоровья. Затѣмъ, поблагодаривъ людей за молодецкую боевую службу, онъ сѣлъ на коня и направился на возвышенный пунктъ, откуда удобно было наблюдать за ходомъ маневровъ. Послѣ главной аттаки восточнаго отряда на укрѣпленную позицію, Государь приказалъ дать отбой и, поблагодаривъ собравшихся начальниковъ отдѣльныхъ частей, сталъ объѣзжать войска; каждая часть отдѣльно удостоилась при этомъ царскаго спасибо. Въ 11 часовъ 45 минутъ Государь отбылъ съ Великими Князьми въ кадетскій корпусъ.

У подъѣзда Государь былъ встрѣченъ директоромъ корпуса и всѣми преподавателями и воспитателями. Во второмъ этажѣ въ одной залѣ были собраны кадеты 2 и 3

возрастовъ, а въ другой новички, только что принятые въ корпусъ. Поздоровавшись съ воспитанниками, Государь прослѣдовалъ въ церковь, гдѣ, по обычаю, былъ встрѣченъ священникомъ и прикладывался къ св. кресту. Отсюда Онъ прошелъ въ большую сборную залу. Тутъ были собраны кадеты четырехъ старшихъ возрастовъ. Поздоровавшись съ ними и похваливъ стройное пѣніе исполненнаго ими народнаго гимна, Государь пожелалъ видѣть больныхъ кадетъ и въ лазаретѣ обратилъ особенное вниманіе на одного больного, приложивъ руку къ его головѣ. Возвратившись въ сборный залъ, Государь сказалъ нѣсколько словъ, обращенныхъ къ кадетамъ, о высокомъ значеніи будущихъ ихъ обязанностей. Громкое «ура» было отвѣтомъ кадетъ, послѣ чего Государь приказалъ отпустить ихъ для слѣдованія за нимъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ толпою воспитанниковъ, Онъ милостиво простился съ ними, выразивъ надежду, что они и впредь останутся такими, какими были доселѣ.

Изъ кадетскаго корпуса Государь прослѣдовалъ во Владимірскій соборъ, гдѣ разсматривалъ представленные проф. А. В.

Праховымъ рисунки живописи и мраморныхъ работъ. Войдя затѣмъ подъ главный куполъ, Государь осматривалъ храмъ и распрашивалъ производителя работъ, архитектора В. И. Николаева, о мѣстахъ, гдѣ были повреждения, о причинахъ происхождения трещинъ въ стѣнахъ и о способахъ укрѣпления собора. Изъ Владимірскаго собора Государь отправился во дворецъ.

Между тѣмъ Государыня въ первомъ часу дня посѣтила Маріинскій дѣтскій пріютъ. Собранныя дѣти привѣтствовали свою августѣйшую покровительницу стройнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Ея Величество осмотрѣла все помѣщеніе пріюта и милостиво распрашивала о его состояніи. Одна изъ дѣвочекъ, воспитывавшихся въ пріютѣ, подпесла Государынѣ отъ всего пріюта замѣчательно тонкой работы посовой платокъ съ инициаломъ Ея Величества, на подушкѣ, обшитой розовымъ кружевомъ.

Изъ пріюта Государыня прослѣдовала въ Фундуклеевскую гимназію, гдѣ при входѣ одна ученица подпесла букетъ, а другая произнесла краткое привѣтствіе. Въ залѣ второго этажа были собраны ученицы четырехъ старшихъ классовъ, исполнившія при входѣ

Государыни народный гимнъ. Государыня обошла ряды ученицъ, послѣ чего одна воспитанница Левашовскаго пансіона поднесла букетъ и корзиночку изъ розоваго шелка. Отсюда Государыня спустилась въ залу нижняго этажа, гдѣ были собраны ученицы младшихъ классовъ. Тутъ хоръ исполнилъ «Славься» и народный гимнъ, послѣ чего двѣ ученицы поднесли Ея Величеству шитую шелками подушку.

Отсюда Государыня проѣхала въ министерскую женскую гимназію, куда незадолго передъ тѣмъ прибыла и Великая Княгиня Марія Павловна. Ея Высочеству былъ при входѣ поднесенъ букетъ. Великая Княгиня, любезно бесѣдуя съ ученицами по-французски, обходила классы, когда подъѣхалъ экипажъ Государыни. Ея Величество была при входѣ въ гимназію встрѣчена начальницей и всѣми преподавателями, съ которыми милостиво бесѣдовала; маленькая ученица поднесла при этомъ роскошный букетъ. Въ актовомъ залѣ хоръ ученицъ исполнилъ народный гимнъ, послѣ чего Государыня удостоила милостивыхъ разспросовъ учительницу пѣнія, а затѣмъ отбыла во дворецъ при шумныхъ привѣтствіяхъ ученицъ и со-

бравшагося на улицѣ народа, который тотчасъ расхваталъ на память цвѣты, которыми былъ усыпанъ путь въ гимназію.

Послѣ завтрака во дворцѣ, Ихъ Величества осматривали вооруженія Васильковскаго укрѣпленія и эскаладу его саперными баталіонами. 5 саперный баталіонъ, послѣ подготовительныхъ работъ, продолжавшихся около часу, быстро спустился съ инструментами и штурмовыми лѣстницами въ ровъ укрѣпленія и перебрался черезъ каменную стѣну. Затѣмъ 6 баталіонъ подъ звуки музыки бросился на штурмъ фасовъ укрѣпленія. Люди быстро скатились въ ровъ по скользкому отъ дождя откосу, перебрались съ помощью лѣстницъ и шестовъ чрезъ каменную стѣну и съ криками «ура» бросились на штурмъ землянаго вала. Несмотря на скользкій грунтъ, они мигомъ взобрались на валъ и спустились внутрь укрѣпленія. Государь остался вполнѣ доволенъ и благодарилъ войска.

Въ началѣ 5 часа Ихъ Величества отправились въ военный госпиталь, гдѣ обошли всѣ палаты и бесѣдовали со многими больными, съ участіемъ распрашивая о ходѣ болѣзни и внимательно выслушивая до-

клады врачей. Отсюда Высокіе Гости прослѣдовали въ лѣтнее помѣщеніе госпиталя, гдѣ заходили почти въ каждую палатку; нѣкоторыя изъ сестеръ милосердія удостоились при этомъ милостивыхъ распросовъ объ ихъ дѣятельности.

Въ 6 часовъ во дворцѣ былъ парадный обѣдъ на 140 кувертовъ, къ которому удостоились приглашенія высшія духовныя особы, лица свиты и нѣкоторые гражданскіе и военные чины. Послѣ обѣда Ихъ Величества посѣтили Великую Княгиню Александру Петровну, послѣ чего прослѣдовали въ городской театръ, гдѣ присутствовали на концертѣ.

Изъ театра, въ исходѣ 10 часа, Ихъ Величества отбыли на вокзалъ для слѣдованія въ дальнѣйшій путь. Предъ самымъ отъѣздомъ Государь милостиво благодарилъ генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Дрентельна за радушный пріемъ и на прощанье трижды его облобызалъ. Императорскій поѣздъ тронулся въ 10 часовъ 15 минутъ.

2007051216